

Русский литературный центр

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ

Москва

2020

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

М67

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ

М67

Литературно-художественное и публицистическое издание/ I I книга литературно-художественного журнала «Современные записки» в 2020 году / Издательский дом «Русский литературный центр» 2020 год, 252 страниц.

Благосклонному обществу книголюбовъ предлагается ознакомиться съ реконструированнымъ журналомъ «Современныя записки», который впервые появился на свѣтъ въ 1920 году въ Парижѣ и сталъ наиболѣе значимымъ послемъ русскаго слова въ Европѣ, консолидировавши лучшія умы современности. Будучи закрытымъ въ 1940 году по волѣ обстоятельствъ военнаго времени, по случаю 75-летія Побѣды русскаго народа надъ фашизмомъ, журналъ «Современныя записки» возстановленъ и вновь готовъ занять своего почтеннаго читателя увлекательнымъ чтеніемъ.

ISBN 978-5-6042980-7-8

© ИП «Митрохин Н.С.»

© Русский литературный центр

СОДЕРЖАНИЕ

Замѣтки и обзоры.....	4
Вера Зверева.....	5
Константин Спасский.....	8
Ксения Шульман.....	12
Романъ по частямъ	15
Виктор Шлапак.....	17
Художественныя повѣствованія.....	21
Сергей Воробьев.....	23
Анатолий Скала.....	44
Александр Семенов.....	53
Наталья Капралова.....	54
Анастасия Яковлева.....	56
Ирина Николаева.....	64
Сергей Черкасов.....	67
Анна Сороковикова.....	85
Альфира Ткаченко.....	93
Екатерина Гимадиева.....	95
Юлия Федотова.....	101
Алексей Мильков.....	110
Дмитрий Ульянов.....	124
Алиса Новикова.....	126
Людмила Сергеева.....	128
Екатерина Яшина.....	156
Литѣратурный переводъ.....	171
Елена Лазарева.....	173
Николай Пепелищев.....	179
Маша Гатто.....	180
Анна Павлова.....	184
Изящная словѣсность.....	185
Сергей Демиденко.....	187
Серафима Иванова.....	193
Андрей Гулидов.....	197
Елена Ананьева.....	205
Кира Хотина.....	212
Яна Бялая.....	216
Валентина Астапенко.....	217
Геннадий Горовой.....	223
Никита С. Митрохин.....	230
Илья Сувернев.....	231
Максим Букин.....	236
Мария Шубина.....	237
Поэмы.....	240
Наталья Стремитина-Шурина.....	241

Заметки

и обзоры

Вера Зверева

САШИЗМ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА

10 декабря были объявлены итоги премии «Большая книга». Победителем стал русскоязычный автор Александр Ильичевский с романом «Чертеж Ньютона». А Захар Прилепин, не занявший победное место в премии возму-

тился. Дескать, жюри премии состоит как минимум из 50-и евреев и в этом вся проблема. Не заметили русского писателя!

Иронию с чувством брезгливости сама ситуация вызывает из-за одного важного факта – те же «50-т евреев» присудили «Большую книгу» Захару Прилепину в 2014-м году. Но, чтобы понимать суть и глубину происходящего, необходимо знать историю целиком.

10 декабря 2020 года были объявлены итоги крупнейшей литературной негосударственной премии «Большая книга» (сокращенно – «БК»). Этот проект появился на свет в 2005 году. Совет попечителей премии состоит из весьма уважаемых не только в мире литературы людей: Олег Сысуев, Александр Авдеев, Всеволод Багно, Олег Добродеев, Михаил Швыдкой и многие другие менее публичные люди занимаются данной наградой. В разные годы «БК» были удостоены лучшие произведения, авторы которых не нуждаются сегодня в представлении: Дмитрий Быков, Алексей Иванов, Людмила Улицкая, Андрей Битов, Илья Кормильцев, Леонид Юзефович, Виктор Пелевин – с 2005 года список накопился длинный.

В этом году премию присудили Александру Ильичевскому. Он уже был удостоен почетной награды в 2010 году, но занял с другой работой второе место. И вот, спустя 10 лет получил первое. Ильи-

чевский – физик, учился в МГУ. Как ученый он создал себе имя 90-е. А в начале 00-х занялся литературой. В 2013 году автор переехал жить в Израиль.

Началом для конфликта послужила оценка итогов «Большой книги» в 2020 году шеф-редактора Storytel Константина Мильчина. Он высказал мнение, что среди номинантов были и более сильные произведения, назвав имя «своего протеже». На его мнение откликнулся писатель Захар Прилепин, написав следующее: «В жюри премии «БК» примерно 50 евреев. Это все, что надо было написать, Костя». В развернувшейся полемике между Мильчиным и Прилепиным не прозвучало, что автор «Саньки» просто неудачно пошутил. В этом и кроется суть.

Само собой, большинство литературных конфликтов базируется в наше время как раз на принципе неоправданных ожиданий. Проще говоря, когда недалекий литератор начинает качать права не получив что-либо «на халяву»: премию, публикацию в сборнике или шапку, над которой потешался в одноименной повести Владимир Войнович. Хотя, казалось бы – с какой стати литератор считает, что ему должны были что-то давать? Очевидно же: кому давать, а кому нет – решает дающий.

Но, Захар Прилепин «раскатал губу» на премию «Большая книга» в 2020 году и подал заявку на нее, предложив на конкурс книгу «Есенин. Обещая встречу впереди». Книгу посчитали неинтересной и не заметили среди остальных заявок. Честно говоря, я бы тоже не заметила. На мой взгляд, у Прилепина вообще мало книг, стоящих внимания.

Но тут важно заявление. Антисемитское, дерзкое и оскорбительное. Такое нельзя оставлять незамеченным. Оно «попахивает» не просто антисеминизмом, а настоящим фашизмом, если звучит из уст Прилепина.

Какие характерные черты имеет такая идеология, как «фашизм»? Веру в то, что условных «нас» окружают одни лишь враги и условные «мы» должны сплотиться против всего мира. Идеологию своячества, которая проявляется в расизме, корпоративизме или в другом каком-либо принципе отделения «своих» от «чужих». Стремление к конфликтам, вплоть до пересмотра итогов давно произошедших событий. И, безусловно, вождизм.

«Вождить» Захар Прилепин любит. Недаром, создал даже партию «За Правду», лозунг которой «Бог есть. Родина одна». Этот ло-

зунг сильно напоминает нацистский «Ein Volk, ein Reich, ein Führer», а многие высказывания самого Прилепина и раньше граничили с идеями, близкими к фашизму.

Метаморфоза превращения (ох уж это любимое выражение Никиты Митрохина) растрепанного экстремиста-хулигана, каким предстал в литературном мире Захар Прилепин с романом «Санька» в середине 00-х в ультра-правого «пропутинского» писателя в середине 10-х годов мне понятна. И политическая работа на потеху всему миру дело знакомое еще благодаря политику-писателю Эдуарду Лимонову.

Но, к чести Лимонова нужно отметить, что его политические взгляды не мешали ему до конца дней держать марку хорошего писателя. Ему хватало внутреннего стрежня не винить во всех бедах евреев или кого-либо еще. Может, Лимонов читал Иосифа Бродского, который высмеял тему антисемитизма стихотворением «Если в кране нет воды, значит выпили жида». Может, Лимонов был знаком с произведениями Василия Аксенова или Владимира Высоцкого где также высмеивается антисемитизм и мировые заговоры.

Но, Прилепин видимо далек от трудов Бродского, Высоцкого или Аксенова. Уверена, он понимает, что в XXI веке подобные высказывания неуместны. Но, что поделать, если сердце ноет?

Для общества данная история хороший знак – у нас до сих пор недопустимо чванство подобного рода и мы, как граждане, не готовы наступать второй раз на те же грабли. Потому, Прилепина и не поддержали даже в интернете.

Для писателей – эта история может послужить уроком и сигналом. Уроком тому, что верный способ загубить свою карьеру – это начать скандалить из-за того, что что-то вам не дали бесплатно, как бы вы не хотели. Сигналом к тому, что русскому читателю вновь нужны авторы вроде Бродского, Высоцкого и Аксенова. Такие, которые культурно и дипломатично объяснят все и о мировом заговоре, и о масонских ложах, и о евреях. Как минимум, читателю Захару Прилепину такой писатель определенно нужен как можно скорее.

И проблемы в этой истории только у Захара Прилепина. У Прилепина-писателя. Который не готов к тому, что мир искусства делится не на «евреев» и «не евреев», а на «нравится» и «не нравится». Думаю, мало кто захочет рублем поддерживать, теперь, фашиста Прилепина, покупая его книги или смотря его выступления по ТВ.

Но, может, Захар Прилепин все же неудачно пошутит?

Константин Спасский

ЗАВОНИЛ ТЕЛЕФОН

- Костян! Привет! Ты где? – Вовка Чуприков был бодр. Он вернулся из Ичкерии, куда ездил к нашему другу артисту и кастинг - директору Хамиду Марзаганову. Мы все ждём открытия границ с Китаем, потому что там есть несколько киношных проектов, которые отложили на осень из-за модной пандемии. А мы там должны сниматься.

- Дома. Как ты? Откуда? – я сразу взбодрился. Вовка всегда привносил оптимизма.

- Еду из Ярославля. Скоро буду в Москве.

⊘
- Глаза как? - 16 июля ему сделали операцию на глаза. А в ноябре прошлого года на сердце. Обе операции прошли замечательно. Он сразу присылал бодрячковые фотки из больниц со свежим шрамом на груди и потом с заклеянным глазом, но поднятым вверх большим пальцем.

- Уже хорошо.

- Как к Хамиду съездил?

- Хамид снял передачу. Сейчас сброшу ссылку. Давай завтра – послезавтра заскочу в Союз театральных деятелей. Поговорим. Взносы заплачу.

- Давай, буду ждать звонка.

Вместо него ночью позвонила Лена Данилова. Она кастинг-директор и наша подруга, поэтому было совсем не удивительно, что ночью. Но то, что она сказала, шокировало: «Кажется, Вова умер». Утром она подтвердила сказанное в смс: «Нет больше нашего Вовы». Я приехал на Мосфильм, на озвучку, со звенящей головой. Актёры, знавшие его, были в растерянности. 56 лет. И всё. 23 сентября 2020

года его похоронили. Отпевание, кладбище, поминки. Он должен был сейчас сниматься в двух фильмах. И умирать не должен был совсем. Но на даче случился инфаркт. И это не коронавирус, заставивший нас всех прятаться и бояться, и ждать подвоха именно от него.

С Чуприковым мы знакомы очень давно. Время нас так сводило, что мы могли общаться подолгу. Очень подолгу. И каких только тем мы ни касались.

Вспомнились ещё события двухлетней давности. Зазвонил телефон.

- Костян! Ты где? - Спросил Вова Чуприков.

- В Союзе театральных деятелей, – ответил я.

- Через 15 мину приеду. Будешь?

- Нет, уже выскакиваю. Бегу в музей Востока на выставку Рериха.

- Тогда где?

- Тогда на «Кропоткинской» в центре зала.

Приехали. Встретились. Пошли в музей вместе. Погода дивная. Конец сентября вечерее.

Вова рассказывает:

- Устал. Прилетел из Китая. А это восемь часов из Москвы до Пекина. Там через пять часов пересадка. И час до Янтая. А там уже час не в счёт. Ничего от усталости не соображаешь. В общем! Китайцы снимают сериал «Дипломатический шторм». Я играю Хрущёва. Режиссёр хороший. Группа хорошая. Условия хорошие. Переводчик, он же агент хороший. Срочно высылай фотки и резюме. Ты похож на Вышинского. Больше всех похож.

Прогулялись до музея. Встретили нашего замечательного друга Николая Терещука - председателя Московского отделения Российского творческого Союза работников культуры, главного редактора газеты «Московский вестник культуры». Посмотрели картины Рерихов. Окунулись в атмосферу его картин. Шла экскурсия для прессы, вёл её директор Музея Рерихов Тигран Мкртычев. В старинной усадьбе Лопухиных витал особый дух творчества, свободы, востока.

Через неделю Чуприков позвонил из Янтая, маленького, провинциального, пятимиллионного города. Он и наш переводчик, и кастинг-директор Хамид Марзаганов сидели в номере гостиницы стоящей на берегу Жёлтого моря. Они сообщили, что я утверждён на роль Вышинского, и что пора мне собираться лететь в Китай на съёмки. В самолёте, когда пролетали над горными хребтами, вспомнился Рерих и прогулка по усадьбе.

Недавно в Китай летал мой друг Сергей Антипов, блестящий поэт, Академик РАН Президент фонда авторской поддержки «Меченат». Автор поэтических сборников «Кванты осознаний», «Время летающих строк», «Линия любви», «Стихи не для всех», «Стихиатрия любви», собравший невероятное количество творческих наград уверен, что будем печататься со временем в Пекине также как и в Москве. Понравилась перспектива моей поездки и Денису Минаеву, прекрасному поэту, директору издательства «Серебро слов». Он давно увлекается восточной поэзией и с китайского даже делает небольшие переводы. Денис давно устанавливает международные связи. И в его журнале представлены материалы с разных концов планеты. Григорий Осипов, Президент Международной академии русской словесности, секретарь правления Московской областной организации писателей хотел было лететь со мной, но дел оставалось в Москве много.

10 В Китае снимался сериал «Дипломатический шторм» режиссёра Сонг Е Минга, снявшего много хороших полнометражных фильмов и сериалов. Это тематическая драма, в которой рассказывается о том, как китайские дипломаты позволяют Китаю выйти на новый международный уровень. Период подписания между СССР и КНР договора о «Мире, дружбе и взаимной помощи». Встречи в ООН, визиты в Кремль, встречи с высшим руководством и т. д. Послевоенное становление ведущих мировых держав. В главной роли снимался китайский актёр Тан Гоцянь (唐国强). Мы не знали китайского, общались с Тан Гоцянь (唐国强), Сонг Е Мингом и другими артистами на языке кино и вполне друг друга понимали. На съёмочной площадке царил дух дружбы и взаимопонимания. Тан Гоцянь (唐国强) практически национальный герой. Играть великого Мао удостоится чести только самый достойный! И прекрасный дуэт ему составил Владимир Чуприков, играющий роль Хрущёва. Задрал, что называется, планку. И попробуй не соответствовать. О российской истории Чуприков знал много. Постоянно пополнял свои знания. Кроме того анализировал и сопоставлял факты, видел скрытые события исторического процесса. Перед съёмками он подарил мне том со статьями академика Вышинского «Вопросы теории государства и права». Нам было о чём с Чуприковым поговорить. И ни один час, и ни один день. Конечно, подобное углубление в эпоху помогает. И его Хрущёв получается живой и убедительный. Артист, способный в себя влюбить режиссёров, очень понравился Сонг Е Мингу и

удостоился многих добрых слов. И в общем, сразу получил приглашение сниматься в новых фильмах. После окончания работы он не мог себе позволить лишний день отдыха в Янтае, на берегу Жёлтого моря. Его уже ждали в Праге на очередной съёмке.

Первый раз, когда я прилетел в Янтай, в гостиницу, стоявшую на берегу Жёлтого моря, заселился ближе к ночи. Зашёл к Вове. Он категорически заявил, что пить не будем. И достал пятилитровую баклажку водки. Только по сто грамм и всё. Решение было абсолютно правильное, завтра с утра грим, костюм и на площадку. Но водка оказалась роковой и вкусной. Через час мы оказались в море счастливые и относительно трезвые. Температура моря была такой-же как и температура воздуха – плюс пять градусов. Но ради справедливости надо добавить, что на следующий день съёмки прошли просто блестяще.

Потом нашу компанию пополнили Игорь Гузун, наш Сталин, милейший человек, хороший и добрый рассказчик. Владимир Жуков, игравший Молотова, доброжелательный и ироничный, добавивший в наш коллектив размеренности и правильности. Персонаж Малика достался Игорю Нойману. Громько – Андрею Свиридову. Федоренко играл Михаил Самодумский. Кроме того были приглашены актёры из Англии, Америки, Франции, Италии. Полноправными членами кинопроцесса стали наши арт-директора Джен Фен и Хамид Марзаганов. У Хамида солидная китайская фильмография. Он молод, но это не помешало ему опекать нас, как детей и терпеть все наши капризы, и наставлять, и, как ни странно, многому учить. Он показал нам Китай, насколько это было возможно в Янтае. А Джен Фен покорила своей мудростью, очень характерной для киношников и китайцев вообще. И, конечно, много похвал прозвучало в адрес Владимира, который всегда был объединяющим центром. В марте я с ним должен был лететь в Китай на съёмки. Хамид уже договорился по работе в двух проектах. Но весь мир надел маски и закрыл границы. Уже октябрь. Сегодня сорок дней, как Володи нет. Его жене Наташе не знаю, что сказать. Она умница. Сразу мобилизовалась. Надо заботиться о детях. Надо осознать, что произошло. Наш общий друг, актёр и режиссёр Костя Глушков сначала просто не поверил. Да и нам всем в это верится с трудом. У Володи было много друзей. Он мог общаться со всеми и сразу. А сегодня телефон молчит. Я посмотрел фотки в телефоне, отправленные им, послушал его бодрые сообщения. Как коротка жизнь. Телефон, конечно, зазвонит. Но это будет не Вовка.

Ксения Шультан

О ХЛЕБЕ, ОБ УСКАХ И СОВСЕМ НЕМНОГО О ЧЕЛОВЕКЕ

Я стою у какого-то пруда в каком-то парке. Это не первый раз, когда я нахожу себя неизвестно где, неизвестно как, и главное – неизвестно зачем. Наверное, это нормально для того, кто искренне верит, что путь осилит идущий, поэтому постоянно куда-то бредет, чтобы в конце концов осознать, как безбожно поломан его GPS-навигатор. Или может дело в том, что за почти двадцать лет своей жизни я ни разу не вводил точный пункт назначения. Мир вообще до краев набит вопросами без ответов, и я не хочу пополнять эту сокровищницу собственными загадками.

12 Мне вполне достаточно знать, что сейчас я стою у какого-то пруда в каком-то парке, держа в руках хлеб – почти совершенное человеческое творение. Я люблю его больше всего на свете, поэтому всегда подхожу к процессу поглощения хлебного «кирпичика» как к священному ритуалу. Сначала я стараюсь распробовать его запах. Понятный и искренний аромат хлеба не должны портить ни откровенно рождественская корица, ни приторно сладкий изюм, ни заграничный пармезан с солнечно итальянскими травами. Затем в игру вступают глаза, которыми нужно хорошенько рассмотреть кусочек сдобной жизни. По моему мнению, лучше всего хлеб выглядит, когда коричневая корочка надламывается с сочным, пронзительным хрустом, вызывающим во мне чувство предвкушения и потери. Наконец, перед глазами появляется молочно-кремовый цвет хлебного нутра, который лично у меня ассоциируется со словом «нежность». Наверное, если бы наши руки были сделаны не из мяса и костей, а из хлебного мякиша, они не умели бы бить – только обнимать. Я желаю всем хлебных рук, пока запускаю свои в так называемую «душу сдобы». Мой дедушка рассказывал мне, как в детстве всегда съедал мякиш в первую очередь, чтобы оставить самое вкусное – корочку хлеба – на потом. Я же никогда не знаю, с чего начать, потому что

уважаю хлеб до самой его последней крошки. Снаружи он твердый, царапающий нёбо, хрустящий и крошащийся. Внутри хлеб похож на облако, воздушный и сладковатый на вкус.

Тем временем я стою у какого-то пруда в каком-то парке, держа в руках хлеб, в окружении уток. Чинно они проплывают мимо меня, не порождая в моем сознании интереса: куда девается утиное племя, когда пруд замерзает. Вместо этого с их появлением я начинаю мучиться вопросом, что эти птицы думают о самих себе. Счастливые обладательницы крыльев, они могут улететь куда им вздумается, но продолжают возвращаться сюда, на пруд, терпеливо дожидаясь милости от здешних гуляк. И я жалею глупых уток, обменявших свою дикую свободу на сытое удовольствие, когда люди в конечном счете поступают ничуть не лучше. В это время руки, безразличные к моим умственным мучениям, решают, что мне пора преломить с птицами почти забытый кусок хлеба. Разорванная сдоба вздутыми хлопьями ложится на поверхность пруда, всколыхнув утиные семьи. Человек в лице меня высокомерно оглядывает своих озверевших подопечных, отнимающих у собственных детей последние крохи. И я продолжаю свою показательную добродетель, старательно избегая смотреть на рядом стоящую табличку с предупреждением о вреде хлеба для утиного организма. Почему я это делаю? В чем провинились передо мной утки, не разделяющие моего стремления убежать от пруда? Делаю ли я это из-за своего эгоистического желания механически запускать пальцы в послушное хлебное тело? Человек по незнанию совершает в день несколько десятков жестокостей. И еще больше по знанию. В отличие от уток. И тем более хлеба.

И я все также стою у какого-то пруда в каком-то парке, держа в руках хлеб, в окружении уток и без души вокруг. Вместо этого я наткнулась взглядом на телесные оболочки людей, снующие то тут, то там и заставляющие чувствовать себя бродячим одиночеством. Мы, люди, вообще мало что замечаем вокруг себя. Безразличные друг к другу ничуть не меньше, чем к хлебу и птицам. Торопящиеся, неуклюжие и всегда помнящие о пункте прибытия. С мясисто-костяным нутром и продуктовыми магазинами. Со сравнительно долгим сроком хранения и теплыми зимними квартирами. Интересно, кого больше: людей или уток. Интересно, кто важнее: человек или хлеб. И поместимся ли мы все в этом огромном мире, до краев набитом вопросами без ответов?

В центре какого-то пруда в каком-то парке, держа в руках хлеб, в окружении уток и без души вокруг стоит всегда одинокий человек. Где он оказался? Здесь. Как он здесь оказался? Добровольно. Зачем он здесь оказался добровольно? И правда, зачем?

Далее рассуждения прерываются.

Романъ

по частямъ

Виктор Шлапак

В ОКНО ЕВРОПЫ

Начало романа читайте в журналѣ «Современные записки»
№ I 2020 года

23...

Визы получены, путь в Европу открыт. А я по дороге домой подумываю, а как бы этот путь, но уже из Европы к нам, прикрыть, хотя бы через раз, чтобы оттуда к нам не лезли евростандарты хамства вказивок, образцы партдемократического централизма, тексты и тесты ужимок, виляний, поз, шоу... И тут вспоминается, рассказанная и даже опубликованная мною история, случившаяся со знакомым мне профессором, доктором, случившаяся с ним на выпускных экзаменах в университете, да еще имени Шевченко, да еще поукрит. На вопрос выпускнику, без пяти минут учителю: – Что вы знаете о произведении «Ревут ли волы, если ясли полные?». А получен был такой ответ: – Это инструкция по уходу за волами.

Вот пример полного проникновения-интеграции полного фэшн-евростандарта разобразования в разные там незалежные, свободные народцы и в их структуры власти. Этот ответ и есть результат обучения по тестовой системе, обеспечивающей процветание по евростандартам, типа: бабки, пиво, порно, шоу и чуть не забыл – неприкосаемости. Этот процесс разобразования начался со времен ! – 2 мировых войн и вот 3 - 4 холодных-психотропных войн, а иначе их просто бы не было, а раз они были и ведутся - значит, увы, эта система разобразования действует... Тут надо оговориться, что существующие системы обучения остановились на уровне грамотности что всего лишь есть первым этапом образования. Так вот я создал свой Проект изменения системы до уровня образования, но мои запросы и обращения к Президентам закончились ничем, разбивались к подходу к стенам из непробиваемых админструктур. Одна надежда на выполнение читателями двух практических пунктов, чтобы остановить этот поток войн-см ниже...

Жена звонит дочке, не выдерживает – билеты взяты, я уточняю цену: – Тысячу евро – два билета. - Ого, ничего себе – хорошо сидят!

Таковы системы оценок униженных и оскорбленных разных там евростандартов, якобы демократических, по которым, если расшифровать слово – должны страдать они, а не мы, а поэтому, если на самом деле снять эти и другие маски с брендов –стендов-реклам незалежности и свобод, то под ними мы увидим трасты, тресты (трясця бы их...), концерны (концерты их шоу-биз-звезд-бонз), работающих для якобы народа, но принадлежащие не народу, а борцам за его благо, которое, будучи прихватизиро-инвестированным, закононизированным, отходит к его владельцам и владелицам, а народу залышается только шум рекламо – бренд – стенд - тэви о незалежностях, о свободе, так сказать в чистом виде - в виде баланды с уже обгладанными костями (см. Солженицын), т.е. бросается прожиточный минимум, и то уже без услуг ЖЭКа – ха-ха, поли-клиник, но еще оставляют основные его бренды укр-евро-сша-стандартов, типа – терпение, надежды, обещания (вогоны и маленькие тележки системы кравчу-ю-ю-чки), сюда же прикладываются – молитвы, покаяния, чекания - ожидания... И чтоб окончательно обезопасить подходы к тайнам демократий, незалежностей снимают из процесса обучения русскую литературу (и в России, и в Украине, и...), и украинскую, а заодно – французскую, английскую, немецкую, так, оставив лишь ФИО писателей, без познания сути их творчества – боже упаси, «розкуваты закутых» (Шевченко).

18

Дочка как-то призналась, что читала своему мужу – немцу, достаточно взрослому, даже перевозрастному, Гете, о котором он узнал впервые, впрочем, как и у нас Шевченко, я не говорю о поэме «Сон», «Гайдамакы», «І мертвым, і живым», я говорю всего бы знать одно его стихотворение «Заповіт» («Завещание»), где он как бы говорит: ребята, ладно, черт со мной, похороните, но тут же снимите с себя кайданы (оковы), и не одевайте, не вступайте - не напяливайте на себя новые: и евро, и сша, и свои да еще стандарты – и не гордитесь кайданами...

2 2...

Летим утром, а я захотел переписать рейс с утра хотя бы на два часа дня – бессмысленное истязание тела, а время – почти начало второй мировой бойни – самый час пик расслабления. Но изменить ничего не удастся, как и не изменить прошлое – историю – бессмысленное истязание...

К этим и другим открытиям смыслов приходится пробиваться мне сквозь дебри своего же почерка, к тому же, не забудем, двух-летней давности и, чего уж там – двухтысячелетней – и с горечью приходится сознавать – ничего почти не изменилось, мы наступаем опять-таки на те же грабли истории – рост наци, правда, уже где-то шоу-фашизма, хорошо оплаченное, как реклама самого прибыльного биз - товара, пускай и старого образца, с крестами, усами, жес-тами, но нового нео, типа, особенно легко усвояемого в так назы-ваемых незалежных странах, их высокопосадовцами над низами, которым всегда нечего есть и уже ничего не осталось от того, чем учатся и лечатся от наци...

Примеров, к сожалению, многовато, напомним о вышеприведен-ных картинах и в жизни, и на ТВ - экранах, и вот последнее сви-детельство туристки, посетившей Мюнхен – туристам предлагают для выбора плановые экскурсии и внеплановые – пивную Гитлера, туристы идут в пивную, еще бы, ведь аще в девятнадцатом веке, по меткому замечанию Достоевского, взятому из его поездок по Евро-пе, пивные «разубирались, как дворцы». Протекшие, пробежавшие две мировые войны можно смело назвать еще и пивными. Да, по многим статьям немцы потерпели поражение, но только не по пив-ным, здесь они давно и надолго разбили всех и все. Ведь немецкие пива давно стали национальными, нет, не напитком, а идолом мно-гих, косящими под незалежность стран. Включайте любое ТВ и вы поймете, что патриотом Украины является и может стать только тот, кто... пиво считает главным продакшеном Украины, ее кровью с мо-локом и салом, ее экономикой, культурой, политикой с ее разными там страстями – мордастями того же типа: трасты – корпорейшины – консорциумы. – биржирейшины - саммиты и т-п... Нехай! – Будь-мо! – Все о'кей!

19

Честно говоря, мне не особенно хотелось ехать, но только одно слово как-то магически действовало на меня, нет, даже уже не Па-риж, возможно, только в начале, с его неизменно, слегка приев-шейся эмблемой башни Эйфеля или тв – картинкой довольно-таки однообразное шествие давно засидевшихся однотипных всадников на своих то ли лошадях, то ли креслах, шествующих по каким-то Елисейским полям давно заасфальтированных.

И этим словом было слово – Лувр. Париж был создан для Лувра, а не для Наполеона. А в этом единственном слове главной сутью

было даже не Джоконда, с ее историями похищения, возвращения, а сейчас уже с какими-то потусторонними по сути раскопками. Нет, для меня главной сутью этого слова была эпоха Возрождения, но даже не в ее титанах – Джотто, Рафаэль, Леонардо..., а в первом художнике этой эпохи, как отмечает Вазари, единственный, кто не забыл его – Чимабуэ, учитель Джотто, открывший его в пастушке овец, о чем я написал рассказ «Я пасу овец», помещенный в компьютерном «Новом журнале».

И вот мне хотелось увидеть Мадонну Чимабуэ, которую крестьяне несли на руках через все село, через все эпохи, и плакали впервые, униженные и оскорбленные, о мама миа, несли сквозь строй алчной кучки чиновников всех рангов всех бюрократических систем, с их войнами – инквизициями – кризисами – налогами – репрессиями, и вот их новые аналоги – порно – биз - шоу... Что же они увидели в ней?

А вообще -то, Париж звучит так же таинственно, нерасхлебывающе, как и Лувр – есть в них какое - то сохранившееся ворчание отваги, правда, как бы в удалении, как бы в изгнании, рыки революции, но все это уже сейчас и зараз накрыты накатом воска рекламы пив, порно, лаков, колготок, смывающих с памяти, с земли историю, философию, литературы, живописи, кино...

К сожалению, я в этом убедился в разговоре с моим знакомым эмигрантом – писателем, позвонивавшим мне из самих США-штатов. Он позвонил, чтобы узнать о судьбе своего рассказа, который был уже напечатан, и я не знал его адрес, чтобы отправить.

– Мой офис в самом центре – на Бродвее.

Кто о чем, а курке – просо, то бишь мне - журналы, театры.

– Я слышал, что там театров - на каждом шагу...

– Какие театры – одни мюзиклы.

Больше он не звонил, пропал, канул в беспредел мюзиклов, заменивших... см. выше и ниже...

Х
УДОЖЕСТВЕННЫЯ
ПОВѢСТВОВАНІЯ

Сергей Воробьев

ЗДРАВСТВУЙ, МАМА!

1

Здравствуй, мама!

Хотелось бы сказать, что все хорошо или как обычно, но ты учила не врать тебе и, самое главное, себе. Хотя и обратного (что все плохо) сказать тоже нельзя. Все, что называется, никак, поэтому и переживать не о чем. Но знаю, как ты волнуешься только за тень неселья. Давай я просто расскажу, как все вокруг.

Мы все так же сидим по домам — друзья, коллеги, родственники. Выходим через какие только попадутся под руку средства связи: телефоны, скайпы, зумы. Стараемся общаться не только голосом, но и с видео, пытаемся чувствовать присутствие друг друга. Не получается. Когда созваниваемся группой, все бодрятся, рассказывают анекдоты, - смешные и не очень, - делятся мелкими курьезами: кого не выпустили на улицу прямо у двери подъезда, кому задержали доставку, у кого кран прорвало и некому прийти починить, так как все на карантине. Вчера Саша рассказывал, как выносил мусор. Полиция поймала его перед заходом в подъезд и спросили, куда ходил. Не поверили, но Саша не растерялся и предложил понюхать руку, мол, мусор уж точно оставит след. Но те испугались (наверное, заражения) и быстро смылись. Денег сейчас все равно ни у кого нет, да и разве берут выносящие мусор купюры? Сейчас и обычные прохождение с собой не носят.

А помнишь Таню? Она приходила в гости к нам как-то, ты еще сказала, что она самая красивая девушка, попробовавшая твой чай. Неловко тебе говорить, но мы уже взрослые, да и ситуация забавная. Она долго не могла найти подходящего молодого человека. Кого ни встретит, тот либо женатик, либо только попользоваться, либо дурной. Не везет, не знаю почему, красивая же, правда, и вроде не глупая. Так вот, стала заниматься сексом по скайпу, представляешь? Говорит, что сложно без контакта с людьми, а от потребностей не убежишь, почему бы еще и не заработать. Признаться, не знаю, насколько это умно, но и понять ее могу — в обычное-то время не

ладилось, а тут еще эти ограничения. Стала дерзкой, расправила перышки. Поменяло ее как-то.

Дни слиплись в один, и иногда путаю, когда с кем разговаривал и в какой о чем договаривался. Забываю, когда завтракал — вчера или сегодня, да и вообще, сколько раз ел за день. Знаю, ты злишься сейчас. Не нужно, стараюсь питаться чаще, просто саму частоту потерял. Жду, когда начнутся белые ночи и день остановится навсегда. Ух, что будет.

Сервисы доставки все чаще недоступны, а если удастся достучаться, то очередь на четыре дня вперед. Приходится периодически пить воду из-под крана, так как чистую не успеваю заказывать — все разбирают. Чай, что я так люблю, сейчас вообще не достать, только пакетированный и захудалая заварка. То же самое с сосисками, одна бумага прессованная. Качество продукции сильно испортилось, в общем.

241 Курьеры сейчас самые важные люди. Бывшие официанты, повара, таксисты, кондитеры — все теперь этим занимаются. Пару недель как стал встречать девушек даже. Последняя не нашла в подъезде лифт и поднялась на седьмой пешком. С двумя пятюхами воды, представляешь? Сунул ей чаевых больше, чем стоимость доставки и вода вместе взятые, но все равно пакостное чувство. Заказывать теперь побаиваюсь, если честно. Написал в сервис доставки, попросил добавить функционал с предпочтениями по курьерам, но думаю, им сейчас не до доработок, как бы объем заказов вытянуть. Саша говорит, что в курьерах стали появляться подозрительные, намекает на бывших ЗК. Кто знает, не исключено. Все думаю о том, несут ли сервисы доставки социальную ответственность, как им спится, о чем думают, когда ныряют в бассейнах? Как ты думаешь, мама?

Очень не хватает хорошего вина. Даже выменял бы на что-то, это становится популярно, знаешь. Курьеры берут шабашки и перетаскивают предметы из одной квартиры в другую за деньги. Говорят, много обманывают. Например, заказываешь раритетный портсигар, а получаешь коробочку из-под «Тик-так». Этот механизм пока не налажен, но рынок уже есть. Странные люди, ей-богу. Но вина бы даже я выменял.

Устал, но не понятно от чего. От чего появляется усталость, мама? Иногда после недельного забега рванешь быстрее всех, а иногда и после передышки сил нет. Кажется, будто это не от энергии и

не от питания зависит (да-да, знаю, что ты скажешь). Просто что-то внутри иногда поджигает пороховой фитиль, а иногда нет. Но вот что это и как, все не могу разобраться. Сила духа, может? Мы, знаешь ли, ее не испытывали, вот и не знаем по ощущениям, каково это. Получается, это когда ты сам удивляешься тому, что движешься? Расскажи, как это бывало у вас с отцом, вы точно знаете.

Первого апреля в Питере пошел снег. Невообразимо. Небо затянуло опять малиновой пеленой, как зимой. Выхожу на балкон покурить, хочется схватиться за края небесного полотна и разорвать его, сам не знаю почему. Но сдерживаюсь. Главное не скатиться в жестокость и безумие, сейчас этого в достатке. Иногда на улице кричат те, кого бьют, или носится очередной спятивший. Жалкое зрелище, абсурдно выглядит в наш гуманистический век. Еще несколько месяцев назад сложно было прикинуться безумцем, сейчас это стало обыденным. Видимо, весеннее обострение.

На этом пока все, что могу сказать. Ты береги себя, реже выходи на улицу, дыши свежим воздухом со двора. Наверное, ты сейчас занимаешься огородом все больше, хочешь запастись морковью и луком на зиму. Если да, посади кукурузу. Вдруг удастся вырваться к тебе, поем свежей, вареной с солью. И главное, не грусти ни о чем. Говорят, скоро все это пройдет, и вернется политика, экономика, сериалы и соседские распри. Все, в общем, будет как обычно.

Твой сын.

2

Здравствуй, мама!

Прости, что редко пишу, очень много дел, как бы это ни казалось странным в то время, когда все сидят по домам. Удивительно, но работы стало сильно больше прежнего, и не у меня одного. Все, кому не позвонишь спросить как дела, говорят одно и то же — работы стало больше, чем следовало бы. Я долго размышлял, почему так, и появилась версия, что по причине отсутствия близкого контакта. Похоже, люди действительно общаются телами, взглядами и запахами, и в этих методах передачи информации смысла куда больше, чем в словах. Вспоминаю, как иногда взглянешь на кассира в магазине и понимаешь, нравишься ли ему, в духе ли. В повадках людей, кажется, отпечатывается много всего: и радости от детей, и измены, и успехи. Правда, отпечатывается зеркально наоборот почему-то.

Кто-то распознает друг друга лучше, кто-то хуже, но одно точно — этого всем не достает. Сегодня, например, общался с коллегой через Skype, говорил что-то, но не вижу, как действуют на него мои слова. Раньше замечал, что если он с чем-то не бывал согласен, то негромко сглатывал, а у виска шевелилась кожа. А сейчас всматриваюсь, ходит ли его кадык и блестят ли расцвеченные солнцем волосы. Но ничего не понять. В письмах, мама, стало появляться больше знаков и смысла, чем в видео на экране.

От сидения на кресле болят ноги, от работы за ноутбуком сохнут глаза. Я понял, что если пробыть весь день в пижаме, тело будет зудеть. По расходу посуды стало понятно, как много одноразовых стаканчиков мы тратим на кофе и у кулеров. И как много мы вообще мусорим. А еще, что от интернета уже не скрыться. Недавно выходил на улицу, и за железной дверью подъезда ахнула тишина, будто после артиллерийского удара. Подумал, почему же дома стало шумнее, чем среди звуковой зыби улиц, кто шумит в квартире? Это интернет и шумит. Через видео, статьи, мемы и фото, сводки новостей. Даже если весь день не открывать информационных ресурсов, новости все равно доходят, кто-то насильно засунет последнюю статистику о пандемии, карантине или ценах на нефть прямо в глаза. Вообще, заметил, как много насильно переданной информации вокруг. Даже мониторы компьютеров и смартфонов не отражают падающий на них солнечный свет, а вырабатывают свой. Вдруг стало понятней, чем отличается естественный цвет от искусственного. И тут же пришла еще более интересная мысль. Ведь если телефон льет искусственный свет, чем он отличается от костра в пещере или от камина в старинном поместье, где собирались все нужные люди, готовили еду и грелись? Разве телефон — не индивидуальный очаг? Не от этого ли мы к нему тянемся? Знаю, ты сейчас смеешься над моими поисками причин и истин даже в камне. Глупая мысль, согласен, но так уж устроена моя романтическая натура.

Ничего не работает: кафе и рестораны, все, что нас обслуживало, охраняло, помогало — больше не существует. Правда, эвакуаторы все еще патрулируют улицы. Вчера чуть не забрали машину под домом. Я просто потерялся в днях и забыл, что нельзя парковать на ближайшей стороне по субботам. Заплатил взятку на месте, было стыдно.

Но некоторые заведения все же нарушают и продолжают функционировать. Например, СТО рядом, где я часто чинил машину (точнее, где мне ее часто ломали), а в парке напротив начали заливать каток почему-то. Хоть и холодно, но все же апрель. Да и карантин, кто же пойдет кататься? В общем, перекосило как-то все.

Мне все так же комфортней ночью и одному. Когда все умы засыпают, и никто не мешает излучениями мозга. Брожу по квартире, смотрю, как луна разбрасывает свет вокруг, и везде по-разному. Где-то аккуратными пятнами, где-то каплями, где-то стустками или осколками. У окна стул, лишенный любого смысла, на его спинке растягивается напряженная полоска света от фонаря за окном. Что-то не так в его расположении. Сажусь и смотрю в перемешанную темноту, трогаю лицо, веки, щеки и краешек губ в том месте, где они становятся кожей. И это все как-то нелепо вдруг кажется, потом приходишь в сознание и выдергиваешь пальцы из дремоты. Кажется, стал слишком глубоко задумываться, чересчур глубоко, от этого все. А может от того, что лицо устало.

Ты говорила, что последнее мое письмо совсем не радостное, нагоняет грусть, и слезы жмут глаза. Может в этих строках и правда много меланхолии, но на самом деле настроение прекрасное. Прогуливаясь по квартире, насвистываю разные глупые песенки, ступни отбивают звонкие ритмы. Ты же знаешь, как люблю попеть и потанцевать, и что это случается лишь когда задорное настроение. Обязательно пришло тебе видео.

Стал чаще находить развлечения, пробую во всякие игры. Со всем не получается, если честно, вот это, конечно, расстраивает. Иногда играю с котом, он поддается и отвечает на призывы. Кажется, контакта с ним стало больше. Да, безусловно, присутствует тревога внутри, как будто в груди устройство с ультразвуком — не слышно, не видно, но чувствуешь вибрацию. Порой она делает безумным или начинает нервировать, но точно никакой тоски или уныния. Просто посторонний предмет в теле, с которым можно жить. Сейчас всем приходится так.

Хочется чего-то поделывать руками. Завтра поеду в строительный и что-нибудь смастерю. Думаю сделать красивую вещь из дерева, но пока не придумал что именно. Может быть панно на стену, не знаю. Просто хочется созидать вдруг. Посоветуй чего-нибудь, ты в созидании больше преуспела.

Ты пиши, пожалуйста. Понимаю, что совсем село зрение, и что отвыкла от ручки да бумаги, и совсем лень да усталость. Но я жду твоих писем, в этом что-то новое, со стороны, и от этого чувствую наплыв сил. Каждый день смотрю почтовый ящик, как подросток, хотя понимаю, что глупо. А я буду писать, как только будут придти мысли. Они часто, знаешь ли, последнее время приходят.

Твой сын.

#3

Здравствуй, мама!

28 Все сложнее найти повод что-то тебе написать. Почти нет событий и идей для писем. Вожу ватной рукой по бумаге, выводя литеры и символы, в которых нет никакого замысла. Стало ясно (и ты уж извини меня), что пишу не тебе вовсе, а разговариваю с собой. Письмо — мой личный психоаналитик, в котором сейчас многие нуждаются, благо, у меня он есть. На столе пласты исписанной бумаги, большая часть с неоконченными текстами, второпях написанными мутными ночами. Ни для кого, никому. Они не будут отправлены или опубликованы. Письма, которые сейчас же полетят в мусорные баки. Боюсь, если все, что вышло на бумагу, обнародовать, меня воспримут сумасшедшим, а ты, мама, места себе не найдешь от тревоги. Не пугаю тебя, не думай. Я верю, что будь у многих желание и способности распять душу на бумаге — каждый бы ощутил свое безумие. А с учетом того, что все написанное будет прочитано... Все хорошо, в общем. Наша шизофрения — часть жизни, просто я ее пишу. И все еще прошу не думать, будто я в унынии, если эти строки нагоняют на тебя тоску. Я ищу, и часто нахожу без труда милые поводы улыбаться по пустякам, нахожу возможность заразить этим знакомых и друзей. Но ты совсем другое, что-то вроде эмоционального расслабления, возможности не напрягать лицо. И так уж сложились складки души, что сами по себе тоскливо свистят, только дунет ветер с залива. Позволь мне лишь быть собой, хотя бы здесь. А я в ответ постараюсь поддерживать розовый цвет лица, о котором ты так беспокоишься.

Глубокая ночь сейчас. Пишу строчку и слоняюсь в полутьме по комнате, обдумывая следующую. За мной ходит моя же искаженная тень. Из впадины окна смотрит потемневший, обесцвеченный силуэт моего двойника. Безглазое лицо его смотрится таким замученным, что кажется неряшливо-небритым. Он разглядывает черными пят-

нами глазниц комнату за моей спиной, не улыбается и не хмурится, просто наблюдает с холодным лицом. Протягиваю руку к стеклу, и двойник приветственно отвечает, перебирая пальцами в воздухе невидимые струны. Касаюсь его и чувствую мелкую вибрацию окна. Комнаты за день набирают голосов и шагов, а ночью все накопленное стекает на улицу через оконные проемы, как из ведра поливая двойника. Встряхиваю головой, и партнер падает на тусклые кроны деревьев, беззвучно размахивая руками. Остаться без этой тени в окне куда страшней, чем переживать о раздвоении личности — в полом пространстве невозможно одному. Невозможно. Хорошо, что тени, криво растянутые или нелепо сплюсненные, топчут в соседней комнате. Пока в темноте есть движение, мне спокойно.

Вечером ходил в местную кафе-пекарню (многие работают только на вынос). Общепитные заведения и магазины обязали обеспечить очередь с полуметровым шагом между людьми. Додумались лишь наклеить красный скотч на пол и повесить таблички «соблюдайте границы», а перед кассирами оборудовали защитные пластиковые щиты. Стоит заступить за красную линию, и кто-нибудь достает дистанционный термометр и тыкает в тебя, словно в руке взведенный пистолет: «Я просто померить температуру». Или: «Отойдите на полшага». Все это выглядит комично, конечно, но если позволить себе улыбнуться, в тебя сразу безжалостно стреляют. Нервные какие.

На улицу (как, впрочем, и каждой весной) повылезали городские сумасшедшие. Бродят, засмотревшись на носки ботинок, и бормочут что-то или смеются. Есть (как, впрочем, каждой весной) и задорные психи. Вчера, пока прогуливался вдоль дома, подбежала резвая си-неволосяя девушка, шлепнула звонким поцелуем в щеку и смеясь убежала. На спине ее куртки — принт с польхающим Кремлем. Не понять, что за акция это была — за что-то или против?

На улице тепло никак не наберет уверенности. Разве что солнечные дни появляются все стабильнее. Проезжал по кромке Васильевского острова. Видно, как черная вода наступает на город, а значит, весна полным ходом. Правда, в Питере ее никто не ощутил, так как зима на самом деле была еще тремя осенними месяцами без снега и льда в каналах. Лето, должно быть, резко сдует непогоду и будет теплым. Если карантин не затянется, буду чаще проводить белые ночи на берегу у Севкабельпорта. Там можно прикупить горячий

шоколад, сесть на широкие перила, свесив ноги в залив, и смотреть, как на изгибающуюся нитку ЗСД нанизываются светящиеся бусинки машин. Люблю это место. А пока улицы один день слякотные, другой — иссохшие пылью. Причем так неблагодарно — то дождь плюет в лицо, то пыль наждачкой стирает кожу. За что, мама?

30 Думаю, все, как к этому карантину относиться — слать к черту или отметить праздничными днями в календаре? С одной стороны, всем вокруг жутко и тревожно, эти суетливые глаза в масках, закрытые пространства, увядающая экономика. Но с другой, наконец все стало вдруг прозрачным. Прозрачные люди и просвечивающиеся предметы с границами, напоминающими уроки черчения. Оказалось, мы на просвет с пятнами, а вещи сломаны. Мне этот реализм по душе, знаешь ли. Все говорят: «Добро пожаловать в новый мир», но я наконец выдохнул всю неуверенность: мир всегда был таким. Всегда это чувствовал, видел, слышал, правда, будто за глухим матовым стеклом, без уверенности, что это лишь игра теней. Никто не верил, обвиняли в излишней рефлексии, искажении реальности, бурной фантазии и чрезмерной критичности взглядов. Если хочешь мое мнение, мама, то не происходило с последней мировой войны ничего более важного, чем этот карантин. Остается гадать лишь, что наступит после. Уже сейчас вижу, как в модернистских традициях пробивается отрицание. Если так — лучше бы карантин не заканчивался. А если и закончится (что еще не факт), я обязательно снова поменяю жизнь — перечеркну и запишу новую, без надежд и наивных вер.

На последнее письмо ты так и не ответила. Не случилось ли чего? Надеюсь, просто почта сейчас нестабильна, и письмо еще не дошло. Отправляю тебе это не дождавшись. Ты просила писать, не останавливаясь, но все же, хотя бы черкани две строчки, мол, все в порядке, просто замоталась с огородом, зато урожай будет разнообразным... И если сядешь писать, пиши больше о себе и что вокруг тебя, а не обо мне. О себе я сам пишу достаточно.

Твой сын.

Здравствуй, мама!

Прости, что молчал, сейчас это дело, в общем, обычное. Разливаю чилийский Sauvignon Blanc в распухший бокал, молча смотрю на него, молча пью, хороня солнце, молча засыпаю. Видела, как ярко горит Венера на небе?

Получил твое письмо с сильным запозданием, определил это по ощущениям, которые ты в нем описывала. Что пандемия эта, мол, смешна, что бывали и пострашней дела, смеялась над беспокойствами в столицах и язвила, что «по вашим улицам патрули не ездят». Прошло всего две недели, и даже в твоём скучном городке не курсируют заедливые таксисты, а по улицам маются перебежками люди с лицами, пересеченными повязками. Мы, мама, всегда с презрением относились к смерти. А вместе с тем, обладая безграничной бытовой свободой (в отличие от свободы законной или политической), никак не готовы ее скрывать в застенках. И ты вот такая же, ох, мама-мама. Я знаю, как тягостно тебе быть дома, смотреть на иссохшие улицы, уставать от домашних запахов и тянуться к форточкам да щелям, чтобы расслышать смолу из лопнувших почек. Как много и суетливо ты работала, и как в теле твоём не уживается убранный покой. Не знаю, повзрослела ли ты за последние недели, но пожалуйста, попытайся пережить эти пару месяцев. А как только все закончится, я примчу, будем пить чай и разговаривать о простых вещах. Если захочешь, о сложных тоже. Мы вместе растрясем скопившееся в стенах одиночество.

У нас все поменялось. Земля больше не шар с атмосферой, открытой в космос, а полый резиновый мяч. И в него все нагнетают давление. От движения плотных частиц нарушаются законы физики. А привычные, людские, и подавно. В магазинах (хожу все реже) и так приторная любезность продавцов совсем вышла из нормы. Эти «здравствуйте», «будьте добры», «приходите еще», «не желаете ли кофе с собой?» на деланом русском. За таким обсуждением сделок сущность товара пропадает. Мерзость какая. Нам так не идут эти выверты, так не к лицу, мама. Все борются за копейку, понятно. Нельзя вообще сказать, что в поведении людей что-либо нелогичное. Где-то любезны, а где-то... интернет-издания все чаще стали упоминать уличные девяностые. Наверняка сейчас нерв дернул твое

лицо (поди угадай, снова ли в насмешке или от отвращения). Вчера пришла новость, как на девушку возле подъезда напали, отобрали пакет с продуктами и врезали прямо кулаком по носу. Не сломали вроде, но вычурная анатомия лица обошла интернет очередным мемом, где-то даже с шутками. Девушку жалко, но еще жалче озлобленные глаза. Злоба нам тоже не к лицу.

На асфальтированных тротуарах Питера больше не печатают «отдых» с набором имен от «Яна» до «Светлана» с выбеленными фигурами танцующих у шеста женских фигур. Теперь на этих же местах рисунки больничных масок «с доставкой на дом». Даже привычный для города бизнес покорежило. Стало как-то противней, что ли. Старый Рим лучше нового. Потухли вывески салонов и магазинов, петербургский иней размыл их границы. Смотрю через пластик окна, угадывая звучные надписи. Не разглядеть.

32 Вчера мчал по скоростному диаметру среди ночи, что уже втерлась в доверие. От скуки нажал на педаль до глухого упора, кресло надавило на спину, замелькали смазанные фонари, зазвенели отбойники по обочине. Машина протыкала воздух над пустой дорогой, в вихрях ветра позади колыхалась моя душа, не поспевая за скоростью. В такт неровностей дороги дребезжала голова, полная догадок, что реальность может быть только сном. Требовалось это проверить. Но тут яркий свет, съезд, металлические полосы рассекают магистраль, поперечнополосатая дорога. Педаль упруго отступила вверх и все закончилось, сон продолжился. Лучшее наказание для человека, который все носит внутри себя. Небо просвечивала Венера.

Так прошла единственная за неделю вылазка. А дальше новый дом, где от кофе болит небо, где ошибаюсь в размерах предметов, где слова летают полукругом по комнате, и в углах застряла тень. Наливаю сухого белого и играюсь с ней в «кто кого переглядит», но всегда проигрываю к концу бутылки. Тень выползает и затягивает видоизмененную комнату, съедая потолок и стены, чавкает, довольно утирает рот и успокаивается. А потом распарывает мое тело сверху-вниз, запускает ледяные, плохо сделанные пальцы к сердцу и плотно его сжимает. Систола-диастола-систола-диастола — накачивается трусость чувств, пока за спиной таинственно шевелятся занавески. Они пугают. Смотрю в темноту, по которой бегают белые продолговатые червячки, словно в глазах моих завелись паразиты,

и фантазирую рваные кусочки прошлого, пронося их в настоящее контрабандой. Начинается разговор с тысячей внутренних собеседников, из которых только один настоящий. Задача — выяснить за ночь, кто же это. Вино заканчивается, резонанс вен и артерий вколачивает сон и никак не дает удержать пойманную мысль. Попробую следующий раз, в такую же бессмысленно позднюю ночь. Лечу в глубокий колодец сновидений.

По щели между шторами понятно, какой будет день. Раскрываю створки, вижу, что небо сегодня сделано из того же, что мои глаза. Снизу истонченные потоки людей, с которыми хочется перемешаться, но чертов карантин давит на совесть. К вечеру с поверхности стекол схлынет жар от больного солнца и улицы укроет мелкая крошка дождя. Кто сказал, что Питер непредсказуем по погоде?

А потом публичный день, звонки, письма, пометки на полях, неаппетитно состарившееся лицо в экране монитора, кокаиновые глаза в зеркале. В холодильнике скулит со скуки Sauvignon Blanc, дожидаясь вечера. Жизнь — это вопрос стиля, но в ней ничего не поменяется — спин вращения дней постоянен. Вечером замечу, что снова что-то не так в расположении дверей, и что окно снова попытается улыбнуться. Из глубины его поднимется пузырек воспоминаний и лопнет брызгами.

33

Впрочем, все это нелюбимая тобой лирика, прости, я обещал быть попроще. Давай о самом важном, больше вообще ни о чем другом. Я здоров, спокоен и счастлив. Тишина застилает мне сердце и почти ничего рядом нет, от того и тихо. Мы все переселились в уединенный дом возле Финского залива посреди смолистых елей. И пусть это лишь метаморфоза квартир и комнатушек, пусть это лишь в голове многих, все удачно сложилось. Говорят, мир не станет прежним. И это правда только потому, что над прежним есть время подумать.

Я скучаю по тебе, мама. И знаю, ты скучаешь по мне. Нужно лишь чуть времени, и увидимся. Его-то сейчас в достатке. Пиши мне слова, складывай их в мысли, буду очень ждать.

Твой сын.

Здравствуй, мама, привет, дорогая!

Если бы только знать, что станет с настоящим, когда оно станет прошлым. Будут ли дни такими же сочными, как кажутся сейчас, или останутся лишь голые мысы памяти, воткнутые в океан, в котором дальше не встретить берегов. Если бы только знать, мама! А ведь без этого жизнь становится вектором, в правильность указания которого лишь веришь зажмурясь. В верное окружение мыслей и предметов да в правдивость цветов. Потом вдруг оказывается, что молоко было с лимонным привкусом, а от мороженого помнится лишь вафельный стаканчик. Бессмыслица прошлого обнуляет настоящее, в том числе все «будущее» настоящее.

Я болен, мама. Лежу с температурой и корчусь от повышенной кислотности желудка, трудно дышать как от сигаретного дыма, и влага проступает между пальцев, будто вот-вот отрастут перепонки. И если бы это был лишь популярный вирус... Но нет, обычное похмелье, в котором я водянистыми глазами смотрю в незамысловатый потолок и вспоминаю то вкус вчерашнего вина, то вчерашней вины. Своими последствиями противно и то, и другое, отчего похмелье плотнее подбирается к горлу. Я наглотался тишины, высмотрел все уголки комнаты, изучил все острые углы и щели, рельефы занавесок и диагональ паркетной доски. Тошно, мама.

Не переживай, просто вчера напился и что-то столкнуло меня с края души в сумерки. А утром, как и любой ослабший больной, что непременно хочет жить, потянулся к оберегу и решил тебе написать. Напился, в общем-то, бессмысленно, туповато и бездарно. Не от скуки, разочарования или веселья. Машинально как-то. Просто зачерпывал бокалом вино и переливал в себя. И все казалось ярче и сочнее еще вчера, а сейчас солнечный туман давит на виски. Но пройдет через пару часов, как проходило и за день до, и перед ним. Я перепробовал все виды Sauvignon Blanc, мама, и готов перейти к другим сортам. Тело мое еще крепко для этого, не переживай за него.

Новости с твоего городка совсем тревожные. Патрули да караулы разворачивают людей домой, по дорогам не пробраться через блокпосты, по рупорам, установленным на разъезжих машинах, просят оставаться дома тем же голосом и интонацией, что еще месяц назад

предлагали свежее мясо. Вот и до вас добралось. Иногда кажется, что это борьба не против вирусов, а против сел и городов, да тех, кто их наполняет. Вирус живет в нас, и чтобы его убить, логично, следует убить хозяина. Говорят, другого не дано, хотя доходят разные слухи. Как ты считаешь, мам?

Обстановка все сложнее, это правда. Потихоньку люди начинают голодать, в школах беспорядок от технически-неграмотных учителей и несуразной учебной программы (она и раньше желала добра). Все чаще вижу рыкающие взгляды да оскалы, что проступают даже через маски на лицах. Походки гуляк стали какие-то неровные, будто тянет в поясище. Как бы не было бунтов, настроения такие, знаешь ли. Вчера услышал новую песню Сплина, сердце окровилось. Певец обращался к Гарри Поттеру (такой волшебник из книг) с просьбой помочь в глухом изжитом месте (с намеком на Россию, надо думать). Говорят, сверху отреагировали советом певцу расслабиться, налить вечером бокал красного и постараться не пролить пару капель на майку в области сердца. Эти обмены текстами и подтекстами очень утомляют, мама.

В остальном у меня не плохо. Хоть и слышу надломленные голоса уставших коллег, сам бодр, силен, уверен. Завтра день в окне раскрасится опухшим солнцем, а с ним придут вопросы, что нужно решить, и пока они возникают — будем жить. По вечерам со мной все так же полюбившаяся комната с бродячими тенями, что пугают, пока сплю; омертвевший двойник в окне и ноготок луны над его головой. Из темноты все так же набрасываются фонари, когда хожу за сигаретами. Пока сижу, рассматривая кривизну дверных проемов, сзади что-то хлопает в ладоши, отбивая синкопу, и в ее такт стучит мое сердце. Знать, с ним что-то неладно, но с этим разберемся потом. Пока сердце на износе, душа-то на сносях, от того и спокойно. Сложно замерить состояние, все будто онемело от удара тупого предмета (вроде баржи). Главное дух, а вот его вы с отцом передали, смешав ваши крови, предостаточно.

Вчера купил цветы. Себе, любви и миру. Цвет из тех синих оттенков, что превращаются к вечеру в фиолетовый, особенно если в Питере «дождь едва снег». То листки изгибаются волной, почти вянут, то снова остры; то мелкая судорога по ним, то твердость характера. Что-то не так с ними, что-то происходит внутри их структуры, но не понять, что именно. Въедаюсь сонными глазами в ветвистые

строения прожилок и перетяжек, пытаюсь разгадать суть природы, прочитать заколдованные иероглифы, чтобы расцвести самому наконец. И порой покажется, что получается — стебли вдруг начинают дрожать, сердцевинка цветка двоятся и расплывается, будто вот-вот что-то заговорит с того края вселенной через бутон-микрофон, и все станет ясно. Но это лишь заплывшие глаза, которые требуется приструнить, не дать воли. И все возвращается в привычные границы. Неужто мир затянул меня с собой в сумасшествие? Неужто я, наконец, схожу с ума?

Писем от тебя все нет, не знаю, как найти тебя, как ощутить рядом хотя бы через слова. Но знаю, ты жива и здорова. Откуда это знание? Отправляю тебе эти послания, что становятся все короче и болезненней. Рано или поздно переживший вирус почтальон донесет их до тебя, ты выйдешь утром и увидишь распухший от страданий почтовый ящик. Когда всем уже можно будет выйти на улицу, ты одна проведешь еще день за чтением этих писем. И будешь плакать и смеяться одновременно. Твои загнутые завитушками чувства от того, что я есть. Поверь, мама, сам плачу и смеюсь от того, что это так. Но я все еще буду, так уж решил.

36

Твой сын.

#6

Здравствуй, мама!

В каждое время может появиться герой, харизматичный, сильный ментор, что входит в жизнь как бы не с той стороны, с черного входа, разрубая собой ночь. Из числа тех, что какое-то время существует человеком, в общем, обычным, а через месяц или столетие становится человеком, рассказанным словами на номер больше привычных. И когда так случается, когда он вдруг уходит, все становится неудобным, будто вместо разномастных рук обе левые и с этим лишь нужно привыкнуть жить. Такого я недавно встретил, мама. Лишь чуть его зная, можно предположить, впрочем, что он сам мне встретился.

Случилось в обычный вторник утром, пока выбирал зеленые яблоки посреди фруктового островка местного супермаркета. Он привлекал внимание с самого входа — расталкивал застоявшийся магазинный воздух, ровно дышал и рассматривал предметы и продукты на полках. А потом близко подошел, поднял из деревянного ящика фрукт с гладкими краями, понюхал (глубоко, с закрытыми

глазами) и протянул мне: «Этот будет хорош». Затем подмигнул и заставил чувствовать неловкость, с которой я чуть быстрее продолжил класть яблоки в пакет, уже не перебирая. А потом он не дал мне уйти насмешливой фразой: «Как проходит ваша самоизоляция?». Что можно ответить, соблюдая чувство такта? Разговор как-то растекался сам, потом мы были у кассы, позже оказались на улице, и вот сигареты сами доставались из глухой пачки. Он попросил зажигалку, огонь светился внутри острого заигрывающего взгляда, пока искрами раздувался огонек сигареты. Потом предложение стать попутчиком, мое согласие, молчаливый полосатый переход через дорогу и начало неуютного разговора.

Я так и не запомнил имени (и, кажется, сам не назвался), так сильно заняли внимание его сильные детали лица: глубоко посаженные скандинавские глаза (одновременно двух глубин — радужки и какого-то мутного пятна под ней), русые брови над ними, играющие венами виски с нитями, что появляются у людей, неприлично часто улыбающихся. Лицо, его лицо было притягательным. Оно исповедовало культ скул и ямочек на небритых щеках, виделось с особой матовой мудростью и было упругим и сдержанным. Все в нем, от движения пружинистых рук до деланой, замшевой походки с крупным подворачиванием ступней складывалось в личность значительную, реалистичную и сказочную одновременно.

37

Мы говорили о разном, но какая бы тема не озвучивалась (хотя все они были около пандемии), ему удавалось смутить меня бестактными фразами (что звучали то ли вопросом с вызовом, то ли насмешкой), какие не говорят при первой встрече. Иногда это были даже целые монологи вроде: «А ты не думал, что глупо связывать жизнь после смерти с основами мира? Почему вдруг, если умираешь, то обязательно узнаешь, для чего все вокруг создано, кем и когда закончится?». Или доставал фотографию с выжигающей поле со зрелой пшеницей вулканической магмы и спрашивал: «Вот, смотри, достал свежую фотографию ада. Как тебе кажется, есть ли в нем хоть какие-то перемены?». Спрашивал это так, будто у меня было с чем сравнить. Каково, мама, с таким попутчиком? (пишу и улыбаюсь сам, ведь ситуация и правда комичная). Отказать в разговорах у меня так и не вышло.

Мы шли, как оказалось, крупных десять минут (потом я прошел тот же путь снова, насколько удалось его вспомнить). Я наблюдал за

тем, как он прямыми ладонями нарезает воздух ровными ломтями и удивлялся, как ему удалось так быстро забраться в самые дальние углы моего душевного чулана, куда с пылевым облаком раскрылась дверь прямо на моих удивленных глазах. И все ловил себя на мысли, что никак не хочу ставить преград столь прекрасному проникновению в места, куда сам уже давно не заживал.

Расстались мы у подъезда. Он хлопнул меня по плечу (плечо задумалось), вручил показанную ранее фотографию (шлепнул ей по прощающейся мужской ладони) и под изготовленный губами свист ушел за угол виляющей походкой. Очень впечатлил меня этот человек, мама. Какой-то он не логичный, будто искусственно воткнутый в мир. И разбирая эту нелогичность под треск возвышающего меня лифта, я понял, что только что разговаривал сам с собой. Не испугался. И ты не бойся.

38 Теперь стою на ночном балконе и рассматриваю рыжую фотографию. И все думаю, а действительно, изменилось ли что-то в аду? Но фото тут же растворяется в руках, и снова город смотрит на меня стоокими многоэтажками, звезды жмутся к луне, и дождь, такой спокойный, способный идти что день, что месяц, что пять лет, просто потому что Питер для этого предназначен. Отворачиваюсь от пейзажа (в обиде отворачиваются и дома, и дождь, и город) и снова возвращаюсь в постель, что стала лишь пародией постели в комнате, где вместо окон то ли зеркала, то ли окон нет вовсе (куда же они делись?). Но чтобы окончательно не съехать, тут же сажусь и пишу тебе, мама. Если есть что-то реальное, так это ты, придавшая материальность моему телу, на поверхности которого живу.

Правда и за это держаться все сложнее, от тебя так и нет писем. Сейчас пишу, и лезут мысли, не путаю ли я тебя с кем, как недавно было с магазинным другом? Очень прошу, умоляю, просто дай весть. Слово, даже пустой конверт без обратного адреса, что угодно. Иначе растворюсь совсем, иначе незримые ранее люди будут жить со мной в этой комнате с обезумевшими потолками вместо стен. Я кричу тебе, но охрана не выпускает из здания звуки. Штрафует, задерживает, связывает. Только письма.

Твой сын.

Здравствуй, мама!

Не писал почти две недели, но даже этот срок короче твоих ответов, которых я совсем перестал ждать, просто смирившись с вероятной поломкой почтовой системы (впрочем, как и с поломками других систем, от водоснабжения до дорожных работ). Надеюсь, последние письма к тебе не доходят и не тревожат сердце, ведь рассказать кроме того, что я день за днем топлю память в вине (в смысле — алкоголя), пока внутри головы продолжается бунт, больше не о чем. Понимаю, такой стиль жизни сыновьям не желают. Пусть это письмо просто куда-то пропадет, или... мне, в общем, уже все равно. В то время пока целая планета ставится под сомнение, существуют и вещи (а вместе с ними и слова и события), что ставят под сомнение даже (ужас) тебя, мама. Впрочем, обо всем по порядку.

Я переехал в новую квартиру (старинную, с протухшими от времени стенами), где шуршат ногами новые особи теней, потолок расчерчен полосками луны, а комнаты отвыкли от людей. Три дня разбираю вещи, разделяя их на личные, очень личные и те, к которым прикасались другие, чужеродные сущностью своей. Последние со временем ушли в мусорные баки, так как порой переставали подчиняться новому укладу и то и дело жили своей жизнью — падали с полок, выпрыгивали в окна, стучались об углы и заползали под кровать, чем пугали по ночам, даже не дожидаясь моего сна. Об их пропаже не жалею, слишком уж они меня терзали. В остальном новое место оказалось идеальным. Днем свет жирно заливает комнаты, а вечером солнце как комар, напившийся крови, размягчает широкие окна, дождь сеет воду, шмякая капли о лепнину, темень ровно ложится по скругленным углам (такие дефекты комнат, видно, были в моде прошлого века), да свет фонарей раскрашивает лица прохожих в сепию. Тут прекрасный балкончик с черными гнутыми перилами, с которого видна неспособная к спокойствию Нева, разливанная полосками света из окон Эрмитажа. Тут заканчивается граница нового дома, живу здесь я.

И покуривая на этой балконной границе (перегнув туловище через перила и насвистывая только что придуманный вальс), о удивление, мама, увидел магазинного товарища, о котором писал в последнем письме. Фигуру его коверкали фары автомобилей — сменяли

маски лица, безобразили руки и ломали ноги, но спрятать знакомую прыгающую походку не смогли бы даже самые опытные костоломы. Прошлая встреча получилась какой-то оборванной, и я был рад снова его увидеть и тем самым продолжить ее. «Эй!» или «Ау!», лишь так я знал его имя. И он улыбнулся в ответ, молча поднялся в квартиру и мигом почувствовал себя здесь даже комфортней чем я сам. Варил себе кофе, листал разбросанные книги и ставил пометки на полях, громко смеялся и криво, но смешно шутил надо мной и моей нерешительностью в своем же жилище.

410 Потом мы гуляли вдоль Невы, а Кир (думаю, он соврал со своим именем, но сомневаться в этом я не осмелился) как дикая обезьяна показывал пальцем то на шпиль Петропавловской крепости, на мачты «Летучего голландца», то едко комментировал пафос рассевавшихся по лавочкам девушек с раздутыми губами. А потом началось что-то абсурдное. Мы взяли бутылку моего любимого новозеландского Sauvignon Blanc (как оказалось, любимое и для Кира тоже), спустились к воде и молча распивали прямо из бутылки. А когда разогнавшаяся по телу кровь проголодалась, Кир выбежал на набережную, поймал первого попавшегося курьера из Яндексa и попросил его привезти какой-то еды прямо сюда. Тот отказывался и просил сделать заявку по адресу через приложение, но Кир настаивал, огрызаясь в ответ, мол, «что ты за курьер, который в Питере на набережную еды привезти не может», шлепнул его под затылок, спустился обратно и спросил, есть ли у меня это чертовое приложение, без которого невозможно поесть. Я заказал что-то из «Теремка» (Кир снова плевался матом: «Почему нельзя попросить курьера заскочить по пути за бутылочкой вина?»), а когда доставщик позволил, вырвал трубку и сказал, что адресат внезапно умер и попросил в соответствии с ограничениями самоизоляции оставить пакет с едой на ступеньках возле причала по Мытнинской Набережной, угрожая, что если «тунгус» этого не сделает, его затаскают по судам за осквернение памяти умерших и даже указал номер статьи УК РФ, которая грозила бедняге.

Примерно в таком настроении мы провели время до вечера. Он постоянно цеплялся к прохожим, разговаривал самыми затасканными выражениями, а под конец завалил меня неприлично-личными вопросами. И пришлось рассказать о том, что прошлую нашу встречу я принял за шизофреническую фантазию (он усмехнулся,

скривив рот), пожаловался сразу на сотни вещей, о которых меня не спрашивали: о докучавшем ожирении во время пандемии (смешок), о надоевшем кофе, что пора сменить на чай, не так сильно раздражавший нервы (смешок), на заклинившее время (ухмылка), на питерскую погоду и то, что не видно звезд среди развалин туч, когда они так нужны (зевок); и в конце концов на то, как бесконечно зол то ли на тебя, мама, то ли на сбившую доставку почты, но в общем на письма, на которые все нет ответа. По последнему пункту Кир дал особый комментарий (напряженно, с презрением меня разглядывая), общий посыл которых ставил под сомнение твое, мама, существование и с намеком на мое психическое расстройство (уж если его, сидящего рядом, пару недель назад я спутал с галлюцинацией, как можно рассуждать о матери, которая не отвечает). Мне нечего было ответить, и наша встреча снова как-то неожиданно оборвалась молчанием и быстрым расставанием без обмена телефонами и социальными сетями. С балкона еще несколько минут можно было различить его пружинистую фигуру, которую размыл туман измороси.

И вот я снова один, пишу тебе глупое письмо и сомневаюсь в адресате. В ночном окне мелькает отблеск лица Кира, в соседней комнате кто-то хлещет в ладоши и шепчет: «Ее нет... ее нет... ее... нет... нет... нет». Но разум спорит и сопротивляется, ведь не может человек быть без матери, ведь кто-то его должен родить, ведь на кого-то же я похож, ведь откуда-то я взял адрес на конверте. А эти шепоты вокруг — просто искажения дождя. Есть ли кто-то на той стороне, мама? Если есть, то это кривая, злая шутка, что сводит с ума, когда безумие и так часть жизни. Я психану и выложу все наши письма в сеть, распространю их по всем каналам, и хоть одна из копий до тебя дойдет. А если нет... если нет тебя, мама, кто ответит мне, есть ли вообще я? Неужто Кир?

Пора спать. Снова придется выключить в аду свет, найти удачную комбинацию между подушкой и шеей, одеялом и простыней, матрасом и кроватью да попытаться скинуть день в пропасть сна без сюжетов. Тяжелый пьяный крен карусели в голове отвлекает, рефрен голосов в соседней комнате становится все тише: «Ее нет... ее нет... ее нет...». Кир не прав, я найду тебя, мама. Даже если тебя нет.

Здравствуй, мама!

Я перестал верить в бога и даже слово это стал писать строчными. Подумалось вдруг, что если все правда, что если он был, то почему все забирал, растворял и сжигал? И что если думать о нем, так обязательно хорошо, без злости и обид, а раз других моих мыслей он последнее время не занимает, то лучше о мертвом, чем плохо. Реальное, события, карты, лица и пальцы, мама, стали привлекать сильнее. И новые боги-люди очертились границами своих тел и посещают мой новый дом. Сильнее всех богов оказался мой новый друг, о котором писал месяц назад (как быстро летят белые летние дни в Питере, мама).

Он разбудил утром, громким голосом читал эти письма прямо напротив кровати. Насмехался, ерничал, пересказывал, коверкая наивные жалобы тебе о сложившемся беспорядке. Кривлялся детским голосом, а потом кинул всю пачку исписанной бумаги и неожиданно злобно, с молнией в глазах, назвал меня сумасшедшим психом, что пишет письма матери и никогда их не отправляет, «тут же жалуясь на отсутствие ответа».

412

Мне было стыдно. Стыдно и сейчас. Перед собой, что оказался так слаб в возникшем одиночестве пандемии и потребовались ненастоящие письма воображаемому адресату. Перед ним, полубогом Киром, что пришел наказать (страх даже перебил возмущение от проникновения в мою комнату. Сколько он тут?) И, наконец, перед тобой, мама, за то, что так и не нашел смелости скинуть хотя бы один конверт с пустыми страницами как символ того, что все еще жив. Перечитывая все, что собрал потом с пола, стало понятно — ни один текст не в состоянии передать жизнь как она была прожита (семь мелких писем, каждое не больше тысячи символов... какая жалкая жизнь). Лишь поэтому ни предыдущие, ни это письмо не будет отправлено. Даже в ответ на твои, что, не читая, выбрасывал. Эти письма себе, мама. А полубог Кир оказался моей озлобленной, приболевшей фантазией. Впрочем, как и предыдущие тридцать три года со всеми возведенными размашистыми храмами и полями, посыпанными селитрой.

Обстоятельства дали попробовать редкий сорт времени. Стоило закрыть всех дома, как явилось, наконец, из чего сколочен мир. Из курьеров, штрафов, изоляций, Zoom-ов и Skype-ов, из кино и кафе, курсов нефти и валют, вин всех сортов и мусорных пакетов. Ин-

тернет оказался самой реальной прокладкой между моим лицом и улицей, куда хочется плонуть прямо с балкона и утопить в слюне. Потому что ненавижу. Потому что ужожу.

Сегодня меня настигла настоящая ночь, мама. Я завалил вход в квартиру камнями. Я беру себя в руки и несу в безопасное место. Я пытаюсь ничего не видеть. Я прикрыл сердце одеялом, чтобы было тише. Стены выгибаются, и через них проступают очертания ангела с кирпичными крыльями. Полновесный стук часов. Закрытые глаза, и нет взрослых слов для описания детства. Зато в нем есть ты, мама.

Твой сын.

#9 P.S.

Очень жаль, что кончилась надоевшая самоизоляция, такая незаконная, такая нелогичная и безвкусная. В глухом помещении без вариантов выйти наружу писалось пьяно,пряно и легко. Обычный (до) прерывистый образ жизни оказался привычным даже в своем непостоянстве, неопределенности и сомнениях. А эта безобразная глыба времени всех свихнула окончательно. Я думал, что разбираюсь в мелких вещах без замаха на крупные, но, как кричали философы Греции, целое больше его частей, и не стоит недооценивать мелочи. Они скрылись в мимике прохожих, в проступающих жилках на лице, культе скул, запахе изо рта друзей и коллег, мятой одежде. Вот из чего состояло целое — обычная бытовая жизнь. И я это упустил. Когда? Почему?

Почти все «здравствуй, мама» прочитала моя мама. Ей было больно в ответ мою на рефлексию настоящего. С перемытыми слезами словами она отвечала (закалка душой): «отлично, сынок, продолжай». Она дала мне сил не заморачиваться стыдом о своем писательском увлечении все умерщвлять и даже простила свою собственную смерть. Потому что меня самого было жалко.

Вместе с мамой все тексты прочли и мои друзья. Пока мой телефон не отвечал на звонки, мессенджеры, и социальные сети молчали в ответ, именно через тексты они узнавали, что я все еще жив и откликаюсь на молчание стен. Но им тоже было больно. Спасибо всем.

А я чувствовал онемевшую от ударов душу, размещенную в оштрафованный коронавирусный мир. Письма маме спасали, к кому еще можно было устремиться? Какая-то простуда выжгла все, что представлялось обычным. Я потерял любовь, я обрел ее снова. А разве могло что-то еще произойти?..

Анатолий Скала

ПЫЛЬЦА СИНИХ НЕБЕС

Послал Бог одному человеку пчёл. Вышло ж так...

Обеднял человек, обеднял или, может, соскучился, или просто старился или может быть, заболел. И вот не на что ему стало жить... Думал-думал он, что ему дальше делать – и вздумал продать клеть!

Если б дети у этого мужика не разъехались по всему белу свету, то может быть, клеть ещё для чего и сгодилась: к тому и задумывалась – чтобы было где детям пожить... Если кто-нибудь женится или замуж вдруг выскочит...

А тут, раз не нужна никому стала клеть, то как кроме продать, и девать её некуда. Да к тому же как раз покупатель в соседней деревне нашёлся. Возьму, говорит, у тебя я хоромину, и задаток дам.

А мужик и радехонек: взял задаток – еще месяц иль два ближе к пенсии. Иль к чему там ещё...

По весне, только снег сошел, покупатель у клетки приехал. С помощниками. Стали собственность свою новую разбирать. Только верхний венец топорами затронули, как из всех углов труха жёлтая им в глаза и посыпалась, да какие-то мелконькие муравьи во все стороны побежали.

«Ну, всё! – говорит мужику покупатель, – Коль так, не возьму я хоромину. Продавай её кому хочешь, а деньги обратно вертай!»

И ещё на прощание рядок сверху сбросили. Уж как попада. Одно брёвнышко ещё в воздухе повернись вокруг себя – да по улью, что неподалеку в бурьяне лежал...

Тоже, видишь ли, следом за ребятишками и все пчёлы у этого мужика разлетелись. А улей как был в бурьян брошен, так в нём и лежал.

И что самое интересное: за неделю до этого подходил к нему наш мужик – оттащить хотел в сторону, чтоб работать потом не мешал – никого в улье не было!

А тут только бревном в него стукнули – изо всех щелей – целый рой разозлённых пчёл... И все разом к работникам, что вверху топорами помахивают.

Ну, те ловкие: наперед топоров вниз попрыгали да в машину забились и дверцы плотней за собою захлопнули. Покупатель ещё на прощание мужику кулаком погрозил, да так с тем и уехал.

Прошёл час или возле того, мужик малость очухался, сел на брёвнышко возле улья и думает:

«Ну, и что в тебе пчёлы нашли? Разве запах – ни рамок в тебе давно нету, ни мёда. И чьи это пчёлы? В деревне не только что пчёл, а и жителей давно нет. Разве что из соседних каких-нибудь деревень объявились. Летают, снуют тут туда-сюда.

Любопытно такое снование мужику! Отыскал он в дому пчеловодную сетку, зашил кое-где. А дымарь и смотреть не стал: когда пчёлы чужое в свой дом перетаскивают, они и без дыма свое баловство прекращают, лишь только поймут, что на этом замечены...

Приоткрыл он чуть крышку у улья и ахнул: «Ах, Господи! Да у них же там соты. Мёд капает из разломанных мест... А в середине расплод уж на выходе!»

Растерялся мужик. Растерялись и пчёлки, жужжат, выются вокруг мужика, словно спрашивают: «Ну, и что же ты нам посоветуешь?»

А что тут посоветуешь? Побегал мужик под черёмухи, где различное барахло было свалено, притащил пару рамок, прожаренных ещё с прежних времен. И давай на них соты пристраивать. Сам же думает: «Что за смиренные эти пчёлки, другие бы за такие дела уж не знай чего со мной сделали...»

И действительно, вовсе смиренные пчёлки, как будто бы чувствуют, что добра им хотят. Только мёд после грубой мужичьей работы со стен да со дна подбирают да в новые рамки укладывают...

Не успел мужик глазом моргнуть, а уж пчёлы к нему в сетку тычутся – дескать, всё, закрывай давай улей, пока весь расплод нам не выстудил. Да подушку, смотри, поверх холстика положить не забудь: холодина ещё по ночам!

А мужик не нарадуется: «Вот помощники так помощники! Да будь эти помощники у меня чуть пораньше, я и клеть бы тогда недостроенной не сгноил и другой бы работы по дому не знай сколь приделал. Да в общем-то и сейчас ещё время есть, ещё сделаю!»

Ну, подумать-то так подумал, да думанного так в последствии и не выполнил...

Да и к слову сказать, трудно было и спрашивать с мужика уж какой-то особой работы в деревне, в которой единственным и, наверно, последним уж жителем оставался он сам.

Правда жизнь мужика с того дня изменилась.

До этого спал мужик чуть ли не до обеда; проснувшись, любил походить по избе, попить чаю, потом покурить. Да коль срочного ничего больше не было – а срочного, как обычно, и не было – то опять на печь.

А теперь с первым солнышком мужик был возле улья, садился на брёвнышко и ждал первой пчелы.

Иногда вместо первой пчелы появлялась оса. И тогда приходилось брать веточку или веник и сразу же пресекать посягательство на пчелиный медовый запас.

Или шершни, всегда прилетавшие после ос...

Даже сбитые наземь веником или целой доской, они только крутились в пыли, уворачиваясь от сапог мужика, и, поднявшись у самого его носа, летели куда-то к себе. Не пытаясь ужалить побившего их мужика. Чем немало того озадачивали.

В общем, так у них дело и шло...

416

Пчелы с раннего солнышка несли в улей нектар, мужик, сидя на брёвнышке, наблюдал за порядком. Гонял шершней с осами, да когда к середине дня становилось уж больно жарко, открывал пчелам для вентиляции запасные летки.

Сидит как-то вот так возле улья и думает, чем ещё можно пчелкам помочь? Хорошо бы растений посеять, которые больше им нравятся. А какие им нравятся?.. И глядит, что сейчас за обножку – пыльцу пчелы в улей несут, чтобы определить, что в природе для пчёл привлекательного расцвело.

Непонятная что-то обножка! Голубенькая!

День на них этак смотрит мужик, два. Даже справочник специальный принёс, а не может понять: у какого растения в это время такая пыльца? Есть похожая у фацелии – так не сеют её нынче в здешних местах. А сама она здесь не растёт... Есть синяк: у того пыльца грубая. А тут словно осколочки неба синего несут пчелы на лапках в свой дом...

Ну, наверно, через неделю подобного наблюдения пчелы словно бы переменялись... Не то чтобы ласковости в них убавилось – нет, ещё вроде бы обходительней сделались: лишь жуужжат, даже пятятся

перед мужиком, когда мимо идёт. В сетку тоже не тычутся. А видать по всему, что не больно хотят пропустить его к брёвнышку – дескать, всё, хватит... хватит, шагай к себе в дом. Ни к чему тебе тут...

«Ладно, – думает, – если сами меня прогоняете, сами тут себе всё и устраивайте! Ос гоняйте, летки регулируйте... Дождь пойдёт – тоже сами чего-нибудь над собой приспособляйте, или сами потом и сидите тут в сырости...»

В общем, сильно обиделся на своих пчёл мужик. Ушёл в дом и стал книжку читать. Про зверей... А которая о растениях для пчёл была – так ту выкинул...

Ну, читает, в окошко на птичек: скворцов там, воробышков разных поглядывает, как они суетятся... Понятное дело: лето все ж таки: у всех мысли потомством, детишками заняты!

О своих ребятишках не думает – что напрасно расстраиваться. Теперь пчелы заместо детей...

И вдруг вздрогнул мужик: «Стоп!.. А что там за шум за окошками? Трактор, что ли, машина ли?.. Покупатель ли вздумал за деньгами?..»

Бросил книжку, на улицу выскочил. Глянул по сторонам – ничего! Глянул вверх: может быть, провода среди лета, как среди зимы, шуметь вздумали? Нет – и не провода! Но теперь уж понятно, что? Рой летит над деревней! Хороший рой – далеко слышать! И прошёл уже мимо дома мужицкого. Да так дальше над улицей и летит вдоль столбов, словно как по линеечке!

Ну, мужик вслед за ним!.. Бежит, думает: «Вдруг да где-нибудь остановится, прививаться начнет?.. А уж снять его, да ещё в один улей, добавок к тому, что имеется, определить – дело вовсе нехитрое!»

А рой так всё летит да летит...

Наконец вроде встали бы пчёлки у ветлы на Федуловом огороде. Завились и в отверстие метрах так в четырех от земли убираются.

Пока бегал домой за роевней да лестницей, зашли пчёлы в дупло. А к его возвращению уж с обножкой летят.

«До чего шустры! – удивился мужик. – Уж работают, словно всю жизнь тут прожили!»

Ну, теперь, – ещё думает, – если к месту привыкли, их сходу не взять. И отверстие в их дупле чуть побольше горошины! Разрубать его надо, чтоб внутрь попасть. А хозяевам это может и не понравиться... Нет, уж лучше пусть в этом дупле и живут!..»

Рассудил так мужик, ну, а лестницу уносить не стал.

«Мало ль, – думает, – к чему может понадобиться?..»

Да и больно охота ему было хоть бы и краешком глаза взглянуть, как в дупле пчёлы будут устраиваться? Никогда ещё прежде подобного не видал!

Вот с такими-то мыслями и вернулся домой. По привычке прошёл сразу к улью. Глядит: пчёлы как будто в смущении.

«Ну, наверное, вновь чего-нибудь набедокурили!» – ещё думает.

Взял дымарь. Да и без дымаря пчёлы носа не кажут на улицу. Те, что были ещё на прилётной доске, и те внутрь убрались. Открыл улей: сидят между рамок по улочкам, глаз не смеют поднять на хозяина.

«Так», – лишь только сказал вслух мужик. А что так? Посмотрел: половины от прежней наличности нету пчёл в его улье!..

«Получается, что тот рой от меня слетел?..» – окончательно рассудил мужик. Постоял – постоял он ещё, посмотрел на остаток от бывшей семьи, да ещё «так», – сказал... «Получается, что ни пчёл и ни мёду теперь у меня...»

Затужил мужик. Лишь одно утешение: свои пчёлы в дупле. Уж теперь-то он как-нибудь выглядит, как они там на воле жилища устраивают?

И стал с этого времени подбираться к дуплу.

Сперва жердь к ветле приколотил. Потом – доску широкую, снизу – лестницу. И однажды взобрался наверх, чтоб взглянуть, что беглянки в дупле понаделали?

И опять: вьются пчёлки вокруг мужика; он отверстие расширяет, гнилушки да щепки вниз скидывает, а они с грузом рядышком с ним в отверстие пробираются. Да чтоб передохнуть, к мужику же на руку и опускаются; посидят, поглядят, как дела у него продвигаются, а потом уж и дальше ползут.

Удивляется на такое мужик.

«И кто, – думает, – вздумал пчёл этих «злыднями» обзывать? Да любезнее существа на Земле не найти!.. Уж чего человек с ними только не делает: он и дымом их душит, и рамки туда-сюда двигает... Где прижмёт, где и вовсе придавит, а пчёлки всё терпят, с утра до ночи нектар в улей несут. Да едва-едва на зиму натаскают, опять же заявиться человек, да и всё у них выгребет! И они после этого ему на руки опускаются!.. Да, попробуй-ка, сделай ты то же самое с мухой или комаром, да возьми потом себе на руки!

Прямо Божьи создания. И намного умней, чем все прочие. А особенно человек!..»

Ну да все рассуждения не мешали меж тем мужику расчищать и дупло. Много было уж выкинуто из него и гнилушек и щепок, но всё ещё не видать было сот. Пчелы, как и вначале, летели в отверстие, а затем уползали куда-то вниз.

Ближе к вечеру мужик сам чуть не влез внутрь дерева. Но гнезда не достал. Лишь дыра, раздолблённая им за день беспрестанных трудов и похожая на громадное сердце, каким его любят изображать на обложках любовных романов, зияла в ветле, когда к вечеру посмотрел мужик снизу на дело рук своих.

Нехорошее было зрелище! Да ещё и закатное солнце добавило мрачности совершенному разорению.

Взял мужик тогда доску размером в отверстие, вбил в дыру, отошёл, чтоб взглянуть: «Как теперь? – да и сплюнул: Ну, этакое безобразие!..»

С ярко-жёлтой заплатой дупло в предзакатных лучах стало выглядеть совершенным червонным тузом.

«Срамота!..» – произнёс лишь мужик, и ушёл.

На другой день забил туза разным корьём, и заметил, что пчёлы забросили старый вход и нашли себе новый, поближе к земле – тоже, видимо, не понравилась им картежная масть.

Ну, и наш мужик стал долбиться поближе к земле. Причем каждый удар отдавался теперь в стволе дерева словно в бочке.

«Наверное, пустота там внутри, и гнездо у пчёл», – рассудил мужик.

Продолбил – нет! И тут нет гнезда...

Правда, ствол изнутри оказался действительно совершенно пуст. Только в самой середине его вниз спускались коричневые, словно как обгоревшие, то ль прожилины, то ль сухожилия. Да и стенки ствола были словно обугленные.

«Федул, что ли, нутро у ветлы выжигал? – вновь гадает мужик. – Или может быть, молния? Вот и стенки здесь тонкие...

Тоже, видишь ли ты, пчеловод был Федул! Всей округе известный. Как только весна – так навешает ульев по разным местам! Глядишь: к осени рой иль два у Федула появятся. Поживут до зимы, а к весне у Федула опять эти ульи свободны, опять можно их по деревьям развешивать!

И ветлу, видать, Федул выжег, чтоб пчёл привлечь. Так сказать, улей сделал во все дерево. Умно сделал, чего уж сказать – пчёлы, вон, до сих пор в него прививаются!

Только где же гнездо-то у них?»

Ухватился мужик за прожилыны, в дупло влез, да ногами труху под собой и ворочает – далеко ещё до земли. Отпустился мужик от прожилыны, хотел перехватиться за стенки руками, чтоб вниз опуститься – да так сверху вниз с головой в эту кучу и рухнул.

Еле выбрался из неё... Приоткрыл глаза – свет кругом! Удивляется: «Ну, откуда тут свет?... Стряс, наверное, при падении голову?... Или, может быть, дерево рухнуло?..»

Глянул вверх: так и есть – нету дерева – одни ветки по небу торчат. Всех цветов: и зеленые, и коричнево-красные, даже синие... И все между собою переплетаются... Или, может, в глазах у него это переплетается? Если все таки стряхнул голову?..

Но опять-таки: сделал шаг – ветки словно бы изменили своё положение, да и цвет стал другой. Ещё раз шагнул – снова ветки свой цвет, свою форму сменили!

50 Понравилось так мужику: шажок сделает – полюбуется на узоры! Ещё шажок сделает – на другие узоры любит. Словно в калейдоскопе прогуливается!

Ну, шагал так, шагал, пока вовсе не спутался с этой странной игрой...

Уже кажется мужику, что идёт он по лесу. Сам маленький, на подобие муравья, а вокруг него то ль деревья, а то ли цветы высотой до небес. Причем с небом сливаются. И никак не поймешь, где чего. Потому что и листики, и цветочки на ветках голубенькие, и прогалинки между ними, где небу положено быть, тоже голубизны необычной.

И вдруг кончилось поле с деревьями. А открылась полянка как будто с обычными, только тоже голубенькими одуванчиками. Так головка к головке стоят одуванчики. А в середине полянки – дом. Стоит, переливается, словно радуга. А сам круглый.

И хотя понимает мужик, что действительно видит дом, но вот только никак не поймет: как в таком доме можно жить – до того он красивый! И сам мужик уже не муравей, а ребенок сейчас. Стоит рядом с матерью. И хотя и не видит её – но какой же ребенок не чувствует, когда рядом с ним мать?.. И они разговаривают...

– Мама, это чей дом?

– Наш. Теперь мы, сынок, в нём с тобой будем жить.

– А где ты была раньше? Почему тебя так долго не было?

– Занята была. Да, я думаю, ты не слишком скучал без меня...

– Я скучал... Я всегда ждал тебя!

– Ну, так значит, я раньше тебя не слышала. А только услышала, сразу и прилетела.

– Ты, что, теперь с крыльями?

– А ты, видимо, не узнал меня? – рассмеялась мать. – Я ж царица у пчёл, что всё лето с тобой рядом жили.

– Так вот оно что! Так, выходит, царицы у пчёл всегда чьи-нибудь мамы? А я и не знал!

Повернулся он, чтоб посмотреть, что за крылья у матери, да и стукнулся головой о сухую прожилину, по которой спускался в дупло, и с которой сорвался на кучу трухи. На ней он до сих пор и сидел.

«Вот ведь экое дело! – подумал мужик. – А на улице-то уж, наверное, темнота».

Ухватился он за прожилину, вылез, глянул на мир из дупла, да и ахнул. Раньше он всё с другой высоты – чуть пониже – на это смотрел. Травы разные да суета закрывали обзор. А тут, словно впервые, открылась пред ним вся деревня... Пустая. Заросшая. Речка вдоль. С почерневшими, полусгнившими пнями от рухнувших ветел – словно жуткий старушечий рот.

Березняк по невспаханным, одичавшим полям подобрался к реке.

Удивился мужик: как он раньше-то не замечал, сколь заброшенной стала эта земля?.. Словно чем одурманенный жил в последние годы. С заботами не заметил, что нет той деревни, в которой родился и вырос! Не чьей-то деревни – его, в мире единственной, с детства родной.

У любого живущего на Земле есть свой город или же деревня... Его больше нет.

Ушли люди. И звери, и птицы, и рыба за ними ушли. Раньше в этом Федуловом омутке, что виднеется, окуней, щук ловили по метру длинной. А сейчас и ловить стало некому, а нет живности!

И цвет чёрный вокруг. Зелень чёрною сажей кажется. И растения незнакомые появились. Толстенные как деревья. И запах от них нехороший, тяжелый, как около скотомогильника.

«Там внутри по-другому, – поёжился вдруг мужик. – У них яркое солнышко. И цветочки весёлые! Пахнут ласково!...»

И совсем уж стемнело, а всё ещё выставлялся мужик из дупла, всё глядел на заброшенный мир, удивляясь, каким неприглядным, запущенным он вдруг стал...

Где-то уж через месяц хватились того мужика. Сперва думали: к ребятишкам уехал... Потом позвонили им. Нет, оказывается, не был у ребятишек! Со временем позабылась вся эта история. Вместе с ней и мужик. А деревня, в которой он жил, и до этого в позабытых ходила. Тем дело и кончилось.

Только стали с тех пор по окрестным местам примечать: колья несут пчёлы в ульи голубенькую, словно небо, пыльцу, значит, лишнего заскучал кто-то рядом о близких ли, дальних ли своих родственниках, или детях ли. Или может быть, заболел, или начал задумываться. Или что-то ещё не так с тем человеком.

Александр Семенов

ПРИКУРИВ МАХОРКУ СОЛНЦЕМ

Солдат шел домой.

Усталым шагом мерил пыльные версты. Быстрыми мыслями к близким на сверхзвуковой летел. Порывистый ветер в шинель сворачивал, чтобы спать удобней.

Кудряшки берез с лица смахивал, чтобы в бою не мешали. Аромат наших полей в легкие набирал, так сил больше. Ложкой из голенища реки до дна черпал, чтобы напиться. В котелке кашу шпилями Берлина помешивал. В костер поленья немецких танков подбрасывал, согреться.

Яркое солнце глазами прищуривал. Лицо в копоты картой Европы. Рев двигателей самолетов облаками в небе приглушал, чтобы спать не мешал. Шумом дождя барабанил по крышам, вспоминая боевых товарищей. Шинелькой Эверест обернул, чтоб не мерз, бе-
долага.

53

Карандаш Каспийским морем слюнявил, письмо домой написать. В треугольник горы сложив.

Штыком небо проколол, звездой махорку прикурить. Солнцем.

Руками в мозолях крепко держал топориче континента. Рубанул с плеча по свастике. В пыль стер. На атомы.

Дошел.

Живой.

Наталья Капранова

А ПОД МОСТОМ БЫЛА ОНА

Ржавая колонка и обрывок тельняшки. Здесь поутру с ведрами встретились две женщины, еще не старые, уже не молодые. Синие жилы, словно реки на карте мира, рисуют узоры на вечно бледной коже. Под коленями узелки натруженных вен.

Природа поглощает ненужное, отжившее. Косой дом тонет в зарослях сирени. Дверь приоткрыта, внутри виднеется мебель. Наживали добра. А потом из деревянной коробки, да в деревянном коробке переехали на край деревни. На старое кладбище.

Жители кладбища, согласно кем-то оставленному нервному объявлению, просят об одном - «НЕ МУСОРИТЬ!!!». Только лепестки ветром задетых цветов рассыпались небрежно-прекрасно. Странная, плотная тишина. На сером граните выбито вечное материнское горе: “Сыночек, ты умер от удара смертельного ножа...” В том последнем 2011-ом ему было всего 26.

Внезапный дождь монотонно стучит по голове. Пора укрыться под мостом. “Здесь была Сатана”, - кривым почерком предупредил кто-то беспокойный. ОНА и правда тут бывает - на земле упаковки от того разного, что рушит Божьи заповеди... Не в силах оторваться и уплыть отсюда под водой ужами извиваются травы. Течение узкой реки неожиданно сильное.

Вдоль дорог, поперек лесов прочно встали широкоплечие гиганты - опоры ЛЭП. Зачаровывают невероятной мощью. Вдруг однажды надоест им тянуть в далекие дали ток, выдернут они из земли свои стальные ноги и тяжело пойдут по лесам-полям. И ничего от этого в тихой российской деревне не изменится.

По утрам бабы встретятся на колонке. А по ночам под мостом опять будет ОНА.

Наталья Капралова

ГРОБ ВЫНЕСЛИ В ПОЛДЕНЬ

Он стоял на трех табуретках, а вокруг в прохладной тени широких яблонь сидели женщины и обмахивали новопреставленную тонкими ветками. Древняя бабуся померла в ночь. Видимо оттого под окнами нашей двухэтажки жалостно выла на луну собака. Покойница оставалась во дворе вечером и ночью. Для меня, городского жителя, приезжающего на лето в деревню, это казалось невероятным. Но никого больше это обстоятельство не тревожило. Даже не удивляло. Мимо проходили люди, качали головами и, перешептываясь, шли дальше по делам. Гремели ведра, кудахтали куры, деревенская жизнь шла своим чередом. Уже в сумерках я несколько раз выглядывала из окна на угол дома, но видны были только белесые ножки табуреток. Бррр! Глупый какой-то странный ужас впитался в подсознание и, конечно, мешал в эту ночь спокойному сну.

55

Следующим утром бабулю понесли на деревенское кладбище. На селе помереть незаметно нельзя. Процессия, к которой по ходу шествия прибывают все желающие, долго тянется к кладбищу. Усопший напоследок «гуляет» по родному селу, слушая через деревянные свои стены, каким он был человеком. Днем наш двор пустовал, плавно наступал вечер. И вот на том же самом месте, на том же углу дома, укрытого зеленью, собрались те же бабы, что вчера обмахивали старушку ветками. Они теперь неторопливо говорили о житейском, посмеивались. Рядом мирно играли с двумя котятами дети, закутывая маленьких зверят в пеленки, как младенцев. Сонные котята не сопротивлялись. Ничего уже не напоминало о смерти. Здесь была только жизнь.

Прошло много лет с тех пор, но почему-то именно этот резкий контраст ночных тревог, странных переживаний от близости к чему-то таинственному, потустороннему и этой размеренной безмятежности навсегда застрял в памяти образами. Отразился в душе абсолютным повинованием заведенному миропорядку. Трагичному и прекрасному, вечному круговороту жизни, в котором мы вертимся, пока не истратим отмеренное время. Потом вертятся другие...

Анастасия Яковлева

ВНЕ СЦЕНАРИЯ

Если бы Сашу спросили: «Какой день был самым сложным в твоей жизни?», она бы точно назвала любой другой день, кроме этого. Этот оказался настолько сложным, что она предпочла забыть его и сделать вид, как будто ничего не было. Ничего особенного, собственно, и не было, просто мир перевернулся с ног на голову, а потом выяснилось, что так он и должен стоять.

О наступлении утра Сашу оповестил будильник, поставленный на 5:30. Ладно, на 5:45. Ну, и еще на 5 минуточек, в общем, на 6:30. Обещанную магию утра Саша так и не почувствовала. Зато почувствовала боль в голове и груз ответственности на плечах – слишком много зависело от нее одной в этот день.

56 Кухонный стол давно превратился в офисный: на нем были разложены книги, бумаги, ручки, какие-то рисунки, а сбоку обычно скромно пристраивалась еда и Саша на табуретке. Вот и сейчас Саша заняла свою оборонительную позицию, вжавшись в угол и отстреливаясь от шквала дел чашкой кофе и музыкой в наушниках.

Оборона долго не продержалась, нашелся предатель: кофе пролился на руки, по-настоящему взбодрил и заставил Сашу покинуть своё укрытие. Деваться было некуда: с высоко поднятой, но сильно заспанной головой она встала, чтобы встретиться лицом к лицу со всеми своими делами. Решительно замотала волосы в пучок, затянула потуже пояс халата и снова села на табуретку: пора было начинать.

На столе перед ней лежал сценарный план, вернее то, что должно было им стать. На данный момент это был лишь белый лист – символ того, что она капитулировала и наконец приступила к делам. Начать решено было с простого: красивой надписи, чтобы заранее визуализировать успех проекта. Насчет последнего, кстати, не было никакой уверенности. Сегодняшний день был самым подходящим для съемок, но, как назло, практически вся рабочая группа была занята на своих проектах, и помогать Саше вызвались лишь несколько человек.

Она понятия не имела, как справится сама со всеми ролями, ведь обычно ей приходилось быть только актрисой, но сегодня она возьмет на себя все обязанности по организации съемочного процесса, и ее проект тоже будет успешным. Так думала Саша, яростно накручивая выбившуюся прядь волос на карандаш. В конце концов, для любого дела самое важное – мотивация. У Саши ее было столько же, сколько кофе – через край.

Зажав карандаш в руке, она заставляла его заполнять пространство белого листа своими идеями: на бумаге появились раскадровки, примечания и комментарии к первой сцене. Саша едва успевала за мыслью, хватая ее кончиком грифеля и прикрепляя к листу. Эта гонка могла бы продолжаться долго, но победитель определен – быстрее, чем Саша ожидала: выиграло время, так как прозвенел очередной будильник, оповещающий о том, что через 15 минут пора будет выходить на съемки первой сцены.

Сцена была прописана почти целиком, остались недописанные фрагменты, но Саша легко воспроизведет их на площадке по памяти. Всё же есть плюс в том, что ты одновременно и актер, и сценарист, и режиссер: тебе не нужно никому объяснять, как всё должно быть, потому что... «Всё должно быть супер», – подмигнула Саша своему отражению и тут же поняла, что сделать «супер» из того, что она увидела в зеркале, не получится. На голове, вместо блистающей короны победительницы, торчал всё тот же пучок, а о признаках макияжа свидетельствовала тушь, которую Саша забыла смыть перед сном.

15-ти минут было явно мало, чтобы скрыть существование Саши в халате и сотворить деловую леди, но можно было хотя бы попытаться исправить ситуацию. Волосы Саша забрала в высокий тугой хвост, замазала тональным кремом следы ночной бессонницы и последствия поедания конфет, смыла тушь и нанесла новый макияж: тени, подводка, карандаш, тушь – иными словами, сделала всё, чтобы создать образ под названием «извините, я сегодня без макияжа» и кокетливо опустить взгляд, чтобы каждый видел пушистые реснички и работу визажиста. Саша уложилась в 20 минут и, простив себе небольшое опоздание, отправилась на съемки.

Первую сцену снимали в парке, там была задумана пробежка и занятия на спортивной площадке. Чтобы фильм удался, нужно создать идеализированную картинку реальности и заставить зрителя

поверить, что такая реальность возможна. Это Саша и намеревалась сделать, и пока единственная стоящая на ее пути трудность заключалась в том, что сцену нужно было снять с первого дубля. Таковы были условия конкурса, в котором она собиралась участвовать. Монтаж и обработка, конечно, возможны, но явно постановочные кадры тут же браковались комиссией, в которую входили обычные зрители, и фильм летел в самый низ рейтинга, где всё признание заключается в том, что люди помнят, как именно ты облажалась, и признают твоё поражение.

Дизлайки и комментарии хейтеров уже посыпались на Сашин проект в ее воображении, и она растерянно оберегала свой фильм лишь одной фразой: «Я действительно старалась». Правда, это не очень помогало, и в ее самоуверенности уже была пробита небольшая брешь, через которую теперь проникали сомнения.

С этими мыслями она дошла до парка, где ее уже ждала оператор. По ее внешнему виду нельзя было сказать, что она настроена на съемки, но Саша пыталась найти свои объяснения: спортивный костюм ведь гораздо удобнее любой другой одежды, а оператору, в первую очередь, должно быть комфортно снимать. Да, снимать, но на что? Признаков техники у оператора не было обнаружено, поясная сумка могла вмещать разве что телефон, для фотоаппарата, камеры и амбиций Саши она была слишком маленькая.

Но оператор, кажется, больше готовилась к пробежке, чем к съемкам: разминала мышцы, делала махи, выпады, растягивалась. Она прыгала в такт Сашиным мыслям: «Это. Будет. Провал», каждый прыжок отдавал острой болью разочарования в голове Саши; стопы, приземляющиеся на асфальт, всё глубже вбивали гвозди сомнений, один за другим: «Это. Будет. Провал».

Тем не менее съемки начались. Но совсем не так, как ожидала Саша. Они просто бежали по аллее, иногда перекидываясь забавными репликами, будто бы это ничего не значащая физкультура, которая уже вошла в привычку у обеих. На самом деле Саше, из всех утренних активностей предпочитавшей сон, было всё труднее бежать, она тяжело роняла стопы на землю, до конца вбивая свои гвозди сомнений и уже не надеясь на тот самый идеальный кадр. Спустя 20 минут она остановилась, запыхавшаяся и раскрасневшаяся актриса выглядела уже чересчур естественно, со съемками нужно было начинать и как можно скорее заканчивать.

– Слушай, тут безумно красивая аллея, давай немного поснимаем меня на этой локации? Только представь, какие красивые кадры получатся, можем вообще вместе сняться, если хочешь.

Оператора явно смутила фотосессия и видеосъемка во время пробежки, но творческие люди вроде Саши сами себе на уме, поэтому она растерянно ответила:

– Ну, давай, у меня правда только телефон с собой, тебя на него снять?

– Да, было бы супер! У тебя даже на телефоне качество хорошее. – Так Саша сказала вслух, а про себя подумала, что до звания оператора этой девушке еще расти и расти: ведь когда только начинаешь снимать, нужно постоянно носить с собой камеру, чтобы ловить моменты и прятать их в карте памяти. Но на нравоучения не было времени. Саша выпрямилась, поправила волосы и застыла в позе бегуна. Сквозь капельки пота на лице стал пробиваться энтузиазм, потому что Саша предчувствовала хорошие кадры и радовалась тому, что съемки сдвинулись с мертвой точки. Она подпрыгивала и старалась задержаться в воздухе на пару секунд, чтобы передать легкость, воздушность и...

– Ну, вроде всё. – От слов оператора Сашу резко опустило на землю, и последний кадр получился размазанным, как будто реальность, отраженная на снимке, исказилась, но от этого стала еще более реальной: среди перемешанных в однородную цветную массу деревьев, цветов, скамеек и гравия застыло растерянное лицо Саши, будто она на секунду задумалась, что происходит вокруг нее и усомнилась в правильности окружающего ее мира.

– Супер, спасибо! Скинешь видео и фотографии вечером? Я сейчас побегу дальше, только теперь в сторону дома, еще очень много всего надо успеть.

– Ладно, я посмотрю кадры и скину удавшиеся, договорились?

– Да, еще раз спасибо! – Саша махнула рукой и развернулась в противоположную сторону, желая убежать как можно дальше от оператора-дилетанта. И за что она сказала ей спасибо? За компанию? Только вот совсем не компания входит в обязанности оператора.

Следующим местом съемок был палеонтологический музей. Главная роль была у экспонатов: скелеты, возвышающиеся на несколько метров, вальяжно расположившиеся в центре зала; чучела с

пристально следящими глазами, пугающие своей натуральностью и остатками жизни, запертой в теле или наоборот свободно пролетающей среди костей скелета. Картина получалась яркая, запоминающаяся, немного жуткая, но от того еще более интересная.

По крайней мере, так это выглядело в Сашином воображении. На деле же экспонаты оказались еще более мертвыми, чем можно было ожидать. Чучела ютились в тесных стеклянных коробках, снимать которые было невозможно: лампы оставляли блики-пятна, которые растворяли чучела в объективе, заменяя части их тел белыми разводами. Скелеты были неловко расставлены по углам, будто им не хватило места и они вынуждены ждать, когда освободится какая-нибудь стеклянная коробка, способная укрыть их от любопытных взглядов посетителей, которые окружили останки, как пещерные люди, охраняющие свою добычу.

60 Единственным колоритным экспонатом была девушка с телефоном в руках, застывшая посреди зала и разочарованно оглядывающаяся по сторонам в поисках объекта для съемок. Поле для фотоохоты, по всем Сашиным расчетам, было удачным: замершие в одних позах экспонаты, которые можно снимать с разных ракурсов, не боясь, что «модель» поменяет положение тела и тем самым нарушит композицию. Или скелеты динозавров, чьи длинные хвосты растягивались на несколько метров, создавая невероятную перспективу...

Саша стояла и чуть не плакала от разочарования: она понимала, что любой кадр, любой дубль будет неидеальным, не таким, как она хотела. А деньги за билет были уже заплачены, время выделено для этой локации, возможности поменять идею не было: она уже предупредила жюри, что съемки из палеонтологического музея будут обязательно, в лучшем виде! Но сейчас было уже не до этого: интерес, энтузиазм, творческий порыв – всё пропало, ушло, растворилось в мертвой атмосфере музея.

Оставалась только слабая надежда на консультанта, который был приглашен специально для того, чтобы давать рекомендации по созданию контента, чтобы не было допущено фактических ошибок и любых неточностей. Однако его рассказ оказался малоинформативным для фильма: цифры, названия, даты – ничего из этого не отложится в памяти у зрителя, жюри, в худшем случае, переключат на другой фильм, в лучшем – уснут, пытаясь посмотреть хоть несколько фрагментов.

Саша переходила от одного экспоната к другому, бросая презрительный взгляд на карточки с краткой информацией и лишь изредка останавливаясь рядом с экскурсиями, чтобы узнать, как называется тот или иной «актер», который подвел ее съемки. На заднем плане фонил консультант: это был явный фанат своего дела, который готов был поделиться любой информацией о каждом экспонате. Его рассказ действительно заинтересовал Сашу-обычную-девушку, но не Сашу-режиссера. Последняя медленно перемещалась по музею, то концентрируясь на неудачах своего фильма, то забывая о них и вспоминая свою детскую коллекцию динозавриков: теперь она смотрела на каждый экспонат, как на свою игрушку, увеличенную кем-то до натуральных размеров.

На выходе из главного зала был буфет. «Зайти что ли, взять себе пирожное и хотя бы его снять? Сказать, что это, мол, был самый интересный экспонат, а музей вообще-то скучный», – мелькнула мысль у Саши, но она тут же помотала головой, вытряхивая эти мысли и ругая себя за непрофессионализм: еду фотографировать, вот еще.

Несмотря на то, что половина дня была уже потрачена практически впустую, впереди оставался еще целый вечер, на который Саша возлагала большие надежды. Ей предстояла встреча с главным сценаристом. С ним они обсудят финальную сцену, выберут подходящие локации, костюмы для съемок и даже сделают несколько пробных кадров. Проговорят всё, до мельчайших деталей, а может быть, наоборот, решат позволить себе немного спонтанности, чтобы каждый кадр искрил жизнью, передавал энергетику. Саша старалась не придумывать заранее, что и как они будут снимать, но ее воображение играло с ней наперегонки и пока явно одерживало победу: оно прорисовывало каждый кадр так, словно Саша уже когда-то не просто видела, а переживала этот момент; оно обманывало само себя, добавляя эффекты фотошопа и фильтры фоторедакторов на исходники фантазии. И вот в голове у Саши уже выстроилась волшебная картинка со звездным летним небом и ласковым ветром, который бережно пронесит над городом аромат цветов и еще чего-то неуловимого телом, но осязаемого душой, это что-то – для каждого своё.

Саша выбежала в летний вечер, пряча под легким кардиганом свои эмоции: яркие, приятно-волнительные. В сквере рядом с домом ее уже ждал сценарист, Саша подбежала к нему, обняла и заглянула в глаза, беззвучно задавая вопрос: «Какой у нас на сегодня

сценарный план?». Сценарист улыбнулся в ответ, отмечая про себя трудно скрываемый Сашей восторг от ожидания чего-то нового. Чего именно – он не знал.

Он взял ее под руку, и они медленно пошли по скверу прямо в парк. Там было уже достаточно темно, и телефон – Сашино единственное оборудование для съемок – не уловил бы ничего кроме темноты наступающей ночи. Такой поворот событий в сторону парка смутил Сашу, и она решила задать вопрос прямо:

– А мы что, никуда не пойдём сегодня?

– А куда бы ты хотела сходить?

– Ну, я не знаю, нужно посмотреть что-нибудь новое, интересное, найти столько впечатлений, чтобы не жалко было делиться с другими. Помнишь, в прошлый раз я придумала пойти в аквапарк, где мы устроили фотосессию? Или как мы ходили на спектакль и нашли в театре реквизит для других съемок? Это всё были мои идеи, может быть, сегодня ты что-нибудь предложишь? Ведь я не могу постоянно генерировать идеи, мне хочется услышать твои предложения.

62 – Я думал, сегодня мы просто пройдемся и поговорим. Я не люблю планировать что-то заранее, мы давно вместе, и ты знаешь, что для ярких эмоций и впечатлений не нужно, чтобы была продумана каждая деталь.

– Да, я знаю, но эта схема тоже не всегда работает. Сегодня же идеальный вечер, а мы идем в темном парке вместо того, чтобы искать и ловить эмоции. Мне нужен контент, насыщенная событиями жизнь, а не череда каких-то любительских кадров.

– За контентом тебе к сценаристу, а не ко мне, – Ответил главный сценарист. Саша ушла в свои размышления, а он по-прежнему держал ее под руку, как будто не хотел отпускать.

После этой прогулки Саша вернулась домой и села за свой рабочий кухонный стол. Утренний беспорядок остался нетронутым: хоть где-то Саше удалось сохранить порядок – в беспорядке. Она достала написанный в начале дня сценарный план с надписью «Список дел». Ее взгляд упал на три самых важных пункта: побегать с подружкой, сходить в музей, встретиться с молодым человеком. Пометить их как выполненные? Фломастер замер в руке Саши, не решаясь брать на себя ответственность и определять, выполнены эти дела или нет. Саша отложила его в сторону и взяла телефон; на часах было около 12 ночи, значит, жюри уже собрались подводить

итоги конкурса. Конкурса, в котором Саша так и не смогла принять участие, потому что не набралось ни одного хорошего кадра, ни одной хорошей сцены, которая могла бы сохраниться в памяти жюри хотя бы на сутки.

Саша зашла на сайт, чтобы посмотреть работы других участников этого конкурса, придуманного неизвестно кем. Лента публикаций запестрела яркими пятнами чужих эмоций, которые иногда растекались кляксами неискренних улыбок. Все эти фотографии и видео Саша резко пролистывала пальцем, как будто хотела смазать их, превратить в однородное пятно, но чем быстрее мелькали публикации, тем причудливее и интереснее казался калейдоскоп событий других людей. Хотя от настоящего интереса у Саши не осталось и следа: если она и останавливалась на некоторых фото или видео, то только в надежде на то, что у кого-то выдался такой же неудачный день, как у нее. Но в тщательно отобранных публикациях была только красивая жизнь, сделанная в фотошопе и превращенная в контент; были люди, создавшие из своей личности бренд; а над всем этим возвышались пользователи-жюри, которые оценивали значимость событий количеством лайков и измеряли насыщенности жизни количеством публикаций.

63

Саша, перед глазами которой всё еще продолжали мелькать чьи-то лица и какие-то пейзажи, вдруг одним касанием остановила эту карусель. Она свернула Инстаграм и выключила телефон.

Ирина Николаева

КАК НАЯВУ

Небольшой провинциальный городок, как впрочем, и все подобные города, поразил своей тишиной, прерываемой пением птиц, редко проезжающими машинами и размеренностью жизни, о которой может лишь мечтать каждый житель мегаполиса.

Названия я его не помню, но оказалась я там явно по важным делам, так как вместе со мной приехала моя бывшая коллега, уже давно проживающая в другом городе, будучи пенсионеркой.

Остановились мы в старом, очень большом, многоэтажном доме. Его размеры никак не вязались с этим городом, с его маленькими домами и узкими улочками, а также расположившимся рядом со спальными микрорайонами огромным частным сектором с деревянными домиками, спрятанными за заборами и лающими собаками. Дом этот был высоким, этажей под четырнадцать, а в длину ровнялся четырёх, стоящим по соседству малоэтажным домам, и создавалось ощущение какой-то огромной стены, которая «давила» своими размерами на общем фоне. Фасад дома был выкрашен в бежевый цвет, стены его были с множеством трещин и молярных «заплаток». Распахнутые двери старых подъездов зияли чернотой и при приближении к ним распространяли резкий запах сырости, плесени, вперемежку с «ароматом» представителей бродячего животного мира.

64

Множество одинаковых подъездов, похожих друг на друга как братья близнецы, создавали впечатление чёрных дыр, иллюминаторов у корабля-призрака.

Находясь здесь, создавалось странное ощущение. Несмотря на стоящую эту жилую махину, двор был на удивление тихим, нелюдимым и каким-то заброшенным. На фоне этого запустения, сбитых тротуаров с перекошенными бордюрами, надломленными скамейками, ярким контрастом выступало буйство природы в виде огромных деревьев, кустарников, которые прорастали даже сквозь асфальт и широкими зелёными кронами сужали и без того узкие проходы дорожек. А трава, она росла повсюду, величиной с человеческий рост. Всё это благоухало, наполняя воздух запахами сирени, жасмина,

разнотравья. И день был такой яркий, солнечный, создавая ощущение полного умиротворения.

Лифтовый холл седьмого этажа соответствовал общей картине дома. Сквозь немытое большое окно, пробивался солнечный свет, освещая серебром паутины по углам. Далее начинался большой, и уже совсем не светлый коридор, с множеством дверей. В одной такой квартире мы и остановились. На удивление чистая, скромно обставленная двухкомнатная квартира принадлежала каким-то знакомым, которые там не проживали.

Остаток дня прошел как-то тихо и незаметно, но на фоне этого спокойствия, что-то тревожное витало в воздухе. Смутное чувство не покидало меня, не давало расслабиться. И было в этом что-то удушающее, гнетущее, необъяснимое.

Я готовила обед, когда моей спутнице понадобилось выйти на улицу по своим делам. Закрыв за ней дверь и вернувшись на кухню, я вдруг ясно представила себе вчерашний двор и дом, с его бесчисленными подъездами, а так же пожилую женщину, беспомощно плутая по этажам в поисках злополучной квартиры.

В мгновении ока я выбежала на лестничную клетку в надежде догнать мою знакомую. Мысль не потерять её пульсировала в моей голове, и я довольно быстро очутилась перед подъездом.

Всё та же тишина, редкие прохожие, но моей спутницы нигде не было видно. Я безуспешно обежала довольно не маленький двор, но она просто исчезла, испарилась, растворилась в воздухе.

Я медленно брела обратно, недоумевая, как могла уже довольно пожилая женщина, так быстро пропасть из виду. И сколько времени её не будет? Не сидеть же перед подъездом.

Я вызвала лифт и стала ждать. Единой кнопке подчинялись два пассажирских и один грузовой лифты. Какой из них подойдёт первым, оставалось загадкой.

Ожидание затягивалось. Подошли ещё двое. Молодая девушка, лет семнадцати и женщина, довольно полная с сумками и уставшим лицом.

Наконец открылись двери грузового лифта, и мы всей компанией вошли в него.

— Вам какой? - спросила я. Выяснилось, что кроме «моего» седьмого, надо попасть ещё на восьмой и десятый этажи.

Кнопки этажей нажаты в ожидании, но лифт застыл на месте, лишь слегка передёрнув двери, но, не закрыв их.

– Опять сломался! - раздражённо сказала женщина с сумками. – То и дело чинят и всё бестолку!

– Надо выходить - сказала я и подалась вперёд. Но в это самое мгновение, лифтовая кабина дёрнулась и поехала наверх, постепенно набирая скорость.

– Двери открыты! - закричала женщина.

Мы все с ужасом вдавились в противоположную от дверей стенку, но лифт уже мчался с бешеной скоростью, грохоча и сотрясаясь.

Всё мелькало перед глазами и сливалось в сплошную серую полосу.

Женщина кричала истошным голосом, а девушка присела на корточки и бледная забилась в угол.

Я потеряла счёт времени, кажется, мы неслись уже целую вечность. Жутко закладывало уши, и слышать этот крик было невыносимо.

– Закройте глаза и держитесь крепче! - прокричала я женщине, впиваясь онемевшими пальцами в поручень на стене.

66
Перед нами мелькали какие-то огни, как вдруг скорость стала заметно снижаться. Я боялась открыть глаза, сердце бешено колотилось, готовое выпрыгнуть наружу. В мутной голове стучала только одна мысль – наружу! Надо выйти наружу! Раздался толчок, мы остановились.

Время на раздумья не было. Приоткрыв глаза, я увидела в про свете дверей площадку. Дрожащими ногами выскочила на неё.

Увиденное дальше оказалось настолько неожиданным, что моё сознание отказывалось в это верить. Я стояла на пустынном перроне, где-то на окраине города и смотрела в хвост удаляющейся от меня электричке.

Потрясение от происшедшего сменилось жутким ужасом, всё больше охватывающим меня.

Головокружение и давящий шум в ушах не давали мне опомниться, как будто я всё ещё неслась в неизвестном направлении. Но реальность происходящего, которую я ощущала, заполняла меня чувством полной безысходности.

Я ступала непослушными ногами по раскалённому солнцем асфальту, что-то горячее сдавливало грудь. Сделав резкий вдох, я... проснулась.

За окном барабанил дождь. Прильнув ко мне, у меня на груди спала кошка, будившая меня по утрам.

Сергей Черкасов

ЖИЛ БЫЛ КОТ

Эта история могла, или вполне возможно еще может произойти, в любом из городов на просторах нашей Родины. Поскольку в каждом из них, от столичной Москвы до Владивостока, наверняка, есть такие дворики. Они не выпячиваются иглами высоток и коваными заборами охраняемой территории, а спокойно и неприметно существуют рядом с ними. Рекламирующие шик и внешнее благополучие новостройки, стыдливо отводят от них глаза, как миллионер от бедных родственников. А те не претендуя на излишнее внимание, просто продолжают жить, и дарить людям уют и спокойствие которого так не хватает недавно построенным домам. Потому что каждый такой старый двор имеет свою, ни с чем несравнимую атмосферу и историю. Пусть мелкую и незначительную в масштабах города, а уж тем более страны, но близкую и понятную тем жителям, которые в нем живут. Медленно погружаясь в землю своими двух, трехэтажными домами, помнящими казалось еще времена купца Калашникова, ну или как минимум, Иосифа Виссарионовича. Эти дворики сами того не подозревая составляют сущность любого города или всей страны в целом, олицетворяя не просто ее прошлое, а саму душу.

Раскидистые акации и высокие тополя, стоящие кольцом оцепления по периметру двора, пропуская через плотную листву солнечные лучи, создают на земле причудливую головоломку из света и тени, отдаленно напоминающую шахматную доску, по которой, разыгрывая неведомые комбинации, с неспешностью гроссмейстеров обдумывающих следующий ход, передвигаются его жители. Войдя в такой двор с шумной улицы, человек испытывает ощущения сходные со сплавом по горной реке. Когда проносящиеся мимо на бешеной скорости скалы и окутывающая с ног до головы вода, резко сменяются тихой заводью с лениво раскачивающимися водорослями. Этот переход настолько резок, что заставляет сердце невольно сбиться с бешеного ритма городской жизни и начать ровно и неспешно отсчитывать пролетающие мгновения. Расставленные по

двору лавочки, выкрашенные так любимой Жэковскими работниками масляной краской в зеленый цвет, превращаются в кувшинки и лилии, а стоящие особняком гаражи, в поросший мхом утес. Магия таких двориков такова, что пробыв в них больше получаса, начинаешь сомневаться, что за стенами этого дворика бурлит, ни на секунду не переставая, кипучая жизнь большого города.

Ну и, конечно же, еще одной из главных достопримечательностей таких дворов, являются уличные коты. Заняв стратегически важные точки они, подобно полководцу накануне битвы, пригревшись на солнышке, изредка оглядывают двор полусонным взглядом. Выросшие в подвалах, среди вечно капающих, плохо отремонтированных местным полупьяным сантехником труб, эти безмолвные статуи, подобно египетскому Сфинксу, не просто оберегают сонный покой двора, а самим своим присутствием создают ту непередаваемую атмосферу теплоты и уюта, которой так не хватает модным новодамам. Вот и герой нашего рассказа принадлежал к этой многочисленной породе двортерьеров. Не смотря на антисанитарные условия проживания, а может во многом благодаря именно им, он с детства приучил себя к невероятной чистоплотности. Идеально вылизанная до матового блеска дорогой иномарки, черная с голубоватым отливом шерсть, и белые чулки на лапах, вместе с белым же галстуком на шее, делали его похожим на английского джентльмена. Который по ошибке попал не в закрытый клуб, а на нудистский пляж. И теперь с легким презрением в недоумевающем взгляде посматривающего на окружающих. В общем, гигиена для него стояла на втором месте. Сразу за поиском питания. Еда, как и последующий после нее сон, для любого уважающего себя кота всегда стоят на первом месте. И только в марте могут быть отодвинуты на задний план из-за ухаживаний за противоположным полом.

Наш кот себя уважал а, следовательно, подходил к данному вопросу вдумчиво и обстоятельно. Будучи по природе аристократом, он никогда не опускался до питания на мусорных площадках. И по сему с легким презрением нового русского смотрящего на снующий в поисках куска хлеба плебс, наблюдал за своими менее удачливыми собратьями. Которые ползали среди воняющих баков, а потом остервенело, вылизывались, пытаясь избавиться от вьедливого помойного запаха. В действительности жизнь бродячего кота не настолько страшна, как это принято описывать в слезливых дамских

романах. В современном мегаполисе всегда есть места, где обладающий умом и сообразительностью кот, как говорят одесситы, сможет найти свой кусок рыбы на ваш кусок мяса.

Вспоминая слова известного литературного героя, существует масса вариантов честного отъема еды у населения. Причем далеко не всегда – это воровство. Кроме того, по словам все того же человека, с которыми кот был абсолютно согласен, воровать мало того, что стыдно, так иногда еще и вредно для здоровья. А вот высший кошачий пилотаж – это так выстроить свою модель поведения, чтобы дающий тебе еду человек, испытывал не только удовольствие, но и искренне умилялся, когда ты, делая ему одолжение, ее ел.

Самый простой, но не самый любимый способ – вымогательство. Простой, потому что не требовал от тебя практически ни каких усилий. А не любимый, потому что напрямую зависел от погоды. Сделав умильную морду, сидеть на отполированных до зеркального блеска ступенях из керамогранита у входа в гипермаркет. Такой способ идеально подходит для теплого солнечного денька. Когда нагретый на солнце камень, приятно согревает живот, а солнечные лучи, отражаясь от гладких ступеней, заставляют лениво щуриться в ожидании, когда какая ни будь добрая душа, насыплет сухого кошачьего корма, или фортуна улыбнется в виде дешевой соевой соеиски.

Это летом. А вы когда ни - будь, пробовали полежать или посидеть на холодном камне зимой? Попробуйте, рекомендую! После радикулитного ожидания на холодном ветру, копание в помойке будет представляться вам далеко не самым худшим вариантом. В остальном же – вымогательство у гипермаркета сродни летней рыбалке. Те из вас, кто хоть раз погружался в нирвану наблюдения за поплавком в жаркий летний денек, сразу поймут чувства кота, наблюдающего за входными дверями. Любое открытие, которых как легкая поклевка, или ложная тревога покачивающегося поплавка от набежавшей волны. Невозможно объяснить человеку, который ни разу с таким не сталкивался, ни с чем несравнимое удовольствие от правильно выбранного момента. Как говорят опытные рыбаки - вовремя подсечь. Чуть поторопишься или зазеваешься и все! Сорвалась! Ну и подобно рыбалке, темные тонированные двери магазина, как водная гладь, до последнего скрывают от твоего взгляда добычу. Интрига заставляет сердце сжиматься в предвкушении жирного караса, а на

поверхность всплывает жалкий пескаррик, которого стыдно показать собратьям по рыбалке.

По классификации кота, к пескарям относилась детвора без родителей. Громко галдящая и совершенно не понимающая его вкусовых пристрастий. Они могли насыпать чипсов или дать кусок мороженого. Все это без большого удовольствия приходилось съедать, потому что прикормленное место было необходимо содержать в чистоте. Зато поглаживаний и тисканья эта категория предоставляла в полном объеме. Роль окуньков отводилась старушкам. Те были более продвинутыми в кошачьем рационе, но проживая на нищенские пенсии, умудрялись держать дома его собратьев, и посему, могли отсыпать ему самые крохи. Следовательно, правильность питания ограничивалась его скудностью. Ну и наконец, на жирную поклевку тянули мамыши с малолетними отпрысками. Выйдя на яркий свет из полутемного магазина, мамышка еще не успевала отойти от требований террориста, по какой-то нелепой ошибке, записанной в роддоме в качестве ее отпрыска. Застряв на кассе и выслушивая перечень необходимых тому предметов. Куда могло входить все! Начиная от чупа-чупса и заканчивая дешевыми китайскими игрушками. Которые сволочные маркетологи и располагали специально в таких местах, в подлом расчете именно на такой случай. Вот тут следовало не зевать. Оторвать нагретое пузико от теплого камня, выгнуть спину дугой, а потом опять прогнуться едва, не касаясь животом ласкового камня, потянуться и преданно посмотреть в глаза человеку.

Бояться диких воплей – Кися! – исторгаемых малолетними любителями животных не стоило. Как правило, бдительные мамышки зорко стояли на страже здоровья своих отпрысков, не позволяя им прикоснуться к тебе. С криком – Не трогай его! Он лишний! – Подобно буксиру работяге, медленно, но верно тянущего баржу, оттаскивая вопящее чадо на безопасное с их точки зрения расстояние, от предмета вероятной опасности. Но, тем не менее, если проявить настойчивость, и преданно глядя в глаза обозначить попытку подойти ближе, с целью потереться об ноги, то, как правило, мамышки судорожно вцепившись в продуктовые сумки одной рукой, держащие любимое чадо другой, используя неведомые резервы организма, прибегали к антигравитации и телекинезу. Ни чем другим, кот не мог объяснить, как лишь чуть придерживая плечом телефон у уха и продолжая разговаривать с подружкой про мировые женские про-

блемы, мамашка без использования занятых рук извлекала на свет божий сосиску. После чего вручив ее ребенку, менторским тоном советовала покормить голодную кисю. Правда, не забывая при этом добавить, чтоб меня не трогали. Потому что я могу поцарапать или укусить.

- Да не оскудеет рука дающего! Я что похож на идиота, который будет кусать ребенка, собирающегося меня покормить? Хотя подобный расклад меня полностью устраивал. Сосиска надежно лежит в зубах. А без поглаживания и сюсюканья я вполне проживу, ни мало не переживая по этому поводу.

Минусом подобного времяпрепровождения было то, что если слишком погрузиться в нирвану, то можно было не заметить очередного котоненавистника и, словив волшебный пендель, отправиться в не менее волшебный полет. Оскорбленные вопли По-поводу попранной свободы личности, только прибавляли тому удовольствия от процесса. Делая его похожим на спецназовца охраняющего гей-парад, когда тому сообщили, что по решению правительства оцепление решено убрать.

В неоднократно помеченный многими поколениями кошаков подвал, из семейства грызунов совались только самые безбашенные представители данного вида. Очевидно перечитавшись выброшенных на помойку комиксов, и вообразив себя супергероями. Как правило, от этого заблуждения их избавляли минуте на третьей или пятой, после проникновения на запретную территорию. Попутавшая рамсы мыша могла попытаться принять атакующую позицию Бетмена, или изобразить Человека Паука – печальный итог был один. Немного подергавшись с перебитым хребтом, закончить жизнь в животе пушистого мурлыки.

С точки зрения прикладной психиатрии - поступок, мягко говоря, не самый благоразумный, и потому долго обсуждаемый на всяких мышинных конференциях под рабочим названием – Мания величия – как один из наиболее действенных способов суицидального ухода из жизни. Посему из-за крайней малочисленности грызунов, рассматривать их в качестве основного элемента пищевой цепочки - не стоило. И на роль дичи были определены пернатые. Выбор коих тоже был не слишком разнообразен. Дистрофичных воробьев, для того чтобы наестся, нужно было штуки четыре. А поимка даже одного серого комка, выливалась в сложнейший квест. Начинаясь

с попыток убедить всех окружающих, что ты не типичный представитель кошачьего племени, этакий кот - веган. Проявляя полный игнор к шепотному воробьиному семейству, отрешиться от всего сущего и сконцентрировавшись на желтом цветочке, с завидным упорством повторять мантру о драгоценности, рожденной в цветке лотоса. Достигнув внутреннего просветления, следовало начать транслировать эту мысль вовне. Пытаясь убедить окружающих, что ты не хищник, а бесполое неопасное существо. Весь смысл жизни которого, сводится к любованию и обнюхиванию одуванчиков, которые при попустительстве местной дворничихи заполонили весь двор. Перемазавшись желтой дрянью от кончика хвоста до усов, можно было переходить к следующему этапу. В наставлениях по кошачьей йоге эта асана называлась ветошью. Что в переводе с санскрита означало – лежащий предмет, не отбрасывающий солнечные лучи. Убедительность игры, оценивалась не введливым режиссером, с его сакраментальным – Не верю! – А полным игнором со стороны пернатых. То есть, потратив час своего личного времени, на выходе можно было получить не лакомое блюдо, а горький десерт в виде пыльцы одуванчика, которая после вылизывания шерсти, мало того, что оставляла едкий привкус на языке, так еще и вызывала дикое чихание, попадая в нос. Но предположим, только предположим, что вы все это вытерпели, и все получилось как надо. Думаете что это финал? И благодарные воробьи толпами экзальтированных поклонниц падают в обморок от вашего актерского мастерства? Как бы ни так! Напоследок было необходимо проявить чудеса эквилибристики и знание законов баллистики вкупе с высшей математикой. Через едва открытые глаза оценить угол прыжка. Перемножить его на скорость жертвы, учесть боковой ветер и влажность воздуха. Провести необходимые вычисления с точностью до шестнадцатого знака после запятой, и уже только после всего вышеперечисленного, совершить прыжок. Причем в отличие от спортсменов, которые перед этим разминаются, и выходят на рубеж разогретыми, вам предстояло прыгать из неудобного положения, с затекшими от долгого ожидания мышцами. И если перед спортсменом стоит одна задача – просто прыгнуть повыше, то у вас совершенно другие цели и мотивация. Вы только на секунду представьте прыгуна с шестом, которому для того что бы прыгнуть нужно не просто разбежаться, а сначала догнать убегающую от него перекладину. Причем призем-

латься вследствие непредсказуемости полета он будет не на мягкий багут, а в экстремально колючие кусты. Представили? А слова, которые при этом он будет произносить – вообразили? Поздравляю! Значит у вас очень богатая фантазия.

А у воробья в это время мог работать свой баллистический компьютер, проводящий не менее сложные вычисления, и итогом прекрасно проведенной комбинации, зачастую становились лишь перья, из хвоста застрявшие во рту, вперемешку с горьким привкусом поражения и издевательским чириканьем наглого оппонента с ближайшего куста. С перечислением всех твоих родственников и его воробьиной противоестественной любви с твоей кошачьей матерью.

Но даже если звезды были к вам расположены и карты легли как надо – что дальше? Три минуты зверского урчания и жадного чавканья, с постоянным осмотром местности на предмет конкурентов – и все! О миге триумфа напоминают только перья, прилипшие к бороде, да предательский живот, намекающий, что для полного счастья ему таких тушек еще штуки три надо.

Поэтому основной дичью были голуби. Глупые, беспечные птицы, были идеальным объектом для охоты, объединяя в себе два основных достоинства. Большое количество диетического, легко усвояемого мяса с каждой отдельной особи, и легкостью поимки. Поедая хлебные корки на помойке, они становились настолько беспечными, что их можно было брать практически голыми руками, извините лапами.

И все было бы прекрасно, кроме одного. Бабушки. Эта божья благодать и кары небесные в одном лице. Он никогда не мог понять, как эти божьи одуванчики, еще пару минут назад разгоняющие голубей, и кричавшие, что эти засранцы загадили все скамейки, грудью вставали на защиту божьих тварей, стоило ему, только прижавшись к земле нацелиться в их сторону, и начать нервно обмахивать себя хвостом. А те, чувствуя защиту, чинно расхаживали перед сидящими старушками, перемывающими косточки всем проходящим мимо.

Был в его жизни еще один интересный момент, связанный с пернатыми. Сподобился он попробовать заморский деликатес. С непонятным названием пернатого ищущего гайку на свою пятую точку. Как то из квартиры Федюниных, что на третьем этаже, вылетел попугайчик. Дитя западной демократии и толерантности, свято уверенный в неприкосновенности любой личности, практически зале-

тел к нему в рот. Обалдевший от такой наглости кот, вообще решил сначала, что это провокация западных спецслужб, и решил на нее не поддаваться. Но обнаглевший иностранец повел себя так, как будто наша одна шестая часть суши является его колонией. И коверкая русские слова, попытался послать кота за пивком. В отсутствие кинокамер и западных наблюдателей, дальнейшее развитие событий показало, что далеко не все, западные понятия о неприкосновенности личности и свободе слова, нашли понимание в нашей стране.

После попугая во рту остался едкий привкус, какой - то химии, которой его толи лечили, толи кормили. А само его жесткое, поджарое тело, закаленное упорными занятиями на жердочке в клетке, чем - то напоминало подошву от ботинка, которую он грыз, когда у него чесались зубы. В конечном итоге, кот догрызая последнюю косточку и мучаясь от жуткой изжоги, пришел к выводу, что все эти заморские деликатесы - на любителя.

Но давайте вернемся к взаимоотношениям нашего кота и старушек. Отгоняя его от голубей, и лишая его законной добычи, тем не менее, бабушки не оставляли его на произвол судьбы. Многие из вас, наверняка встречали в своей жизни подобный вид старушек.

74

Этакая кошачья Мать Тереза. Экономя на всем и живя практически впроголодь, они умудряются ежедневно кормить уличных кошек куриными потрошками и рыбой. С маниакальным упорством дважды в день, готовя им в своих кухоньках еду. Кто - то ими восхищается, кто - то их осуждает, а эти одинокие люди, от которых дети давно уехали, и в лучшем случае, звонят раз в месяц, дежурно справляясь о здоровье. А на самом деле, проверяя, не освободилась ли квартира. Внуки же вообще забывают поздравить с праздником, занятые своими молодежными проблемами. Так вот именно такие люди, заполняя пустоту в душе, дарят нерастраченное тепло брошенным животным. Пожалуй, это и будет отправной точкой основных событий.

В этом дворе, конечно же, жила такая старушка. Неопределенного возраста, сухонькая, сгорбленная годами женщина в неизменном платке на седой голове, казалось, была тут всегда. Заселившись еще в прошлом веке, она уже тогда жила одна. Спокойный характер и мягкость поведения настолько сгладили сам момент ее появления, что потом стало просто невозможно сказать точно, когда же она заселилась во двор. Все называли ее Степановной. Помутневшие и выцветшие от старости, некогда голубые глаза, с непередаваемой

теплотой и легкой грустинкой, смотрели на мир. Ни кто не знал, сколько ей лет. Есть такой тип людей. Которые, достигнув определенного возраста, перестают меняться, и выглядят совершенно одинаково - как в семьдесят, так и в девяносто лет. Ни кто, ни когда, не видел, что бы ее навещали родственники, а сама она, на вопросы любопытствующих товарок, предпочитала отмалчиваться, лишь грустно улыбаясь самым краешком блеклых, старческих губ.

Она подкармливала кота с самого рождения, когда он только, только разлепив глаза, на расплзающихся лапах, стал вылезать из подвала. После того как его мать бесследно пропала, она урезав свой и без того скудный рацион, стала покупать и приносить специально для него молочко. Так лишившись родной матери, он получил взамен – приемную. Она то и подарила ему второй шанс.

С недавних пор польстившись близостью к центру и монументальностью постройки, стены которой мог взять далеко не каждый артиллерийский снаряд, у них в доме поселился сынок местного депутата Верещагина. Расселив большую коммунальную квартиру, где жило несколько семей, он устроил небольшой Армагеддон в отдельно взятом дворе. Сломав несколько перегородок и загадив двор разносимой ветром просыпанной из мешков с мусором известковой пылью, бригада заезжих строителей в рекордные сроки, превратила старенькую квартиру в чудо дизайнерской мысли, запрятанное за бронированной дверью.

75

Едва заселившись, Верещагин сразу начал устанавливать свои порядки. По праву сильного, считая себя хозяином жизни. Припарковать машину на тротуаре и перегородить вход в подъезд, или выгуливать свою собаку на детской площадке и демонстративно не обращать внимания на замечания соседей по поводу куч, которые она там оставляла, было для него в порядке вещей. После рождения ребенка, весь двор был поставлен в известность, что с одиннадцати часов утра до часу дня необходимо соблюдать тишину, потому что у него спит ребенок. Малейшая попытка детей поиграть в это время на улице в футбол, или просто побегать в догонялки, пресекались самыми грубыми методами базарной демократии. Выпученные глаза, покрасневшая одутловатая рожа и раскрытый рот, из которого вылетали слова вперемешку со слюнями, причем приличными были, только слюни, напрочь отбивали у детей желание играть, а у их родителей желание связываться с зарвавшимся хозяином жизни.

Ну а потом как раз и произошло то событие, которое окончательно настроило весь двор против него.

Подражая высокопоставленному папашке, сынок и увлечения выбирал соответствующие статусу. Одним из них стала охота. Покупив модных причиндалов, одетый в новенький камуфляж, сидящий на нем как на корове седло, Верещагин стал регулярно выезжать на природу. Его собака – добродушный спаниель отданная, на какие - то новомодные курсы собак охранников, за три месяца превратилась из любимца двора, игравшего со всеми детьми, в злобно-го монстра с глазами Чикатило, готовое по приказу хозяина порвать кого угодно. Именно так и получилось в один из теплых майских дней.

Вынеся из дома приготовленную еду и аккуратно разложив ее в персональные мисочки, Степановна, куда - то ушла по своим старческим делам. Вышедший на прогулку Верещагин, увидел мирно сидящих возле своих блюдечек кошек. Воровато оглянувшись и не увидев никого поблизости, он, нагнувшись к своему церберу, отстегнул поводок, и, указав на кошек, произнес короткий приказ – Фас! – Заглянув в глаза хозяину, пес увидел в них молчаливое одобрение. Сорвавшись с места, ушастый монстр безмолвно кинулся в сторону незащитных животных.

76 Кот сидел у своей миски абсолютно уверенный в собственной безопасности, когда возникшая непонятно откуда серая молния набросилась на него. Схватив за заднюю лапу и придавив его к земле, барбос начал яростно его драть. Ошеломленный внезапностью нападения, кот упустил тот единственный момент, когда еще можно было вырваться из цепких лап своего палача, а потом ласковое майское утро заполонила собой багровая адская боль от собачьих клыков, разрывавших его незащитное тельце. Мотаясь безвольной тряпкой в собачьей пасти, он не видел, как выбежавшая из подъезда Степановна, схватив стоявшую на крыльчке швабру которой она сметала просыпавшийся на землю кошачий корм, начала бить его мучителя. Выпустив из пасти безвольную тушку, обиженный спаниель отскочил под ноги хозяина, ища у того защиты. Оправившись от неожиданности, он ощерил пасть и переключил свое внимание на старую женщину. Которую не обошел вниманием и хозяин собаки. Нереальностью происходящего начинающаяся дуэль между сухонькой старушкой со шваброй в руках и толстеного мордово-

рота, больше ее раза в три, походила на выход д. Артаньяна со шпагой против БТРа. Как траками взрывая своими дорогами ботинками землю, Верещагин грозно выдвигался на позицию для атаки. Из-за его спины короткими лающими очередями огрызнулся спаниель, выполняя роль наступающей на врага пехоты под защитой бронетехники. Казалось бы, Степановне грозит неминуемое поражение, но блестящему блицкригу был уготован не менее блестящий провал. Выйдя на ударную позицию. Верещагин с криком – Ты, что старая сука делаешь!? – уже занес руку для удара. А спаниель был готов наброситься на обидчика, помогая хозяину, когда расстановка сил в театре военных действий резко изменилась. Отброшенный резким ударом ноги спаниель, с воем отлетел в кусты, а дряблая рука местного предводителя дворянства, оказалась перехвачена возникшим за его спиной человеком-горой. На счастье Степановны и kota, вышедший по своим делам на улицу Петрович, вовремя вмешался в творимый беспредел.

Надо сказать, что человек он был далеко не простой. С детства занимаясь спортом, он стал в свое время толи КМСом, толи мастером спорта в полутяже по боксу. Поговаривали, что в лихие девяностые, Петрович состоял в какой-то бандитской ОПГ. Но в своем дворе он никогда не беспредельничал, пальцы веером не гнул, и по понятиям не разговаривал. Поэтому разговоры о его якобы криминальном прошлом хоть и велись иногда у него за спиной, никак не влияли на всеобщее к нему уважение. Сейчас перестав заниматься спортом и раздобрев, Петрович набрал вес и еще шире раздался в плечах, приобретя брутальность способную заставить задуматься даже Александра Валугева.

Легко перехватив Верещагинскую руку, возвышающийся над ним на две головы Петрович, с мягкой улыбкой и гулким, рокочущим, казалось идущим не из его груди, а из земных недр голосом, посоветовал тому не пытаться установить свои порядки. А еще лучше забрав свою шавку идти по добру, по здорову. Потому что несчастные случаи еще ни кто не отменял, а они как известно, могут произойти с кем угодно. Включая даже сына депутата. Выскочивший из кустов пес, подволакивая заднюю лапу, и поджав хвост, забился под ноги хозяина, а тот, побагровев больше обычного, раскрыл рот, собираясь поставить на место, зарвавшееся быдло - натолкнулся на холодный, оценивающий взгляд голубых глаз Петро-

вича, подавился накопившейся слюной, закашлялся, склонившись над своим барбосом и цепляя к нему поводок. Затем выпрямился и с нотками пятилетнего обиженного мальчика, обещающего своим обидчикам привести на разборки отца, который им всем покажет, сообщил: - Что Петрович еще не знает с кем связался, и не такому бычьёю рога обламывали. – Окинув рыхлую фигуру колобка на восьмом месяце, у которого выросли короткие ножки, – Петрович остановил мечтательный взгляд в районе почек предполагаемого оппонента, и предложил тому попробовать, если хватит здоровья. Резко здувшийся под мечтательным взглядом Петровича – Верещагин, посчитал ниже своего достоинства продолжать бесполезные дебаты с распоясавшимся плебеем, и развернувшись, резко дернув за поводок гордо удалился, таща практически волоком жалобно поскуливающего пса.

78 Не известно получила ли эта история дальнейшее продолжение, или более умудренный жизненным опытом папа посоветовал сыночку, заткнуть хлебало и не вякать на уважаемых людей. Но как бы, то, ни было, после этого случая, Верещагин, едва завидев Петровича, спешил перейти на другую сторону, а если это по каким, то причинам было невозможно, с царской небрежностью слегка кивал ему головой. Признавая в нем если не равного себе, то, по крайней мере, заслуживающего внимания. Через месяц сонное спокойствие двора было нарушено еще одним событием с участием Верещагина. Его собака, бегавшая без намордника и поводка, покусала ребенка на детской площадке. Вновь обнаглевший Верещагин заявил родителям ребенка, что они сами виноваты, потому что это их сранец замахнулся на его собачку совочком и хотел ее ударить. Чем могло закончиться официальное разбирательство, так и осталось неизвестным, потому что выпущенная на следующий день собака, забежав по своим делам за гаражи, оттуда уже не выбежала, а не дозванный ее Верещагин, зайдя в закуток через десять минут, обнаружил ее повешенной на стальной проволоке. Самым странным во всей этой истории было то, что находясь в углу двора в тени деревьев, эти гаражи, тем не менее, хорошо просматривались. Примыкая к торцу стоящего склада, они образовывали тупичок, окруженный кирпичными стенами высотой за три метра, и попасть в этот тупичок без использования альпинистского снаряжения можно было только через двор. А за все это время ни туда, ни обратно, ни

кто не выходил. Несмотря на явную чертовщину, оскаленная пасть взвырвавшегося на весь мир, подобно хозяину барбоса – требовала отмщения. Срочно вызванный на место преступления участковый, на вопрос – Кого вы подозреваете? – услышал - Что всех! И всех в этом дворе надо пересажать! – Резонно заметив, что всех посадить невозможно, он в ответ выслушал целую лекцию о том, что такого наркоманского и бандитского двора, они еще в жизни не видели, а сам участковый – крышует местных бандитов, получая за это мзду, и чуть ли не являясь соучастником преступления. О чем и будет доложено папе депутату. Обменявшись нотами протеста, высокие договаривающиеся стороны разошлись по своим местам, что бы в теплой и дружественной обстановке обсудить тупость оппонента.

Но все это кот узнал значительно позже. Весь этот месяц он мужественно боролся за жизнь. Унесенный плачущей Степановной к ней домой, он пластом лежал на подстилке в коридоре. Укусы от собачьих клыков воспалились и опухли, из разорванной задней лапы торчали перекушенные кости и начал скапливаться гной. Кот в горячечном бреду уже вступил передними лапами на радугу, куда по поверью уходят души всех умерших кошек, когда плачущая Степановна, раскупорив заначку, приготовленную себе на похороны, и договорившись с Петровичем, на его машине отвезла его в ветеринарную клинику. Приговор врача был однозначным.- Даже если кот выживет, нормально ходить он уже не сможет и будет волочить лапу. Поэтому милосерднее будет его усыпить. Тем более, что операция и лечение обойдутся в кругленькую сумму.- Но закусившая удила Степановна заявила - Кота будем лечить! Врач, молча, развел руками, мол, дело ваше и кота унесли на операционный стол. После двухчасовой операции, бесчувственная тушка кота была бережно возвращена старушке, вместе с медицинским предписанием, тянущим на ее полугодовую пенсию.

Толи врачи и лекарства совершили чудо, толи сработало врожденное жизнелюбие кота, но с этого дня он медленно, но уверенно пошел на поправку. Однако пребывание за гранью не прошло для него даром. Побывав на радуге, он стал видеть необычное свечение вокруг людей. В первые дни, затуманенное болью сознание не придавало значения новым способностям, однако по мере выздоровления кот заметил, что не только видит некое свечение вокруг человека, но позволяя себя гладить и потираясь об человека, он спо-

собен делать его ярче. А человек после этого становился веселее и начинал себя лучше чувствовать.

Первым кто это ощутил на себе, была, конечно, Степановна. Яркое свечение, окружающее других людей, у нее сжалось до еле видимой точки. Начав вставать и ходить по квартире подволакивая заднюю лапу, которая, как и предупреждал доктор, практически перестала его слушаться, он мог часами лежать у нее на коленях, пока она смотрела старенький телевизор. Или забравшись на дряхлое трюмо, вылизывать себя, отражаясь в зеркалах. Вместе со старой, черно-белой фотографией, стоявшей на белой накрахмаленной салфеточке. На ней был запечатлен молодой парень в военной форме, положивший обе руки на автомат, висящий на шее, стоявший в лучах заходящего солнца на фоне далеких гор.

Коту удалось раздуть крохотный огонек до приличных размеров, но, не смотря на все усилия, тот перестав расти, начал со временем уменьшаться. Однако слух про кота, который лечит все болячки, Степановна запустила. Так продолжалось целый год. Который, несомненно, был одним из самых счастливых в жизни кота и одинокой старушки. Кот пойдя на поправку, научился передвигаться на трех лапах, а Степановна, избавившись от застарелых болей, с которыми она свыклась, как привыкают к шумным соседям, бодро семеня по квартире, занимаясь несложными хлопотами по хозяйству.

Последние несколько дней, кот видя все более угасающий огонек Степановны, не отходил от нее ни на шаг, бодро ковыляя за ней по всей квартире, и стараясь раздуть еле тлевшую искорку. И вот настал день, когда огонек внутри Степановны подернулся пеплом и перестал быть виден. С утра она, с трудом встав с кровати и накормив кота, выпустила его на прогулку, а сама впервые за последние годы не понесла еду кошкам, а, не закрывая входную дверь, снова прилегла. Кот сделав свои дела под ближайшим кустом и тщательно зарыв все в землю, внезапно понял, что он больше не чувствует присутствия Степановны. Обеспокоенные его горестным мявом подруги Степановны направившись к ней на квартиру, нашли не запертую дверь, и ее саму мирно лежащую на своей койке. Жуткий оскал смерти не проявился на этом человеке. Обычные в таких случаях судороги и гримасы обошли ее стороной. Казалось, человек просто уснул. Пожилые люди быстро устают, но вот сейчас отдохнув, она откроет глаза, удивится собравшимся вокруг людям и, встав с кровати, бодро направится во двор кормить своих питомцев.

Провожали Степановну в последний путь тоже всем двором. Петрович, взваливший на себя все хлопоты по организации похорон, несмотря на вялые протесты непонятных родственников, которые, не успев опустить гроб в землю, затеяли свару по делу наследства, настоял, чтобы прощание прошло не в казенном зале, а в родном дворе, где и прошла большая часть ее жизни. Именно с его легкой руки, по двору пошла, гулять история удивленного патологоанатома, о том, что после вскрытия Степановны, все врачи в один голос утверждали, что с таким сердцем, она должна была умереть еще год назад. И именно он, после выпитой за помин души рюмки, первый проговорил, что это хромоногий кот поддерживал в угасающем теле искру жизни. Непонятные родственники, бросив по дежурной горсти земли на могилу, закрыли квартиру и отбыли в неизвестном направлении, видимо, предпочитая делить наследство в другом месте. Ну а наш герой вернулся на улицу.

После смерти Степановны осиротели не только кошки, но и весь двор. Конечно, сердобольные товарки продолжили подкармливать ее питомцев, но делали это не регулярно, без души, не вкладывая беззаветно в это всего себя. Естественно, жизнь не стоит на месте, и со временем во дворе появится новая Петровна, Семеновна, или Сергевна. А пока сиротливо стоящие под балконом кошачьи миски, безмолвно напоминали об ушедшем из жизни человеке. Кот же вернулся к своей дворовой жизни. Робкие попытки товарок забрать его к себе, он пресек на корню, так и не найдя для себя среди них родственную душу.

Но, не утратив приобретенную способность поддерживать и раздувать огоньки жизни у людей, он охотно шел на руки, позволяя себя гладить, и стараясь по мере своих кошачьих сил дарить людям тепло. С легкой руки Петровича, слух о том, что кот вылечивает болезни и поддерживает жизнь, укрепился в сознании жителей двора, и кот стал всеобщим любимцем. Сила общественного убеждения была настолько велика, что вскоре ему стали приписывать поистине фантастические свойства. Начиная от излечения язвы на ноге Петровича, и заканчивая беременностью бездетной четы Афониных, которая в течение десяти лет безрезультатно пыталась завести ребенка, и забеременела, буквально подержав кота полчаса на коленях. Насколько во всем этом была заслуга кота, не смог бы, пожалуй, ответить, даже он сам. Просто видя, какую - то неправильность

в человеческом организме, он, мурлыча, всеми силами пытался ее исправить.

Жизнь всеобщего любимца была проста и не обременительна. Подволакивая заднюю лапу, бродить по двору по своим кошачьим делам, да греясь на солнышке с царским величием позволять себя гладить всем желающим. Однако последние несколько дней, кот начал проявлять беспокойство. Все дело в том, что он увидел, как у выходящего во двор своего обидчика Верещагина стала бледнеть его искорка. Мало того она стала бледнеть и у его пятилетнего сына. Все попытки кота подойти, чтобы хоть как то подправить уходившую из них жизнь, пресекались Верещагиным старшим. Который после происшествия с собакой, стал во дворе изгоем, и почему то всю свою ненависть перенес на кота. Вот и сегодня они вышли во двор и направились к своей машине. Кот видел, что свечение вокруг них уже практически угасло, хотя и не мог понять, почему из практически здоровых с виду людей, так быстро утекает жизнь. Наплевав на собственную безопасность, он буквально просочился между ногами Верещагина старшего, пытаясь потереться и помочь хотя бы ребенку. Но был отогнан бдительным родителем, едва увернувшись от его тяжелого тупого ботинка. Верещагины, быстро пройдя через двор, забрались в свой автомобиль, отгородившись стеклом и металлом дорогой иномарки от назойливого животного. А кот проковыляв немного вперед, уселся и начал вылизываться, размышляя о людской глупости.

82

У Верещагина сегодня с утра было отвратительное настроение. После того как папу не переизбрали на второй срок, бизнес без мощной депутатской поддержки захирел, и в ближайшее время грозил накрыться медным тазом. Жена с утра опять завела разговор о том, что им надо переезжать из этого двора, где их все ненавидят. Сын, капризная, требовал кукурузных хлопьев, которые закончились, а отец, заматавшись от валяющихся неприятностей, забыл вчера купить. Собственно за ними - то они сейчас и собрались. Гипермаркет находился в пяти минутах ходьбы от двора, но тащиться пешком Верещагин посчитал ниже своего достоинства. Дождавшись пока мотор, прогреется и наберет обороты, он вырулил на дорогу, и уже совсем было собрался ехать в сторону магазина, когда увидел сидящего чуть впереди, умывающегося кота.

Решение пришло мгновенно. Вся злость и обида копившаяся последнее время, выплеснулась на ни в чем не повинное животное.

Резко набрав скорость, огромный джип, вместо того, что бы проехать мимо, неожиданно вильнул в сторону беззащитного животного. Кот занятый своими делами слишком поздно заметил надвигающуюся опасность. Будь он полностью здоровым, возможно он и смог бы избежать столкновения, но его подвела прокушенная собакой и почти не действующая задняя лапа. Тем не менее, извернувшись самым невероятным образом, он практически сумел выскочить из под колес несущейся машины и не был раздавлен, а получив сильнейший боковой удар от толстого рифленого колеса, перелетел низенький заборчик огораживающий газон, ударился об ствол растущей акации, и безвольным комком упал в прелую листву у ее корней.

Эта история произошла или может еще произойти практически в любом из городов на просторах нашей Родины. От столичной Москвы до Владивостока, где есть такие дворики. Вот в одном из них, в тени раскидистой старой акации, растущей во дворе, наверное, с начала времен, умирал кот. Перед его мысленным взглядом соткалась невесомая дорога из разноцветных солнечных лучей, боль в переломанном теле ушла, а вместо нее пришло понимание. Понимание всего, что с ним происходило, и откуда ему была знакома никогда не слышанная ранее фраза, которая звучала у него в мозгу в прошлый раз. Тот самый раз, когда он в горячечном бреде валялся между жизнью и смертью: - Сижу, никого не трогаю. Починяю примуса. – А поняв и осознав, он грустно улыбнулся Чеширским котом, и вступил всеми четырьмя лапами на дорогу.

83

В это время Верещагин старший, пытался успокоить плачущего сына. Тот всю дорогу рыдал, что папа задавил киску. Состроив умильное выражение лица, больше подходящее крокодилу, Верещагин принялся вдохновенно врать своему отпрыску: -

- Папа не задавил киску. Просто она немножко ударилась об машинку и очень быстро убежала, а мы с тобой не заметили.

Оставленное на земле тельце в последней агонии потянулось лапами в сторону своего обидчика, даже сейчас пытаясь, что - то изменить и предупредить о надвигающейся опасности, но, не сумев зацепиться за хрупкую, рассыпающуюся листву, в последний раз замерли передние лапы с наполовину выпущенными когтями.

Верещагин, вдохновенно обманывая сына, выбрался из машины и, обойдя ее спереди, наклонился и быстро стер влажной салфеткой потеки крови на колпаке. Скомкав и выбросив ее под стоящую

рядом машину, он отстегнул сына из детского кресла, и гордо показывая на чистые колеса, продолжил говорить: -

- Вот видишь, никаких следов. Киска просто очень быстро отпрыгнула. – Наивный малыш доверчиво заглянул в глаза отца - Правда? Ну конечно, правда! – Уверенности сквозящей в голосе отца, хватило бы с лихвой, что бы убедить весь электорат переизбрать его папу на второй срок.

По дороге, сотканной из невесомых солнечных лучей, уходил, постепенно растворяясь в дали кот. Оставив после себя загадочную грустную улыбку сожаления о невозможности изменить предначертанное судьбой. И понимания взаимосвязи человеческих поступков, рисующих полотно мироздания.

Продолжая нести чушь, Верещагин подхватил на руки сына, которого, не смотря на весь свой скотский характер, искренне любил, он направился в сторону магазина. На скользких полированных ступенях которого, предательски растеклось незаметное масляное пятно. Это было растительное масло, которое уже успела купить и разлить приходящая домработница Верещагиных – Аннушка.

84

А улыбка, предназначенная для гениальной детской сказки, попав во взрослую жизнь, повисела отдельно от ушедшего кота, а затем потускнела и исчезла. Оставив после себя ощущение легкой грусти.

Анна Сорокинина

ДОРОГА К СЕБЕ

Николай ехал, куда глаза глядят. Честно говоря, ему уже было всё равно, хоть в «тар-тарары», как любила выражаться его бабушка. Он был разорён, пришли документы на конфискацию дома за неоплаченные фирменные кредиты. Машина мчалась по шоссе с огромной скоростью, словно пыталась оторваться от преследовавших хозяина неприятностей, которые росли, как снежный ком. Неожиданно для себя шофёр закричал, так отчаянно:

- Господи, если ты есть, помоги мне, скажи, что делать. Шанс дай, что у меня за жизнь?!

Откуда взялся этот инспектор ГАИ? Поста тут никогда не было, машины тоже не наблюдалось. Тормоза истошно завизжали, машина остановилась. Подошёл молодой, с ослепительной улыбкой парень в форме и представился:

- Инспектор Счастливчик, что ж вы, друг на такой скорости, да не пристёгнуты? Не порядок.

85

Николай безразлично протянул ему документы, тупо смотря на руль.

- Друг, пристегнись, и по возможности, спокойно следуй дальше,- инспектор сделал шаг в сторону и словно растворился.

Что-то странное было во всём этом, сидящий за рулём поёжился:

- Счастливчик, надо же какая фамилия,- машинально пристегнулся и, машина опять рванула с места на огромной скорости.

ДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОР.

Мужская душа: - Наконец-то он правильно попросил помощи.

Женская душа: - Да-а-а! А то всё кричал «Господи, я дурак!».

Мужская душа: - Чаще всего, так и говорят, или «Хочу много денег».

Женская душа: - А женщины «Хочу богатого мужа». Да много чего такого, а точной цели ни-ка-кой.

На против поворота с указателем «Свалка», что-то блеснуло, машину странно повело и она на огромной скорости соскользнула с основной трассы и кубарем покатила в кювет, перевернувшись три раза встала на колёса. С остекленевшими глазами, Николай сидел, вцепившись в руль, вены на руках вздулись и пульсировали. В са-

лоне чем-то странно запахло. Какой-то косматый бородач, открыв рывком дверь, пытался отцепить руки от руля, рот его беззвучно открывался. Когда у него ничего не получилось, он ловко сбросил со спины старый, рваный рюкзак, достал оттуда пластмассовую бутылку, открыл и плеснул в лицо Николая холодной воды. Тот очнулся и руки упали, как плети, он стал слышать.

- Садятся за руль злые, не думают ни о ком, а мне тут их спасай. Благодарю, Господи, хоть пристёгнут, и дорога была пуста.

Что-то сильно резануло слух Николая и он, расстегнув ремень, выскочив из машины, схватил старика за грудки, тряся его, хрипло прошептал:

- Повтори, что ты сейчас сказал...

- Господа благодарю, что ты пристёгнут, счастливчик! - со странной улыбкой, ответил дед.

- Ты представляешь, старик, шесть минут назад, там - Николай махнул в ту сторону, откуда примчалась его машина - там меня оставил инспектор ГАИ по фамилии Счастливчик и попросил, чтоб я пристегнул ремень. Именно, попросил.

86 - Что ж не представить, - деловито ответил тот - служба, есть служба, мы всегда на чеку.

- Дед, откуда дерьмом несёт?- «мы» как-то пролетело мимо ушей.

- Я и говорю, медвежьёю болезнью отделался, счастливчик, пошли, переоденешься. Да! Это тебе не парфюм от Ив Роше (его любимая фирма).

Николай только сейчас почувствовал, что джинсы, на заднице были влажными и прилипшими, он покорно побрёл за мужиком. Они пришли на свалку, местный смрад, тут же забил иные запахи. Дошли до старого проржавевшего контейнера, дверь со скрипом отворилась, словно по команде. Николай не уверенно шагнул за хозяином. Ощущение было странное. Внутри было очень просторно, светло и без запаха. Да и сам хозяин как-то неожиданно преобразился.

- Сейчас нагреем воду, смоешь всё, я тебе другие джинсы дам, - и дед щёлкнул клавишей электрочайника, хотя розетки нигде не было, тот уютно зашумел, говоря о том, что вода греется,- за ширму иди, там таз и полотенце.

- Такое впечатление, что у вас всё заранее приготовлено и вообще... тут всё странно...

Он зашёл за ширму, увидел таз, уже наполненный водой от которой шёл пар, полотенце и джинсы с плавками. Было ощущение, он знает эти вещи. Приведя себя в порядок, мужчина вышел и стал рассматривать одетое, его удивлению не было предела...

- Дед, ты кто? Откуда у тебя мои старые вещи.

- Я «гардеробщик». Помнишь, когда твои дела в бизнесе шли хорошо, ты часто просил домработницу, тётю Веру, ах, какая женщина, чтоб она не хранила старых вещей, а отдавала бомзам. Я их собирал. Вещи у тебя добротные, чуть ношены, мужики всегда радовались им и ставили в церкви свечку за твоё здоровье.

- Ты меня удивляешь, значит, мы знакомы?!

- Вроде того.

- Как меня зовут?

- Николай.

- А тебя?

- Шанс.

- Не понял, ты так шутишь...

- Я серьёзен, - и он улыбнулся очень светло-светло.

- Ты ещё скажи, что фамилия у тебя Последний, - и Николай как-то нездорово захихикал.

- Совершенно правильно, я Последний Шанс.

- Сначала инспектор, который просит меня застегнуть ремень. Появился ниоткуда, не оштрафовал, тут же исчез, потом ты? Подожди, Да! Да! Да! Да! Да! Как ты мне ответил «служба, есть служба, мы всегда начеку». У меня что, «белочка», но я же не пью!

- Да нет у тебя «белочки», ты попросил помощи, вот мы и пришли.

- Я ни у кого, ничего не просил.

- Как же, вот у меня твой журнал заявок за этот год - тот из-за пазухи достал тетрадь в твердом переплётё, каллиграфическим подчерком подписано Ф.И.О. и дата рождения Николая - тут всё, что ты говорил Господу. Так, здесь только ругань на себя «Господи, я дурак!», много такого, а вот последняя запись- просьба, красной ручкой, значит «срочно к исполнению». Вот, прочти сам. Время, дата всё фиксируется до долей секунд, чтоб успеть.

Тот дрожащими руками взял тетрадь и стал читать вслух, голос почему-то осип:

- «Господи, если ты есть, помоги мне, скажи, что делать. Шанс, дай. Что у меня за жизнь?» - глаза округлились, затылок

похолодел, подняв палец вверх, просипел, - Хочешь сказать, что ты оттуда?

- Я из тонких миров, вы называете это «оттуда», - он поднял свои светящиеся глаза вверх.

- Получается, что вы всё про меня знаете, но палец о палец не ударили, чтоб помочь и разрешили меня обанкротить! - вдруг неистово заревел Николай.

- Это ты выбрал банкротство! Мы честно выполняем свою работу. Согласись, «Господи, я дурак!» или «Ничего не хочу», повторенное хоть тысячу раз, эмоция, а просьбы тут нет. Ты даже в мыслях о нашей помощи не подумал ни разу, мы и их тут же выполняем. Вот и получается, сам выбрал банкротство.

Николай запыхтел как паровоз, несколько раз менялся в лице, потом выдал из себя:

- Ну и дальше что?

- Тетрадь отдай, будем дальше работать. «Помоги мне» - выполнено, ставим галочку. «Что делать» - инспектор сказал, а то бы от тебя ничего не осталось, опять галочка. Дальше написано «Шанс, дай». Это ты уже ко мне обращаешься.

-Я у Господа Шанс просил.

- А я у кого на службе? То-то! У меня в заявке прописано «Шанс - запитая - дай».

- Ну и что ты мне дашь, там ведь не сказано, что я прошу...

- Последний Шанс сам знает.

Старик встал, подошёл к противоположной стене, там появился шкаф-купе, реакции у Николая никакой, уже ничего не удивляло, достал из него совершенно новый костюм, даже с не оторванной этикеткой, ноутбук и портмоне, разложил всё это перед мужчиной. От изумления тот минуты две сидел не шелохнувшись. Эти вещи у него украли из машины как раз перед банкротством.

- Шанс, откуда у тебя всё это?

- Ты правильно сказал, мы всё видим. Это было специально украдено, чтоб тебя разорить, костюм из машины прихватили, стало похоже просто на ограбление, а наши друзья бомжи, это конфисковали у твоих обидчиков и принесли мне. Всё справедливо. Ты помнишь, что на компьютере и в портмоне?

- Там важная информация, охотились за ней, теперь я смогу подняться. В портмоне загранпаспорт и 500 долларов, ехал поужинать.

- Правильно. Что с деньгами будешь делать?

- Не знаю, Шанс, но благодаря тебе и бомжам, у меня появилась Надежда. Можно спросить...

- Молодец, что напомнил, меня совсем заболтал, читаю конец завязки «что у меня за жизнь?», - старик опять подошёл к шкафу, открыл и вошёл в него. По шуршанию и бормотанию было понятно, что-то искал. Минут через пять вышел сияющий, держа в руках коробочку. Было видно, он волновался. Торжественно открыв, достал что-то завернутое в чистую тряпочку и подал Николаю. - Смотри аккуратно, не урони.

Когда Николай развернул поданное, у него подкатил комок к горлу, там была его любимая игрушка, калейдоскоп. Он пропал, когда они переезжали из коммунальной квартиры в двухкомнатную, которую отец получил от завода, лет сорок, даже больше, назад. Приставив к глазу эту волшебную трубочку, он долго тихонько крутил её, как тогда в детстве и ему вдруг стало хорошо и спокойно. Губы невольно растянулись в улыбку. Он с такой любовью посмотрел на Шанс. Тот тихонько спросил:

- Нравиться?

- Да! - ответил Николай заворожено.

- Это ответ на твой последний вопрос «что у меня за жизнь?».

Поскольку ты спросил у Бога, это запись на божественном языке всей твоей нынешней жизни.

- Но я там вижу красоту и испытываю радость.

- Это всё испытывает твоя душа. Всё происходящее с тобой в этом теле, с Богом оговорено, и это запись радости твоей души, прохождения ею духовных уроков, учащих безусловной Божественной Любви.

- Ты хочешь сказать, что у меня есть душа и она такая красивая и радостная?

- ДА! А как ты думаешь, что такое душа?

- Где-то читал, частичка Бога.

- Что такое Бог?

- По тому, что со мной сейчас происходит, что я испытываю... Любовь, радость, больше ничего на ум не приходит.

- Что главней душа или тело?

- Если душа частичка Бога, а он создал человека, душа.

- И что из этого следует?

- Что вместе со своей душой, через все события жизни учусь, сейчас вспомню, этой... Безусловной Любви?

- Хорошо. А сможешь понять, почему ты всё потерял, не спеши отвечать, послушай себя.

- М-М-М-М,-и вдруг его как обожгло внутри, из области сердца пришёл ответ -Ты предал Любовь! Странно, вот здесь что-то говорит, предал Любовь (он положил руку на сердце).

- Вспоминай, когда.

- Бред какой-то.

- Спроси у Души.

- Вот прям так и спросить...(хихикнул) Когда выбрал работу, отодвинув любимую женщину от себя - проговорил он удивлённо.

- Это ответила тебе твоя душа. Делай вывод.

- Шанс, я устал...

- Вспомни мою фамилию, Последний. Сейчас может быть срочный вызов и всё, мы расстанемся.

- Нельзя предавать Любовь, нельзя от неё отказываться. Тогда ты выбрал работу, но за то, что отодвинул Любовь, банкротство... Слушай, опять вот тут говорят - и он приложил руку к сердцу. - А почему вас раньше не было?

90 - Я уже объяснил, мы есть всегда. Пришло время твоего принятия всего, вспомнил Бога, к нему обратился, получаешь помощь

Николай хотел ещё что-то спросить, но... Раздался резкий звонок, Шанс быстро приготовил журнал заявок уже на другого человека, кажется женщине.

- Всё, Коля, задавай всегда душевный вопрос «для чего»?

ДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОР.

Женская душа: - Молодец Шанс, всегда успевает, на крик о помощи.

Мужская душа: - Николай молодец, понял, что я у него есть, и главное тела.

Женская душа: - Радостно, когда про нас вспоминают, только грустно, что не все.

Мужская душа: - Иногда слишком поздно.

И они так душевно вдвоём вздохнули.

Николай пришёл в себя от того, что его били по щекам. Открыл глаза и увидел мужчину и женщину, которые безмерно обрадовались, что он очнулся. Как не ужасна была картина кувыркания машины в кювет, на шофёре не было ни одной царапины, ни одного синяка.

- Слышь, земляк, это просто чудо, после таких кувыркков, цел. Может, попробуешь встать, и если ничего не повредил, мы поедем, спешим очень.

- А где Шанс?

- Использовал ты его, жив остался, значит использовал.

- Костюм, ноутбук и портмоне есть?

- Всё в машине, мы первые подъехали, ну голуба, попробуй встать, спешим мы очень.

Ему помогли встать. И тут заохала женщина.

- Николай, это ты!? А я смотрю, машина знакомая, вещи в ней, а вот тебя видно с испугу не признала.

- Тётя Вера! Без фартука другая, моложе и красивей.

- Жив остался, Бога благодари! - смахнув слезу, она с чувством расцеловала хозяина, и кивая на машину - Дела пошли на поправку, вижу украденное вернулось. Ты молодец, опять быстро поднимешься. Только тебе надо сначала хорошо отдохнуть, влюбиться и поменьше работать.

Вмешался мужчина в разговор:

- Верунчик, солнышко, мы можем опоздать. Ты говорила, он талантливый, значит, сам знает, что делать. Поехали.

- Тётя Вера, один вопрос.

- Можно, просто Вера - женщина расправила плечи и гордо подняла голову. Её мужчина сразу вытянулся в струнку, нежно глядя на неё, одобрительно кивнул.

- Вера, вы помните человека, которому отдавали старые вещи?

- «Гардеробщик»! Высокий, паплатый, бородатый, вещи старые собирает, помню, а что?

- А как его зовут не знаете...

- Подожди, забываю всё время и зову его Шансик или Шанс, созвучно с его именем, нерусское, дай подумать...О! Шантик, точно, - женщина заулыбалась от гордости, что вспомнила.

- Спасибо, думаю всё со мной в порядке. Можете ехать - и поднял глаза на небо.

Верин спутник шепнул Коле на ухо:

- Одно понять не могу, почему ты около закрытой машины лежал, вещи на сиденье. После того, что мы видели, должна быть каша... а ты жив, ни одной царапины и в салоне порядок. Ладно, мы поехали пока «органы» не нагрянули. Будь здоров, - они быстро погрузились и укатили.

Николай подошёл к машине, машинально сунул руку в карман, достал ключи, сел за руль...завилась родимая. Как ни странно, на трассу он выкатил довольно легко. Пятно на повороте действительно было, вышел, потрогал, понюхал - масло. Подняв голову, увидел на свалке проржавевший контейнер, с боку мелом написано «Шанс». Подумал «Надписи не было, точно помню». Захотел подойти, но тот стоял в огромной луже, дверь открыта, полно строительного мусора. Николай был растерян «Вещи настоящие, джинсы переодетые. Ладно, разберёмся, пора. Уезжать надо. А где калейдоскоп!?!». Он стал хлопать себя по карманам, нет. Побежал к машине, в портмоне, нет. Около вещей, тоже нет. Мужчина со словами :

- Господи, да где же он?», - открыл бардачок. Тот, при спокойно лежал около коробочки, - Благодарю, Господи!

И машина плавно покатила в город. Этого баннера со словом Надежда, ещё вчера вечером не было. У светофора рядом остановился крытый грузовик с табличкой «люди», женские голоса оттуда нежно пели «Надежда, мой компас земной...». Николай почувствовал, как он сильно проголодался, припарковался к магазину. Выходя из машины, увидел, как два пацана что-то пытались отнять у девочки. Он свистнул, храбрецы удрали, а та осталась.

- Ну что, глазастая, что вы не поделили.

- Объявление с красивыми картинками, - помолчала, а потом сунула ему листок в руку, - для тебя.

- Как звать?

- Надежда, - побежала в припрыжку к дому.

- Благодарю! - помахал ей рукой и задумчиво - Мне, для чего?

Николай развернул и прочитал. ОТДЫХАЙ С ПОЛЬЗОЙ В ИНДИИ, НА БЕРЕГУ ОКЕАНА. СЕМИНАР «ПОЗНАЙ СЕБЯ». Вдруг он ясно услышал голос сердца «Звони». Рядом стоял телефон-автомат, он набрал указанный номер, с хрипотцой от волнения спросил, есть ли места, когда выезд и стоимость. Милый голос ответил:

- Есть одно место, вылет сегодня ночью, цена на последнее место 500 долларов, так почему-то решил шеф.

Николай оцепенел, он может ехать.

- Ну что, едите?

- Да!

- Как вас зовут?

- Николай.

- Везунчик, ни каждому выпадает такой шанс, наверно это для вас очень важно, сам Бог позаботился, - продолжала щебетать девушка в трубку.

Вечером в аэропорту.

-Ой, я забыла про визу...

-Девушка, милая, об этом уж точно Шанс позаботился! - и Николай смело подал свои документы.

Альфира Ткаченко

ПАСОДОБЛЬ РОМАШЕК В СИРЕНЕВОМ ТУМАНЕ НА СЕРОМ...

Свет от ночного кусочка луны ниспадал на кровать. Он отсвечивал часть подушки и уже скользил по простыне, укрывшей её, как...

Как?... Она задумалась, вспомнила вчерашний день и особенно вечер, как... Именно как... Он протянул ей руку, чтобы она смогла перейти через лужу, которая после проливного дождя осталась на дороге и они пошли дальше по улице. Рим! Он всегда прекрасен, особенно вечером, когда фонари освещают улицы, на которых почти уже не виден машин. Лишь изредка проскользнут одна или две и всё... Тишина.

А сейчас она вспомнила, что произошло вчера вечером. Свет от луны скользил по стене комнаты, где она спала. Она следила за маленьким лучиком ночной красавицы и думала о вчерашнем.

Они только что вышли из Клуба, как вдруг показался свет приближающейся машины. Женщина не могла вспомнить, какой модели она была. Только яркий свет и...

Как очутилась в комнате? За окном слышала шум волн. Женщина подумала, что это море. Обычно такой шум бывает на море. Громко, захлестывая берег шумными белыми волнами.

- Ну, как наша пленница? – спросил мужчина в чёрных очках, когда она проснулась.

- Пришла в себя, - ответил второй, в серых джинсах и чёрной рубашке.

Сколько она помнила себя, все мужчины Италии носили чёрные рубашки. Такой темперамент чёрного и морского отражал весь характер гордых мужчин этого побережья Средиземного моря.

- Может быть, принести, что-нибудь поесть? - спросил всё тот же мужчина.

- Да. Хорошо. Я сейчас. Кофе и пудинг с фруктами... - он удалился из кабинета.

Женщина лежала на кровати и рассматривала комнату. Симпатичные обои в цветочек, широко открытое окно, столик с белой скатертью и ваза с цветами. Она зажмурила глаза. Ей стало так хорошо, как может быть, никогда ещё так хорошо не было. Она вспомнила детство, её детство. Бестолковое, с шумными компаниями и гитарой, домик, деревянный с белыми наличниками, лес. Слабые барашки волн плескались о берег её речки, где она с друзьями купалась. А лес: шумел ветерком в иголках сосен, шушал между веток берёз и кустов багульника, улыбался счастливой улыбкой лета тебе в ответ - он остался где-то далеко.

Открылась дверь, и вошёл мужчина с подносом на руках.

- Пожалуйста. Не желаете принять душ? Как вы себя чувствуете? - вежливо спросил он.

- Хорошо. А где я? - рассматривая своего нового знакомого, спросила женщина.

- Не беспокойтесь. Всё хорошо. Я позже расскажу вам обо всём, когда вы будете чувствовать себя хорошо.

Она, слушая его, откровенно испугалась: « Где я могла очутиться? Кто это? Почему возле неё мужчины? Что произошло? »

Пока она, медленно спуская ноги с кровати и надевая шлёпанцы, выходила в другую комнату, она успела заметить ещё одну деталь: шкаф, полный книг.

Ветерок из окна лёгкими порыва шелестел в лепестках цветов и покачивал белую скатерть. Солнечный свет упал на фрукты. Яблоки заиграли красными боками, им вторил зелёно-синий виноград. Вначале ей понравилось в этой чужой для неё комнате, а потом... она испугалась. Она хорошо помнила, что накануне того события, когда она очутилась здесь, она смотрела на сцену, где пара танцевала пасодобль. Милый испанский танец, который очень любят не только в Испании, но и в Италии. Она зашла в клуб. Ей предложили присесть за один из столиков симпатичного помещения клуба. Молодой человек принёс меню и она... залюбовалась танцем.

Екатерина Гитадиева

ЛЕДИ НОЧЬ

Конец декабря радовал заснеженными улицами и легким морозцем, такого не было уже давненько, лет пять точно. Настроение у прохожих было предпраздничное, все жители готовились к новому году, кто-то покупал подарки, запасался продуктами, а кто-то готовил печенье к предстоящему испытанию на прочность.

Я же относилась к первой категории, который час обивая пороги магазинов в надежде найти что-нибудь незамысловатое для своих родных и близких. Пришлось побегать за интересными и полезными подарками. Несмотря на то, что дарить их буду после основных торжеств. Родители уезжают на праздники к родственникам и оставляют меня в своем доме как надсмотрщика. Дом большой, деревянный, с прилегающим садовым участком. Как же без присмотра, а вдруг потоп или пожар! Пришлось на время переселиться из своей съемной квартиры обратно в родные пенаты.

Мой рыжий котейка радовался больше меня смене дислокации, как же, целый новый мир перед ним открылся. Это вам не тесная однушка со старыми обоями. Родители относились к рабочей интеллигенции и могли себе позволить многое. А я, увы и ах, пока только встаю на ноги и пытаюсь заработать на кусок хлеба своими скудными умениями. Позвольте представиться, меня зовут Инга – молодой, подающий надежды менеджер, курирую авторов новомодных романов. Изволю работать в издательском доме «Перо и Бумага», всеми мыслями лелею надежду самой заняться написанием романов. А пока набираюсь премудрости у своих же подопечных.

Вот и познакомились. На данный момент у меня стал вопрос ребром, а что собственно дарить своим ненаглядным, и понеслась душа в ад. Это был действительно магазинный ад, из которого просто так не выбраться. Конечно же, было куплено много того, что и не нужно, одно радует – с основными подарками разобралась, но день был нещадно потерян.

Родителей провожала на заре. У них был утренний рейс, и самолет отправлялся ровно в одиннадцать часов. Вот и снова мы одни, мой усатый друг.

Сегодня у меня последний рабочий день, и грех это было не отпраздновать прямо на рабочем месте. Мда, на такой пирушке узнаешь, с кем же ты работал все эти годы. Настолько невменяемыми коллег никогда не видела, и вряд ли в ближайшее время увижу. Начальник пытался нас урезонить, но после того как мы загнали его на стол в приемной и стали водить хоровод, как вокруг елки, принял мудрое решение:

- Так, оглоеды мои, раз уж не могу предотвратить это безобразие, придется его возглавить! Тихо всем! Сейчас говорить буду. Ну-с, господа и дамы, за вас, за нас и за большой заказ нам на следующий год!

- Ураа! - проорали во всю глотку умиленные речью начальника работники пера и бумаги.

Эта вакханалия продолжалась до позднего вечера, хотя первоначально задумывалось посидеть пару часиков и пойти в уютный ресторанчик на московском тракте.

О да, Бахусу мы воздали этим вечером по полной программе. О нем, как ни странно, вспомнил наш самый примерный и застенчивый сотрудник, Максим. Его-то мы и назначили повелителем нашей, скажу проще, ему пришла мысль о создании закрытого клуба великих, непобедимых редакторов. Паренек стал нашим божеством и символом победы над похмельем. Нарядили его в занавеску, снятую с ближайшего окна, предварительно раздев его до исподнего.

На его голову натянули дубовый венок, висевший сиротливо на стене. Нам его клиент один притащил. Посмотрели на него, полюбовались, все условия соблюдены, осталось вокруг него танцевать и песни петь, сказано – сделано! Кто еще был вмняем, рыдал от смеха и снимал на камеру для потомков, так сказать.

Когда я очнулась, то в голове звенели рождественские колокольчики, громко звенели, настойчиво так. И весьма не радужно для меня. Это означало только одно, великое и могучее похмелье. К моему великому удивлению очутилась не в том месте, где предположительно отключилась.

Точно помню как пробиралась к желанной мебели, пока никто не занял стратегическое место. А вот сейчас я вольготно расположилась на диване в VIP приемной нашей компании. Только здесь находились удобные диваны для комфортного размещения «дорогих» гостей. Да, да! Дорогих с большой буквы! Даже нам иногда требовались состоятельные партнеры.

Когда мысли перестали хаотично бегать, и сознание перестало ускользать в сон, пришло понимание простой истины. Сейчас день. Я провела здесь всю ночь. Кто-то перенес меня сюда, в приемную. На первые два утверждения можно не заострять внимания, а вот на последнее стоит подумать, кому понадобилось таскать спящую девицу с места на место? Увы, мне не верилось в джентльменство местного контингента. А может сама сюда перебралась, и не помню этого? Вот с такими мыслями поднялась за верхней одеждой в кабинет, на пути мне встречались мои коллеги, которые, так же, как и я, бессовестно заночевали здесь.

Оделась, на удивление, за считанные минуты. Забрав свои сумки из шкафа, попрощалась с кабинетом на девять долгих дней. Теперь можно со спокойной душой отдохнуть от этой круговерти.

Лифт двигался медленно и никак не хотел добраться до моего этажа. Наша компания занимала целых два этажа в высотном здании в центре города. Здесь обитали многие фирмы, разнообразие впечатляло, а самые верхние этажи занимал инвестиционный банк.

Лифт тренькнул, оповестив о прибытии, я и ввалилась туда со всего размаха. Там стояли люди из соседних фирм, вот кому не повезло, нас-то уже распустили, а кому то еще работать целый день! Несчастные, сочувствую вам искренне. Пока мысленно жалела людей, совсем не замечала, как меня внимательно рассматривал один мужчина.

Молодой человек в слегка помятом дорогом костюме пристально разглядывал девушку в красном пальто и взлохмаченной гривой волос с медовым оттенком. Она забавно хмурила бровки и периодически закусывала губу. Её он уже видел этой ночью.

Часы пробили полночь. Лифт отказывался подняться на последний этаж, его постоянно кто-то перехватывал. Даниилу пришлось спускаться пешком, с твердым намерением немного вздремнуть дома. Этот день у него выдался очень суетным. Все его подчиненные подшивали отчеты, а он был должен проверить и одобрить. К тому же пару клиентов неожиданно изъявили желание прекратить сотрудничество, это только ухудшило его настроение. В конечном итоге он вымотался как черт и всей душой желал напиться. Его желаниям было суждено сбыться. На середине пути к нему присоединились люди из аналитического отдела и пригласили посетить междусобойчик издательского дома, время конечно было позднее, но, его уверили, веселье в самом разгаре.

Там творилось что-то невообразимое, парень, замотанный в занавеску вещал слушателям о его могуществе и величии, девушки кружились в каком-то хаотичном танце. Ему вручили подарочный кубок и потребовали выпить во славу Бахуса.

После нескольких десятков минут усталость дала о себе знать. Выходя он заметил симпатичную девушку, которая пробиравалась сквозь толпу. Что-то его зацепило, и он решил за ней проследить. Как оказалось, она решила отдохнуть от шумного гвалта и уединилась в ближайшем помещении с несколькими креслами. В одно из них она и приземлилась. Сладко зевнув, закрыла глаза. Дан, не понимая, зачем он здесь, подошел к ней, взгляделся в лицо. Необычное, он знал многих женщин и покрасивее, но именно ее притягивало взор, и, скорее всего, привлек взгляд незнакомки, который успел поймать на себе. Слегка расфокусированный, но не менее завораживающий. Дан встряхнул головой.

- Это все усталость, - пробормотал он.

Ф8 Девушка пошевелилась и попыталась удобнее расположиться в кресле. Мужчина замер, неужели разбудил? Нет, просто ей неудобно тут. Мысль еще не успела оформиться в голове, а он уже поднял ее на руки. Отнес в известную всем комнату для встречи высоких гостей издательства. Когда опускал на диван свою ношу, незнакомка обвила руками его шею и что-то промурлыкала в ухо. Слова с первого раза не разобрал, а когда разобрал, еле сдержался от хохота. Девушка приняла его за надоедливого кота и обещала накормить и погладить с утра, если он не будет мешать ей спать.

- Ну, погладь, раз так хочется, - прошептал он ей, тихо посмеиваясь.

Она подняла руку и провела несколько раз по его голове.

- Рыжик, хороший котик, спать, я сказала, - зевнула и перевернулась на другой бок.

- Доброй ночи, милая леди.

Даниил еще с минуту полюбовался на спящую незнакомку, тихо закрыл дверь, приняв решение также заночевать на работе, смысла ехать домой уже не было.

***

31 декабря, этот день наполнен веселой суетой, морозным запахом, свежей елью и мандаринами, это у нормальных людей, у меня

же этот день прошел в беготне по дому в поисках кота. Вот куда он делся? Соседи опрошены, подвал и чердак перевернут сверху до низу. А кота нет, как сквозь землю провалился.

Посетовав на нерадивое животное, оставила затею искать дальше, проголодается, сам выйдет. На этой печальной ноте прозвенел дверной звонок, ознаменовав приход верной подруги, которая обещала сделать эту ночь незабываемой.

Между прочим, каждый год обещает чудо, и оно случается, то у них машина сломается посреди дороги, то заболеют обе именно в этот день, то застрянут в лифте, что же будет в этот год, страшно даже подумать.

Гостей у Оксаны собралось много, шумная компания весело проводила уходящий год, оставляя в нем все печали и заботы. Прокричали трёхкратное ура под бой курантов, брызги шампанского ознаменовали приход нового две тысячи двадцать первого года.

Квартира подруги была недалеко от дома родителей Инги, что не могло не радовать, обратно добираться можно пешком. Ближе к часу ночи дружная компания собралась на елку в городском парке, повезло, что все находится в шаговой доступности. Прихватив с собой санки и ватрушки, сделал вывод, что сегодня и взрослым можно подурачиться.

Основательно устав от бесконечного катания и визга, Инга кликнула подругу, указав ей на деревянные качели. Получив кивок понимания, наострила стопы к желанной поверхности, приятная тяжесть в ногах ознаменовала отлично проведенное время.

И тут, словно удар тока, мелькнул знакомый хвост среди низеньких кустов, быть не может, от дома до парка почти полкилометра. Неужели сам сюда добрался или это не он? Встрепенувшись, подобрала веревку от ватрушки и на крейсерской скорости понеслась в сторону рыжего обормота, который мастерски уводил хозяйку в дикую часть парка. Так продолжалось, пока она не протаранила какого-то парня, вылетая из-за кустов.

- Ох, леди, осторожней, что ж вы так спешите, - послышалось сдавленное сипение, а потом резко подняли на ноги. От незнакомца тянуло теплом и уютом, к тому же руки казались удивительно знакомыми.

Подняв на мужчину глаза, Инга потерялась в их синеве. Глаза тоже были знакомы, словно видение из прошлой жизни, а может быть из этой.

Дан, а это был он, с веселым изумлением взирал на случайную знакомую, он опять встретил её, и снова ночью, и где, в лесу, вот уж чудо! А может, это знак? Оглянув заинтересованно девушку, протянул ее поближе и шкодливо улыбнулся.

- Снова здравствуйте, знакомая незнакомка! Вот мы и встретились вновь!

- А?

- Прошлой ночью уже имел удовольствие держать вас на руках, когда переносил на диван, там все-таки удобнее спать, чем на кресле.

- Так это был не сон, - залилась румянцем Инга, вспомнив и мужчине, и как обнимала его, и гладила по голове, приняв за кота.

- Абсолютно верно, раз уж судьба опять привела вас ко мне, думаю, стоит к ней прислушаться, - склонился он к ней, сильнее прижимая к себе.

- Меня Даниилом зовут, но друзья предпочитают короткую форму. Для вас просто Дан. А как вас величать, удивительное создание?

- Инга, - фыркнула девушка, вот и сбылось предсказание подружки, обещала чудо, так она сама ему в руки упала.

100

- Будьте моей леди в эту прекрасную ночь! – он протянул мне свою ладонь. Не дожидаясь, когда соизволю очнуться, завладел моей рукой и поцеловал её.

- Дан, - насмешливо протянула девушка.

- Что же вы творите. От вас в моей голове полный мрак!

На мое восклицание он только хрипловато рассмеялся.

А в это время на них из-под ели смотрел рыжий котейка, сверкнув зеленым колдовским взглядом.

Юлия Федотова

РОЗЫ ЗА ДЮНАМИ

Жена и невеста

«Какие же мы, люди, все-таки разные: ведь кому-то эта холодная спокойная вода – вполне себе море. Для меня разница колоссальна. Вот взять Азию, Вьетнам, например, или Самуи. Тоже есть к чему придаться. А в Греции – как по мне, идеальное море. Их там несколько, точнее. Эгейское – это рай», - размышляла Нелли, выходя из такси посреди балтийских дюн. Девушка огляделась: в последний раз она была здесь в детстве, с отцом. Тогда они резвились, купались в холоднучей воде и наблюдали за лосями, в шутку называя их «лосососями». Позже, в своей активной, космополитичной жизни у Нелли был миллион шансов поехать на элитные балтийские курорты, походить в переполненные российскими звездами и политиками рестораны, подышать дорогим элите воздухом. Но как-то не тянуло.

Два часа назад, когда шасси самолета коснулись земли, она даже на секунду подумала, что зря не использовала все эти шансы. Но мелкий, цвета грязной охры, песок еще в машине через открытое окно попал в глаза девушки. Щурясь, она еще раз удивилась непрозрачности моря, резкому ветру. «Миссия невыполнима», - мысленно пошутила Нелли. – «Надо было сразу отказаться от наследства. Мало ли, что отец завещал эту хижину именно мне. Вряд ли я сюда перееду, ну разве что раз в год или сдавать. У его второй жены двое своих детей, уверена, она бы с радостью и этот объект прибрала к рукам». Так, хотя бы просто чтобы доставить мачехе неудобства, Нелли решила уважить последнее желание отца и принять дом.

Как и все молодые современные люди Нелли часто путешествовала, но вопреки трендам редко ездила одна. Это тоже было отцовское условие: приехать без компании. И не торопиться с решением по продаже.

Всю дорогу до места назначения Нелли с смотрела в окно, хотя в руке привычно держала телефон с адресом и указаниями как разыскать объект.

«Места здешние излюблены вашими, - то ли с гордостью, то ли с иронией проинформировал водитель, - Но цены, цены.. Вот мой

брат продал дом и легко купил квартиру, у вас в Москве, в центре и еще хватило на кровать и кухню.. А Вы из Москвы? Ну да что спрашивать — видно же..». Он говорил что-то про политику, ЕС, акции и глобальное похолодание. Как и все водители, все знал лучше любого профессора.

Выйдя из такси Нелли осмотрела местность. Она стояла на холме, позади которого росли сосны, а впереди виднелся склон, уплотненный кустами. Кусты тянулись до самого берега моря. Небо было чистым, но не имело привычного сказочно-голубого курортного цвета. Вообще, могли бы быть золотыми, при условии сильных и ярких солнечных лучей, но сегодня они казались мрачно-коричнево-серыми. Все вокруг казалось гордым, чинным, холодным. Девушка уткнулась в телефон в поисках ориентиров.

Пройдя несколько дачных домов и аккуратных заборов Нелли сдалась. Папина эта хибара как сквозь землю провалилась. Зато прямо перед ней красовалась белая кованная калитка, за которой раскинулся прямо сказочный сад роз. Калитка была приоткрыта и так и кричала, обращаясь к путнице - «подойди, посмотриии, заглянии». Немного посомневавшись, Нелли нажала звонок в виде белого бутона.

102

Через несколько мгновений послышались шуршания роз и Нелли уже приготовилась увидеть шелковые бальные платья, и шали и обращение «сударыня» - это все как нельзя более кстати подходило к калитке и саду, но за кружевной ковкой появилась миловидная белокурая девушка в темно-синих скинни джинсах и мокасинах.

Увидев Нелли, девушка на долю секунды замерла. Улыбка сползла с ее хорошенького лица. Они стояли друг напротив друга, два абсолютных антипода. Холодная, красивая сложной, благородной красотой Нелли. С ее длинными темными и строгими как прутья, волосами. Собранная. Зеленоглазая. Острые высокие скулы, черные брови, черничные губы. И мягкая в движениях, легкая, кукольная Ирен. Ее личико напоминало свежий персик. Вздернутая верхняя губка заворачивалась в бантик. Ветер резвился в кудряшках белых, почти как у альбиноса, волос.

«Добрый день, - строгая брюнетка очнулась первой, оторвавшись от анти зеркала. - Вы не можете мне? Простите, что побеспокоила, вы же говорите по-русски? Я ищу здесь, вот ищу и никак не могу найти, может Вы подскажете, где он». - Нелли тыкала пальцем в экран телефона, увеличивая фотографию папиного «подарка».

Но белокурая куколка не дала договорить. Из ее вздернутого ротика показались маленькие зубки-жемчужинки, а теплые, как осенние листья под ногами в Серебряном Бору глаза сделались влажными:

— Вы опоздали. Его нет смысла тут искать. Мой муж ушел, бросил меня. И в этот раз навсегда. Прошло уже 7 месяцев и 5 дней. Вы его ищите где-то в клубах, на ледниках, в лагерях для беженцев или в Бурдж Халифе, но только не здесь. Тут его давно нет..Но Вы ищите, ищите, - вдруг несвойственно всему своему ангельскому образу и розовому пиджаку Шанель с нежными кружевными манжетами злобно и грубо стала шипеть девушка, - «Оххх, вы явно его типажа, это очевидно, более чем его именно типажа. Как и та официантка — точно с такими же волосами и глазами, как та жена его начальника из — за которой они и поссорились, как..Как Вас зовут?» - подойдя ближе и округлив глаза нервно произнесла девушка.

Нелли знала, что собеседница сейчас сама назовет имя. Она уже отчетливо осознала, как именно они были связаны с хозяйкой прекрасного сада роз, на холме, у моря в балтийских дюнах. Но девушка, тяжело дыша, выжидала.

— Мое имя Нелли Ларискира. Вы меня совсем не поняли, я говорила про дом и я приехала, чтобы..

— ...Ты всегда хотела его вернуть? - Коричневые глаза высохли и в них загорелись огоньки. - Думаю, что он-то всегда хотел к тебе вернуться! Я этого боялась, я об этом не думала, гнала эти мысли. Я была счастлива. С ним нельзя не быть счастливой. Он — все! Ты знаешь, ты-то знаешь! Он изначально сказал мне, что ты уже для него ничего не значишь и с тобой связано только все самое плохое. А я -свет, я лучик в его жизни. Солнце я, на выжженном твоим мраком, поле его судьбы. Вот, что он говорил. Но это ведь не мешает «великой любви», да? - она передернула слово «великой» и губка затряслась. - Мужчины же любят вас — неверных истеричек? Маньячек? Бездушных? Прости, но я такой тебя знаю - ОН такой тебя знает. Ты никого не обманешь тут!

И с этими словами она рывком закрыла калитку. Чтобы через секунду ее снова открыть и сделать шаг вперед. Вот так просто, лицом к лицу, без подготовки, тонн мейка и психологов встретились две женщины одного мужчины. Невеста и жена.

Ветер нес мелкие песчинки с дюн по обнаженным рукам Нелли, напоминая тайский спа-пилинг в Тайланде. Уйти. Таким было пер-

вое ее желание. Все это давно прошло и беречь не имеет смысла. Тем более, что, очевидно, Ирен (так звали жену ее любимого мужчины), кажется, была на грани срыва. Но она задержалась, накрытая непрошенными воспоминаниями.

Счастливые дни

Конечно, это была любовь. Не детская, первая, несчастная – какие там еще существуют эпитеты, чтобы нивелировать настоящее чувство? Любовь родилась сразу и навсегда. Люди умеют ее всячески изводить. Иногда тупо, подумав не тем местом, как принято говорить в народе. Иногда долго и изощренно, с максимальным упорством, как пятно на любимом белом свитере.

Игорь и Нелли начали встречаться 16 лет назад. В то время она была студенткой Консерватории. Они были прекрасной, приятной парой. На вопрос «как вы познакомились?» ребята отвечали, что свела их сама родная Москва. Это было зимой: город стелил нежные покрывала снега для их любви. Свободное время влюбленные проводили за уютным чаепитием в кафешках на Патриарших, грелись после катка.

104

Игорь хорошо разбирался в винах, Нелли ближе был чай, но она с увлечением слушала рассказы любимого о шато и благоприятных для урожая долинах, долгих послевкусия. Растягивая (скорее даже вынохивая, чем выпивая) бокал терпкого красного на целый вечер, она и не могла предположить, что ежевечерняя доза будет ее другом и мужем на долгие годы. Через пару лет осознанное одиночество и бокал стало скорее символом, неотъемлемой частью завершения дня. И «приветом» ему, Игорю. Но это все будет после расставания.

Больше всего ей нравился его громкий, раскатистый смех. Нелли с детства воспринимала жизнь через звуки. О чувствах, как многие, она пела. Но и от том, как она проснулась, что поела, какие туфли надела – она пела с самого детства о любой мелочи. Вместо слов из ее рта вылетали звуки музыки. Поэтому и поступила в Консерваторию. Считалась там звездой: поступила без напряжения, несмотря на бешеный конкурс, да еще вышла на сцену на церемонии зачисления. А когда случилась их любовь — она запела особенно. Глубоко и трогательно, то со слезами на глазах, то с легкой веселостью, но так искренне, что не верить было невозможно. Любовь открыла ей все двери, Игорь вывел все лучшее, хранившееся в ней, наружу.

В эти дни, ее талант расцвел и требовал немедленной огранки. Но Нелли он только мешал. Дар небес – голос - отвлекал ее от любви. От нарядов, ужинов, коньков с глинтвейном. Талант требовал заботы и режима. А это бы оставляло меньше возможностей быть с Игорем, подстроиться под его график. Удовольствие от чрезмерности было в приоритете.

«Никуда не уйдет», - отмахивалась она от наставлений родных, говоря о своем даре. «Никуда не уйдет», - скажет через два года невеста Нелли о женихе Игоре, взбалмошно отменив свадьбу.

Эти два года прошли в счастье.

Первые проблемы

Через какое-то время Игорь сменил работу. Он был готов создать семью и хотел заработать больше денег, купить квартиру на излюбимых Патриках. Цены в то время предательски ползли вверх. Новое место требовало большего присутствия и самоотверженности.

В начале зимы Игорь купил кольцо. Он действовал согласно формуле: стоимость кольца невесты должна быть эквивалентна десяти процентам годового дохода. В ресторане оба сказали «навсегда». Разве что в шутку поспорив об именах будущих детей.

Нелли была счастлива, красива, молода, талантлива. Правда, из Консерватории пришлось уйти, совсем не успевала учиться, появились хвосты. Передавать было ниже собственного достоинства. Девушка собрала комиссию, чтобы обвинить преподавателя в непрофессионализме. Но «шайка-лейка», как называла членов комиссии Нелли, вынесли вердикт: студентка не готова к аттестации. Настроение испортилось, тем более что Игорь не поддержал обвинения любимой и попросил подумать еще раз и пойти на мировую с администрацией.

«Предатель», - разозлилась Нелли и пошла в винный бар одна. После пары бокалов и нескольких смс она уже сидела с другом жениха. Парень был влюблен в красотку с первого взгляда. После они поехали в караоке. Куда ж еще. Ничего не было. Но домой девушка завалилась к утру. Не спавший всю ночь жених как раз нервно пытался завязать неподдающийся галстук. Руки тряслись. Нелли поцеловала его в щечку и плюхнулась в кровать.

Вечером у него была важная встреча. На следующий день – закрытие сделки.

«Так уже не любит, значит», - расстроилась надменная красотка. И, чтобы «вернуть потерянный интерес» по совету чуть менее яркой, но не менее глупой и неопытной подружки, стала иногда флиртовать с мужчинами. Но вот друга того заблокировала. Самой было неуютно на таком тонком льду.

До бракосочетания оставалось несколько недель...

Колье раздора

Нежные белые локоны Ирен разлетались под напором свежего балтийского «solgangsver» - так называют тихий раннеосенний ветер. Она подуспокоилась и теперь просто стояла у калитки, трогая руками розы. Нелли осмотрела жену Игоря с ног до головы и отметила: «дорого одета». Годами Нелли ненавидела эту стройную, белокурую девушку. Когда Игорь с ней начал встречаться, когда сделал предложение, когда родился ребенок. Когда Нелли издалека видела их на Патриках (он таки купил квартиру с видом на воду и привёз туда жену). Первое время Нелли звонила Игорю, просила подумать. Иногда могла выпить вина и обвинить его в очередной раз в предательстве. Как мог он ее бросить? Любовь все должна стерпеть! Обманщик!

106

Из этих тяжелых воспоминаний ее вывел голос соперницы. Та первой пришла в себя и решила, что надо спровадить незваную гостью, показав, что у ее семьи все хорошо.

— Это НАШ сад, - махнув наманекюренной маленькой кистью защebetала Ирен, будто проводила экскурсию. - Розы растут очень тяжело. Алые еще тяжелее, вот с розовыми проблем меньше, но и цвет не такой интересный. Разбавленный... зависит, конечно, Игорьку они нравятся, срезаем к обеду по субботам. Там — саунный комплекс, бань здесь нет, это не Рублевка. Дом слева, проходите. Хотя... и отсюда видно, спальня на втором этаже. Спальня светлая. С видом на море. Прекрасная семейная спальня.

— Очень красиво, - вежливо ответила Нелли. И решила необходимым добавить- Здесь... у ВАС.

Ирен на секунду остановилась. Видно было, что ее мучают сомнения. Уже без истерики выдохнула:

— Поймите, Нелли. Я ведь никому не говорила. В инстаграме до сих пор выкладываю наши общие фотографии. Я знаю, что он уже не вернется, но другой жизни не вижу. Здесь его дети. Его дом. Он

должен понимать, где нас искать, поэтому, нет!!- адрес менять нельзя. Я буду ждать. Мы друг друга любим, это возраст у него такой. Ужасный возраст, плюс деньги.

– Да у ВАС прекрасный дом, - снова вежливо, но без эмоций, повторила Нелли.

– У НАС прекрасным было все. Только на показ. Но он меня не любил как тебя, а женился срочно, чтобы отомстить. Нет, чтобы выбить тебя из головы. Говорят, ты над ним издевалась. Он был хорошим парнем, а потом тоже съехал. Травмировался, Игорь со мной не ни о чем серьезном не говорил. Не советовался. Понятно, что я была ширмой. Как «борода» у геев-художников.

– Да ну.. я не думаю, что я так травмировала.--Бледные высокие скулы Нелли залились. – Он разлюбил. Полюбил тебя. Вон, у вас дети. У нас – нет. У меня нет.

«Уж не этой блондиночке рассказывать!» - возмутилась сама с собой Нелли. Все первые годы самозаточения после расставания с Игорем, она только и слышала от общих знакомых: как он повез Ирен туда, он купил Ирен то, он сыграл свадьбу с Ирен там..Каждый этот кусочек информации об их жизни тревожил ее, терзал, заставлял налить бокал красного вина или сорваться на матери. Прошли годы и годы пока она не научилась сначала управлять своими эмоциями, а потом и вовсе не заморозила их, как оставшийся в кастрюле куриный бульон. Все любовь, всю заботу, все то что было предназначено Нелли, Игорь подарил этой девушке. Каждую минуту своей молодости, здоровья и красоты именно этот белокурый ангел прожил в крепких объятиях банкира. Именно с ней он добился признания, заработал миллионы долларов, выступал спикером в экономических программах на телевидении и радио. Его известность, его успехи не давали Нелли спать. Но не от того, ЧТО она потеряла, а от того, что НЕ ОНА все это вырастила, не при ней он так расцвел. А теперь эта счастливая жена и мать, считающая Рублевку — направление, о котором они с Игорем когда-то мечтали в своих маленьких кафешках, пошлым, - говорит ей, что все это было неправдой? Почему он тогда не отвечал на ее письма? Почему не поздравлял с праздниками? Почему не помогал те пару месяцев, когда точно ведь знал, что она без работы и денег, в алкоголе и депрессии? Ради чего все это тогда было, если не ради любви к светлой голове и душе Ирен?!

– ...И постоянно в алкогольном угаре. Он и спал-то со мной только абсолютно пьяный. Очень волновался потом, когда я забеременела, как там здоровье у наследника..

«Надо же», - подумала Нелли. «Это я сделала его таким зверем? Или мне просто повезло, что не я сижу среди этих нелепых роз в дюнах...»

Колье раздора 2

... Незадолго до церемонии бракосочетания у Нелли окончательно, как говорят, «поехала крыша». Когда на днях рождения друзей ее часто просили спеть. А на дико обижалась, что «должна работать бесплатно». Невеста весь вечер могла жаловаться Игорю на скупость знакомых, не понимая, что они гордились ей, а не пытались сэкономить на анимации. Но в свадебной программке вечера значилось выступление «Нелли Грибоедовой». Надо сказать, что фамилия Игоря ее тоже смущала — менять ее красивую, заманчивую (и не настоящую) фамилию на «простецкое что-то -едово» казалось преступлением. Уговоры мамы, напоминание про великого писателя - ничего не действовало. В паспорте решено было оставить творческий псевдоним, но на мероприятии выступить под фамилией мужа.

108

В то утро, аккуратно перед росписью в ЗАГСе раздраженная Нелли крутилась у зеркала. Игорь специально снял роскошные апартаменты в пятизвездочном отеле, чтобы невеста могла пригласить подруг на бокал шампанского и стилистов на сборы.

На шее у девушки гарцевали синющие сапфиры – подарок будущего мужа. Подружки аж захлебывались шампанским.

-Мне необходимо поговорить с организаторами. Я не хочу сегодня петь. Мне кажется, это меня должны развлекать, а не я, нет? - искрила невеста.

-Может шампанского? - примиряюще протянула бокал розового Моет будущая теща.

– Мам! А ты знаешь, что он это кольцо взял на прокат? Не купил. На квартиру копит. На мне все экономят - раздраженно кинула дива и вышла из номера...

Свадьба расстроилась. Нелли попросила перенести праздник до лучших времен – когда хотя бы кольцо будет в собственности.

Через год Игорь женился на Ирен.

...Позже за семь лет работы в звукозаписывающей компании Нелли добилась престижной позиции. Музыка так и осталась ее призванием, но сколько она не пыталась петь и стоять соло карьеру, ничего выдающегося у нее не получалось. «Перекрыли кислород» говорила мать.

Судьбоносный звонок в прошлое

– Так зачем ты здесь?

Ирен пронзительно посмотрела в глаза бывшей сопернице, пытаясь понять ее мотивы, но за ледистой красотой зеленых глаз не сумела разглядеть ни одной подсказки.

– Мне очень жаль. Всего доброго.

Нелли развернулась и пошла прочь от дома, цепляя шелковую юбку шипами зрелых роз. С раздражением одернув ткань, она достала из сумочки телефон и, пролистав телефонную книжку дважды, наконец-то нашла номер того ФСБшника. Когда-то они жили в одном районе, он был на пару классов старше и носил ей арбузы. А когда она уже училась в университете, ждал ее у метро без договоренности, чтобы проводить до дома, безапелляционно объясняя: «не безопасно». Нелли гуляла в центре с другими мальчиками и ей было совсем неловко, что ФСБшник стоит у выхода из подземки. Да и неприятно... откуда он вообще знает, что она вернется ночевать домой. Однажды она осталась ночевать в гостях. Больше у метро ее никто не ждал. Так, пару раз созванивались да как-то виделись на свадьбе у соседа.

– Алло, - его голос мало изменился, все такой же глубокий, но не надменный, скорее трагичный.

– Привет, прости, что беспокою. Просто... понимаешь, человек пропал. Это же к вам?

– Зависит, очень вряд ли. Давай я постараюсь помочь. О ком идет речь, когда пропал?

Нелли вздохнула:

– Теперь понимаю, что еще четырнадцать лет назад...

Договорились встретиться на кофе, как только она вернется в Москву. Нелли шла вдоль моря и мысленно перебирала гардероб в поисках подходящего для кафе платья. Отчего-то стало приятно. Даже трепетно. Какой он сейчас? Понравится ли она ему теперешняя? С кем он? От этой мысли девушка почувствовала легкую ревность. Захотелось вернуться немедленно.

«Хватит уже ворошить прошлое, сделать дело - и домой. Где участок, надо бы кого-то спросить. Хотя, какая разница: я не буду тут проводить время, - решила Нелли. - Слишком много песка в глаза летит».

Алексей Мильков

МАРИНА ОПАЗДЫВАЕТ НА КАСТИНГ ЭСМЕРАЛЬД

Марина, по возможности не пропускавшая все известные кастинги, повернула к воротам. Перед ней появилась вывеска

Кинокомпания «Пара мутантов»

Тут же светился видеоиграющий логотип: рвущиеся на привязи в кинолентах змееголовы.

Марина обратила внимание на объявление: «Требуется Эсмеральда». Требование к соискательницам обладать способностью к импровизации на заданную тему. Приветствуются все другие способности».

110

Обилие солнечного света зашкаливало. Марина шла по ландшафтной территории, пересекала бассейны, фонтаны, сады, лужайки, гольф-клуб, конные выезды, разных времен скульптурные группы вождей, там же Статуи Свободы, Колхозницы и Рабочего и т.д. Марина местами пробовала траву, зачерпывала воду, тыкалась в декорации, и убеждалась, что не всегда всё настоящее, а некоторые постройки были всего лишь потемкинским городком.

Марина, проходя мимо съемочных павильонов, отвлекалась на рабочую атмосферу. Кругом репетиции, генеральные прогоны, съемки, взмыленные и затюканные режиссеры и операторы, кипела людская масса.

Марина не сориентировалась, как попала в затемненные декорации, озираясь, вздрогнула от возгласа артистки.

– Надоело притворяться и обманывать! Надоело быть в образе беременной, навязанной сверху! Надоело носить на себе этот ужасный курдюк! Надоело!

Артистка вынула из живота футбольный мяч и со злостью послала его ногой куда попало. После нескольких отскоков он удивительным образом снова очутился в ее руках. Успокоившись, она водворила его под одежду.

Такие же артистки-пампушечки встретили Марину репликами.
– Ходят тут разные не беременные. Ни вида, ни рыла! Ни рожи, ни кожи! Чем ты лучше нас? Белая ворона! Что, под мужика не можешь подлезть или упасть, как все нормальные женщины? Так мы устроим.

Они грозно обступили Марину с поднятыми кулаками. Она упала на колени и ждала ударов.

Артистки продолжали:

– Константин Павлыч, Костя! Подь сюда, надо обрюхКатить.

Раздался обиженный голос сверху: «Сколько можно? Я не хочу».

Артистки загалдели:

– Не хочу или не могу? Нас хотел, и ничего...

Голос сверху недовольно отреагировал: «У меня этого нет в сценарии».

Артистки успокоили:

– Да нет, надо в натуре... Последняя из невостребованных... Президент, видишь ли, ей не указ...

Голос сверху заинтересовался: «Будет указ. У меня долго не жарЖавиет».

Появился карлик с короткими руками и ногами, в шляпе с малы-ми полями, лицо-маска в белой краске.

– Эта что ли невостребованная? – грозно спросил он и миролюбиво представился: – Костя.

– Марина, – отрекомендовалась она и тоже спросила: – У тебя что за маска?

– Маска смерти! – важно ответил он. Он взял Марину за руку и потянул за собой, она не сопротивлялась.

– Тебе идет. Никто не знает, когда в жизни надо надевать комическую маску, а когда – трагическую.

– А я знаю! Сейчас ношу трагическую. Потому что плохо выполняется программа правительства о высокой рождаемости. Президент обязал население следовать его поступательному вектору. Ты разве не в курсе?

Марина успокоила:

– Я – за программу!

Марина и Костя шли по глухим закоулкам декораций.

– Да, запущенная, отсталая, не в тренде! – не упустил он замечание. – Почему не как все, почему не беременная?

Марина отшутилась:

– Да, как-то не пришлось, не сошлось, не состыковалось.

Костя не унимался:

– Когда человек говорит о себе: “добрый, высокий, искренний”, я еще поверю, но настораживаюсь. Когда женщина говорит, что она не беременная, мне хочется ее тут же на месте опровергнуть.

Марина охнула:

– ОбрюхКатить?

– Откуда тебе известно? – удивился он.

– Что, прямо при всем честном народе? – спросила она.

Разговор продолжался на всем следовании по коридорам.

Костя уточнил:

– Президент сказал: “Для подъема рождаемости все средства хороши”.

– Я зря никогда не заношусь.

– Я не гинеколог, но осмотреть могу и дать далеко не худшее квалифицированное заключение на предмет соответствия срока, – похвастался он.

– Спорить не буду – из мужчин получают лучшие гинекологи.

– Верить этому? – удивился Костя и получил ответ:

– Верю.

– Правда?

– Не сомневаюсь, что для тебя гинеколог – это так себе, проходная роль, ты способен на большее, ты великий актер-универсал.

– Я в самом деле...

– Никто не знает своих возможностей. Однажды все открывают газеты, а там – только ты, герой дня...

– Разве? Ты, случаем, не психованная? Я, знаешь, люблю нормальных женщин, с обычными скромными пропорциями 90-60-90. Чтобы между сосками было 27 сантиметров, от пупка до низа – 20.

– Слава Богу, нормальная. Как ты привел цифры...

– А руки не дрожат? Мужчины терпеть не могут, когда у женщин руки дрожат и из них всё вываливается. Хорошо, что спасает адреналин. У женщин его даже больше, чем надо, чему человечество обязано своим не исчезновением на Земле.

– Кажется, это благодаря мужскому гормону тестостерону...

– Ну, надо же? Откуда только женщины всё знают?

– И знать необязательно. Об этом пишут везде.

– А как ты относишься к безопасному сексу?

– Костя, сейчас нет смысла на нем акцентироваться. Сначала улучшим демографию в стране, а там видно будет.

– А ты крутая! Ты, правда, не придерживаешься строгих правил и твердо решила до свадьбы не оставаться девственницей?

– Правда. Я как все. За компанию.

– Хочешь, я покажу тебе местные трущобы?

– Конечно, только лучше достопримечательности.

Марина и Костя заходили в реквизиторские, в костюмерные, в примерки – тамлюдно, на стенах маски из фильмов ужасов, полуголые актрисы привычно не реагировали на появление карлика. Попали в подвалы – где-то антисанитарные условия: потемки, капала вода, паутина, бегали насекомые.

Марина держалась молодцом, хотя страхи подпирали ее.

– Ты где училась? – спросил Костя. – В Щепке? А я в Щуке. Только там до конца следуют концепции Станиславского «Не верю!». Все стоящие актеры оттуда. Мой типаж герой-любовник. Режиссеры мне говорят: “Парень, ты лучший роковой красавец! Ты не имеешь права закапывать свой талант в землю – главная роль твоя!”

– О! – вырвалось у Марины.

– Мне поступило сразу три предложения. Сейчас я рассматриваю, на кого пробоваться в фильме «Нотр-Дам де Пари»? На почтенного священника Собора Парижской Богоматери Фролло, на лихого красавца капитана королевских стрелков Феба или уродливого звонаря Квазимодо?

О! – не успевала удивляться девушка.

– Как ты считаешь, на какую роль согласишься?

– И так ясно! Бери ту, к которой фактурой подходишь, к которой сам расположен, которую лучше тебя никто не сыграет.

– Тогда с твоей легкой руки буду красавцем Фебом. Ты актриса какого амплуа? Второго плана? Нет? Из массовки? Я всех знаю, тебя не припомню. Из какого фильма? Не из “Светская львица в положении – 2”? Он запускается через три месяца. Как раз будешь в кондиции, я обещаю. Ну, что, волнуешься?

– А что волноваться-то?

– И колени не ватные?

– Не ватные.

– И поджилки не трясутся?

– Не трясутся.

– И в самом деле, с чего бы им трястись, я ведь не маньяк какой-то, а обычный мужчина! Ты, действительно, как все нормальные современные девушки! И правильно. Нынче целомудренность не в почете.

– Я тоже не верю в непорочное зачатие.

Костя важно затянул привычную песню:

– Нет ничего романтичнее, когда целуешь изнуренную, голодную артистку после съемки. Она уже на ногах не стоит, мочалка мочалкой, дуреет, и ничего не соображает. Она уже ничто, но еще для мужчины нечто...

Марина восторженно воскликнула:

– О, я с детства мечтала быть артисткой!

– А ты настоящая артистка?

– Настоящая.

– А что ты можешь?

– Всё могу.

– Сымпровизируй: жарко, очень жарко, немоготу жарко. Ну, давай, поэтапно!

Марина задумалась.

– А что я должна делать? – спросила она.

– Спрашиваешь, а еще артистка. Мастер-класс. Нашим студентам хватало десяти секунд, чтобы скинуть с себя всю одежду.

– Ну, то вашим...

– Их сразу взяли на проект. Представляешь, от них вся страна тащится!

– Меня другому учили, и я несколько им не завидую.

– А по поцелуям у тебя какая оценка была?

– Все девушки с курса к экзамену вдруг приболели, и мне пришлось отдуваться за них.

– Ну, тогда тебе уроки пошли на пользу. Значит, умеешь по-настоящему целоваться с мужчинами!

– Не то, чтобы... Экспромты исполняли, игровые моменты в шутки превращали, а где-то и серьезно получалось...

Костя гордо вскинул голову.

– Я тоже по поцелуям не пропустил ни одного занятия!

– Ой! – ойкнула Марина.

Костя приблизил Марину рукой за талию, пригнул и поцеловал её в губы.

– Ну, как я, умею целоваться? А ты соответствуешь на роль Эсмеральды, ты красивая. И волосы у тебя – что надо! Вот только ростом не вышла.

Костя снова приблизил Марину рукой за талию, пригнул и поцеловал её в губы.

Он показал на ее живот.

– Тебе не больно будет эту разрастающуюся мозоль носить на себе девять месяцев?

– Нисколечко.

Костя поразился.

– Это же целых девять месяцев! И спать придется только на спине на голых досках, чтобы плод развивался правильно!

– Да, хоть сколько и на чем угодно! Я выносливая.

– Ты успела прочесть сценарий? А я в два дня управился. Говорят, что ты уже прямо с режиссером?..

Марина, глупо улыбаясь, спросила:

– Кто говорит?

– Не притворяйся! Молва бежит впереди тебя. Мы только что тебя с режиссером видели! Ты специально затащила его в гримёрку!

Марина охнула:

– Откуда тут всё знают?

– Знают! Как ты теперь ощущаешь себя в роли секс-бомбы?

– А что, значит, секс-бомба?

Костя пустился в объяснения.

– Без стадии секс-бомба ты никогда не сможешь стать секс-символом. Секс-бомба – до первого залета. Раньше твоя карьера на этом этапе бы и закончилась, а сейчас только начинается. Хорошо, что ты попала ко мне в надежные руки. Будешь сегодня на седьмом небе. Я тебя превращу из гадкого утенка в прекрасного лебедя.

Костя приблизил Марину рукой за талию, пригнул и поцеловал её в губы.

– А что, значит, секс-символ?

– Идеалы красоты всегда менялись: толстухи Рубенса, тонкие и прозрачные Венеры Боттичелли, румяные купчихи Кустодиева, девушки с отбойными молотками Дейнеки. Теперь секс-символ – это секс-бомба на девятом месяце беременности.

– Пока я даже не секс-граната.

Становилось совсем темно. Костя достал фонарик и луч света загулял по стенкам и потолкам.

– Не думай ничего дурного, я сотворю маленькое чудо и из секс-бомбы сделаю тебя сразу секс-символом. Обещаю! Меня все знают, уважают, теперь и тебя вся страна узнает и зауважает!

– Костя, у тебя всегда без затруднений с девушками получается?
Костя заважничал.

– Легко. У меня никогда нет проблем с затягиванием подушек в постель. Одна моя поклонница представила, как пишет имя ребенка на крохотной бирке, которую прикрепляет к его ручонке. Она так и призналась мне, а я ответил согласием по-военному: “С тобой – всегда без проблем!”

– О!

Костя приблизил Марину рукой за талию, пригнул и поцеловал её в губы.

– Вот так они мне беспорядочно и достаются.

– О!

– Если помнишь, в фильме “Фатальная страсть” я семь раз...

– Но там ничего такого не было!

– Вот и ты не веришь... Просто, монтажер вырезал шокирующие места.

– Как говорится, остальное осталось за кадром.

116 – Вот-вот! Правды все боятся! И режиссеры, и даже Президент страны! – Костя перешел на таинственный язык. – Тут есть такие потаенные места, куда не ступала нога человека.

Он остановил Марину и осветил фонариком дыру. Важно сказал:

– В нее пролезть могу только я. – При этом оценивал фигуру Марины. – Если постараться, и ты сможешь. У тебя получится. Лезь первая.

Марина не тронулась с места.

– Тогда я. Ты протягиваешь мне руки, а я с той стороны постараюсь продернуть тебя вместе с ногами...

Костя ловко исчез в отверстие.

Послышался его глухой голос:

– Давай сюда.

– Что там за посторонние звуки? – насторожилась она.

– Кажется, это птицы.

– Нет, не похоже, птицы не пищат, пищат крысы.

– Это... это...

Раздался шум борьбы. Из дыры вылетело воронье. Марина закрылась руками и прижалась к стенке.

Из дыры вылетели летучие мыши и начали кусать Марину. Она стойко отмахивалась от них руками.

Из дыры выпрыгнула мышь, Марина в испуге завизжала и побежала.

Костя вдогонку закричал:

– Сто-ой! Ты же мне обещала!

Он погнался за Мариной.

– Ты не баба, а тряпка! Чтоб ни один мужчина на тебя глаз не положил! Чтоб ни один волос не упал с тебя от его прикосновения! Чтоб ты навеки осталась в девках!

Марина вылетела на солнце, сердце стучало, до кастинга оставалось пять минут, как она упустила начало? Искать место кастинга долго не пришлось. Остановилась возле транспаранта «ИДУТ КИНОПРОБЫ!», и присоединилась к группе девушек на подиуме.

Тут же подвижные 8-метровые воздушные гиганты Он и Она, синего и красного цвета, то стелились к самой земле, то выпрямлялись во весь рост. Рядом упирался кривыми ногами в пол одинокий рояль, съемочная аппаратура с копошащимися операторами была в полной готовности, и стояли столы для конкурсной комиссии с табличками «РЕЖИССЕР», «ПРОДЮСЕР», «ДИРЕКТОР» и т.д. На столах лежали оценочные флажки с цифрами до шести.

За спинками стульев бросалась в глаза вывеска: «Мы ищем таланты!» и два рекламных щита: на одном огромная фотография в профиль сидящих в трусиках на общей скамейке пяти беременных женщин на приеме у врача с обнаженными округлыми на последней стадии животами, с другого щита на них удовлетворенно смотрел с большого портрета Президент России.

Распорядитель подал сигнал.

– Девушки, через пять минут начинаются пробы. Нас озадачили темой «Беременность – как способ выживаемости России». Вам надо не просто показать свои прекрасные формы, а раскрыть тему, то есть, суметь разыграть из себя беременных, будущих мам! Задача, я считаю, вполне вам по силам.

Девушки отнекивались.

– Ой! Только не это!

– Это! Иначе чего вы, как актрисы стоите? Умение перевоплощаться преподнесёт вам карьеру.

На подиуме они стали превращаться в беременных женщин: надували воздушные шарик, перевязывали их и прятали под свои

одежды. Одна девушка надувала пузырь прямо в сосок, выходящий из-под блузки. Другая применила насос-лягушку. У третьей пузырь вырвался и, как ракета, носился, выпуская воздух.

– Девушки, стоп! – расстроился распорядитель. – Малоубедительно. Много брака. Я не верю, что вы беременные! Вам бы только играть в боевиках с пиратскими кривыми ножами в зубах.

Девушки откликнулись репликами.

– Мы стараемся. Станиславский тоже говорил: «Не верю». Потом поверил.

– Из вас беременные, как из меня... корова на льду. – всполошился распорядитель – Что подумает режиссер? У него в голове варится сценарий «Нотр-Дам де Пари». У вас есть шанс попасть в фильм. Животики вперед, позвоночники назад, только не так резко, а то сломаетесь. Пластика и грация, походка гордая. Вживайтесь в образ. Ваши животы, что ружье на стенке, должны выстрелить по чувствительным местам нашей действительности, а конкретно – за программу правительства по увеличению рождаемости.

– Чем выстрелить?

– Детьми, конечно!

– Ой!

– И расслабились, и раскрепостились! Чтобы кастинг прошел успешно.

Девушки между собой с испугом переглядывались.

– Боюсь перепутать слова!

– Сказать честно – у меня тоже всё выскочило из головы...

– И я вся на страхе держусь. Беру себя в руки! Беру! Беру! Беру!

– А я вижу другую напасть, – продолжил распорядитель. – Первая: как бы вам не переиграть, и вторая: профанация с шариками раскроется. Тогда девушки – распрощаемся навсегда и забудьте о карьере актрис!

Девушки не стушевались:

– Нам такое не грозит. Играть самих себя всегда легко и приятно.

– Но и ответственно. Ну, что, девушки, тем не менее, надо уметь задавать трёпку будущим кинозрителям!

Девушки огрызнулись репликами:

– Поддадим им коленкой! Покажем им, где раки зимуют.

– Нашла кому показывать. Они как увидят беременных женщин, так первой мыслью будет очередная пошлость.

– Ну, почему же? Например, своя ноша не тянет. Это не пошлость, а комплимент.

Распорядитель остановил перебранку.

– Зритель любит всё в красочной обёртке.

Напряжение росло и девушки поневоле стали смотреть в стороны.

– Ну что?..

– Что – ну?

– Что, что там?

– Что? Что? Не разобрала.

– Идет режиссер?

– Задерживается...

Две девушки внесли куклы с большими животами.

Распорядитель удивился:

– А это зачем?

– Наши талисманы.

– Понятно... Убрать немедленно! Вдруг пожалуют с визитом министр культуры, премьер, президент? Вдруг не поймут? Это подиум солидной кинокомпании!

Куклы унесли.

Распорядитель посмотрел на часы.

– Девушки, шевелитесь! Сложили умиротворенно руки на животах, как на постаментах. – Оглядывая девушек, довольный продолжил: – Недурственно! Беспokoюсь, чтобы в нужный момент на вас не напал ступор, чтобы вы сумели преподнести себя режиссеру в лучшем виде...

Девушки захихикали:

– Не щадя живота своего.

– Показываю пример, как надо раскрепощаться.

Распорядитель встал в позу оратора и драматически произнес¹:

«Я рос одиноко; я рос позабытым,
Пугливым ребёнком; угрюмый, больной,
С умом, не по-детски печалью развитым,
И чуткой, болезненно-чуткой душой».

Раздались тихие аплодисменты девушек.

Появились продюсер, директор киностудии, группа специалистов и заняли свои стулья.

Продюсер, кивая на девушек, говорил директору:

---

¹Здесь и далее стихи Надсона.

– Сразу скажу, материал недурственный, кондиционный. По всей России собирали.

Директор отозвался:

– Вижу! Молодой, гламурный, перспективный, главное боеспособный.

Распорядитель отпил воды из стакана, глубоко вобрал в себя воздух, хлопнул в ладоши и объявил:

– Будущие мировые Эсмеральды!

Неожиданно появилась свита министра культуры. Вокруг произошло легкое замешательство. Директор тихо объяснил что-то ему, тот закивал головой. Слышны были обрывки слов: «кастинг, Эсмеральда, фильм «Нотр-Дам де Пари».

При этом министр культуры сказал:

– Найдем и направим в киноиндустрию дополнительные инвестиции. – Затем сочувственно обратился к девушкам, обозревая их большие животы: – Как же вы, девушки, решились на раннюю беременность, ведь вы еще в куклы играетесь?

Продюсер ура-патриотически огласил:

– Есть, есть в нашем отечестве настоящие патриотки, создающие новые рабочие места для акушеров! Это тот самый случай, когда искусство не требует жертв!

Директор подал знак распорядителю и тот объявил:

– Слово по случаю визита предоставляется министру культуры.

Министр культуры привычно начал выступление:

– Девушки, смотрим прямо в глаза Станиславскому! Я не шучу. Островский. “Гроза”. Монолог Катерины. “Отчего люди не беременеют! Я говорю, отчего люди не беременеют так, как животные? Знаешь, мне иногда кажется, что я животное. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет беременеть. Вот так бы разбежалась, развела бы руки, расправила их подобно крыльям и... и забеременела...” Так можете? – обратился он к девушкам.

Девушки согласно стали выкрикивать:

– Да! Да! Да!

Министр культуры перешел к следующему монологу.

– Татьяна Доронина! «Три тополя на Плющихе»! Монолог Нюры. «Беременность! Вы любите беременность? Я хочу спросить... Вы любите беременность, как люблю ее я? То есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем испуганием, к которой спо-

собна только пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изящного?»

Девушки опять завосклицали:

– Да! Да! Да!

Директор в шутку спросил министра:

– У нас запарка по части режиссеров, судя по тому, как вы прекрасно произнесли монологи, может, и фильм как режиссер снимете?

Министр культуры неожиданно ответил согласием.

– А что, можно попробовать. Я хочу разобраться с состоянием нашей киноиндустрии.

По знаку директора перед ним поставили табличку «РЕЖИС-СЕР».

Министр обратился к первой девушке.

– Вот вы – у меня наметанный глаз – несколько угловатая от комплексов, но отличающаяся редкой привлекательностью и необыкновенной сердечностью, настойчивостью и наличием ума девушка, продемонстрируйте что-нибудь в свете последних указов Президента, докажите, что только вы способны переделать этот демографический мир в сторону наполнения детьми в России, и вы получите главную роль.

Девушка произнесла стихи:

– «Я чувствую и силы, и стремленье

Служить другим, бороться и любить;

На их алтарь несу я вдохновенье,

(При этом поглаживала живот.)

Чтоб в трудный час их песней ободрить».

Послышались тихие аплодисменты присутствующих. Поднялись оценочные флажки.

Первым высказался продюсер:

– Ну что? Браво, браво!

Министр перешел ко второй девушке.

– А вы, с мягкими манерами, выдержана и нетороплива, увлекающая людей своей приятностью и личным примером доброжелательности, что скажете о себе как носительнице под сердцем ребенка?

Девушка тоже остановилась на стихах.

– «Петь? Для кого, о чем?.. Молить ли сожаленья?

Слагать ли льстивый гимн ликующим врагам?

Нет, лира истины, свободы и отмщенья

(При этом поглаживала живот.)

Не служит трепету, позору и слезам!»

Послышались тихие аплодисменты присутствующих. Поднялись оценочные флажки.

Продюсер расплылся в улыбке.

– Ну что? Bravo, bravo!

Министр культуры перешел к третьей девушке.

– Вы в аккуратном пиджачке малинового цвета, светлая плиссированная юбка, большие затемненные очки – словно с броской обложки рекламного журнала, вижу с пирсингом на левой брови, порадуите нас чем-нибудь таким... о любви к просившимся на свет детям.

Она произнесла тоже стихи.

– «Мир устанет от мук, захлебнется в крови,

Утомится безумной борьбой,

И поднимет к любви, к беззаветной любви,

(При этом поглаживала живот.)

Очи, полные скорбной мольбой!»

Послышались тихие аплодисменты присутствующих. Поднялись оценочные флажки.

Директор решился на похвалу.

– Ну что, и здесь bravo, bravo!

Министр культуры обратился к четвертой девушке. Это была Марина.

– Мм-м. У вас крашенные, искусно причесанные волосы, одежды несколько пёстро и экстравагантно, но, тем не менее, вы очень хороши, а ваш пирсинг на изящном пупке смотрится лучше, чем у других. Выразите своё отношение к Президенту, расскажите о трудной женской доле, нарисуйте светлое демографическое будущее для России, обоснуйте, что только вы способны на главную роль плодотворной матери.

Марина обиделась.

– У меня пирсинг на языке! – Она показала широко язык. – Затем произнесла:

– «И не будет на свете ни слёз, ни вражды,

Ни бескрёстных могил, ни рабов,

Ни нужды, беспросветной, мертвящей нужды,

(При этом поглаживала живот.)

Ни меча, ни позорных столбов».

Послышались тихие аплодисменты присутствующих. Поднялись оценочные флажки.

Директор и тут выразил восторг.

– Ну что, к месту, и на этот раз браво, браво, браво!

Министр примирительно подал руку Марине.

– Извините. Про пирсинг не угадал, исправлюсь.

Раздались горячие аплодисменты.

Продюсер объявил:

– Девушки, ликуйте, прыгайте, пляшите, пойте! У вас в арсенале есть всё в наличии, чтобы стать великими Эсмеральдами. Все девушки проходят в следующий тур.

Девушки завизжали от восторга, а распорядитель подал знак об окончании кастинга.

Дмитрий Ульянов

ЛИСА

Так всё по списку куплено, пора возвращаться домой. Знакомый подъезд, как обычно открываю дверь, подхожу к лифту. Возле старого лифта вдруг обнаружилась необычная незнакомка, она казалась вырванной из какой то красивой сказки, и зачем то помещённой сюда, в этот подъезд, на фон исцарапанных и исписанных дверей лифта. На вид ей лет восемнадцать, в принципе как и мне, наверное мы ровесники. А необычность её заключалась в том, что у неё не было правой ноги, хотя это не мешало ей быть невообразимо красивой.

Я решил помочь ей, и заодно познакомиться.

- Привет, меня зовут Денис, может тебе помочь?

- Привет, я Даша, ты знаешь, пожалуй, не откажусь! - в её глазах будто озорно играли солнечные лучики света, возможно от того она немного прищурилась, словно лиса.

124

Взяв её груз, состоящий из различных пакетов и сумок, войдя в лифт, мы разговорились. Оказывалось, они с мамой только переехали в этот дом, что объяснило почему раньше я её не встречал. Их квартира находится по соседству с нашей, чему в душе я обрадовался, надеясь чаще с ней видиться, было в ней что - то такое, необъяснимое, но притягательное, общение с ней как наркотик, перекинувшись парой фраз, хотелось продолжать ещё и ещё, и что бы это никогда не кончалось. За беседой мы не заметили как поднялись на наш этаж, лифт неприятно заскрипел, и отварил свои двери. Выйдя на лестничную площадку я заметил маму. Она с кем-то оживлённо вела беседу.

- Это моя мама – пояснила моя новая знакомая.

- Отлично, может тогда познакомишь нас?

- Свататься решил, не рановато? - рассмеялась Даша, снова напоминая хитрую лису, в хорошем смысле.

- Ну так и быть, познакомлю - девушка мило улыбнулась и направилась к матери.

Знакомство прошло удачно, наши мамы решили наладить соседский контакт и остались дома беседовать, а я предложил новой знакомой показать город. Правда не обошлось без осложнений, оказалось что у неё ещё младший брат и сестра, которых навязали нам на прогулку.

Городок у нас не большой, хотя сейчас казался огромным, по этому мы решили не уходить далеко с маленькими детьми. Я решил показать им одно интересное местечко, где я часто бывал, там всегда тихо, вопреки шумному городу, и всегда можно погрузившись в свои мысли, чтонибудь рисовать. Граффити - моя страсть, по этому каждый дюйм заутка был изрисован разнообразными рисунками и набросками. Это был мой мир, редкие бродяги забредали сюда, но как по волшебству быстро ретировались. И сейчас я жаждал показать свой маленький, но яркий мир, новой знакомой, что всё продолжала рассказывать разные истории из своей жизни, а я жадно слушал, параллельно представляя её реакцию на моё творчество. Что бы попасть до пункта назначения, мне нужна машина, которая находится на другой стороне улицы. Перебраться через дорогу - это задача не из лёгких, так как до ближайшего светофора идти нужно порядочно, а мне так не терпелось показать ей свой мир, свою жизнь, свою душу...

Тогда я решил предложить что бы они остались на месте, а я быстро решу проблему с машиной, перебежав дорогу, одному рисковать не страшно, а их тянуть с собой не хотелось. Даша быстро согласилась, пожелала мне удачи, проводив ласковым взглядом, от которого я сам не мог оторвать глаз. Уходя, я слышал как её сестрёнка с братом ехидно нас обсуждали, смеялись и пародировали, что немного забавляло, и невольно возвращало к детству, когда я сам был таким же, и смеялся над парочками, державшимися за руки и говорившими друг другу всякие нелепые приятности

Движение сегодня сильное, но ничего не в первый и не в последний раз, главное правильно выбрать момент, что я и сделал. Всё теперь ещё пару минут и я буду на месте, хорошо что у меня есть правило, всегда с собой ключи и права, а то мало ли что...

Ну вот, всё вроде хорошо, уже подъезжаю где оставил своих спутников. Но что-то не так. Я это даже скорее не вижу, а чувствую какую то тревогу, напряжение в воздухе. Останавливаю машину, подбегаю к мечту где оставил Дашу и её сестру с братом, но на тротуаре только двое... Две одиноких маленьких фигурки. На мой нервный вопрос где их сестра, они лишь ответили «пошла за тобой».

Больше её никто никогда не видел, но в моём мире, в моём закутке наполненном разнообразными граффити, появилось новое. Это Граффити очень красивое, в виде солнечной девушки напоминающей лису, но лишь с одной ногой.

Алиса Новикова

ЧУДО

Серия повествований «Рассказывают духи»

Рассказ записан Алисой Н. (медиумом - психографом) со слов духа Алевтины Ивановны.

- Здравствуйте! Я - Алевтина Ивановна, много лет как меня нет в мире живых - умерла. Сейчас - я дух.

Хочу рассказать о том, как помогла Вера в Бога моей семье в годы Второй мировой войны.

Стояло жаркое лето 1941 года. Жила со своей семьей в обычной русской деревне, что называется – в глубинке. Рядом с деревней шумел лес, протекала меленькая речка. Тогда мне было шестьдесят восемь лет. Утром 22 июня готовила завтрак, как вдруг кто-то стал громко стучать в дверь. Открыла. А на пороге стоял мой старший сын Антон (военный) – запыхавшийся, бледный, серьезный, в глазах - страх и отчаянье.

Спрашиваю его:

- Сынок, что случилось-то?

А он, переведя дыхание:

- Война! Немцы сегодня утром напали!

Я бросилась к иконам... Благословила старшего сына, перекрестила и он уехал на войну. А через неделю и младший Александр отправился на войну, защищать нашу страну от немцев.

Жена Антона Клара с малолетними детьми осталась, в гарнизоне, недалеко от моей деревни. Села писать письмо:

Кларочка, приезжай! У меня огород, вода (речка) рядом, лес. Авось, как – нибудь, с божьей помощью, выживем. Вези внуков!

Переехала Клара с детьми в мой дом. Через некоторое время, и жена Саши приехала. Так и жили все военные годы: в тесноте да не в обиде! Голодно, холодно, но выжили все! ...

В первый месяц войны послала сыновьям крестики прямо в письмах – чтоб истинно Христом хранимы были! Получили от Антона весточку, где он написал:

- Мама! Не поверишь! Я получил твой нательный крестик и одел сразу. А через день, когда нас немцы бомбили, уцелели, только я и

солдаты, что были со мною в одном окопе. Если б не одел твой крестик ... Спасибо тебе и Господу!

Вскоре получили письмо от младшего сына:

- Мама! Я получил твое письмо с крестиком, не потерялось! Недавно со мной приключилось невероятное чудо. Я нашел старую маленькую икону Богородицы в разрушенном храме, рядом с которым шли бои. Очистил, положил в нагрудный карман. Во время боя немецкая пуля попала в иконку! Я остался жив! Теперь, воюю с прострелянной иконой, в кармане! Спасибо тебе мама за крестик! Верю, что он тоже будет оберегать меня, как и икона.

Долгие пять лет войны мы ждали наших мужчин, молились за них, за страну, за всех кто воевал... Мои сыновья не получили ни одного ранения. Вернулись домой живы и невредимы. Спасибо Господу!

Юдмила Сергеева

ПОВОРОТ НАЛЕВО

Наталья Николаевна, которую для краткости будем звать NN, пыталась переключиться на что-то другое и не смотреть в сторону дома, в котором она прожила несколько лет и куда время от времени по-прежнему заглядывала то за вещами, то просто проверить квартиру. Автомобиль стоял в ожидаемой пробке. Ожидаемая, но непредсказуемая по продолжительности, она грозила нарушить планы NN – у неё сегодня вечерние пары, и надо поторопиться. Опаздывать не хотелось, да и рискованно: служба безопасности в университете разрасталась в геометрической прогрессии, и проверяющие то и дело с азартом врываются в аудитории. Занятия у NN совпали с окончанием рабочего дня, и трудовой люд, выключив компьютеры и освободившись от униформы, прорывался домой.

128 Включив левый поворот, она медленно двигалась, рывками приближаясь к перекрестку. Впереди светофор, переключаясь, давал короткий толчок двум-трём автомобилям, чтобы те успели проскочить налево через несущийся встречный поток.

NN специально выбрала этот маршрут. Её «Киа Рио» стояла напротив кирпичной многоэтажки, в которой еще недавно они жили с Ником. Посмотрев налево, NN тут же нашла его окна.

Ник, кажется, был дома – свет и на кухне, и в комнате – наверное, пьёт чай. Ритуал чаепития выработался у них сам собой, когда еще в студенческие годы оба соглашались, что нужно поставить чайник. С годами формировался вкус, определялся метод заварки, да и выбор чаёв стал больше. Но неизменным оставалось одно – чай у Ника всегда получался лучше – терпкий, как определила она, а у неё всегда горьковатый. NN сначала хотела распознать секреты заварки и стояла рядом с Ником, заглядывая в заварочный чайник, куда он опускал две щепоти чая, а потом заваривать чай стал только он.

Не смотреть в сторону дома NN не могла, надеясь, что Ник покажется в одном из окон. Что её больше волновало: возможность увидеть его или беспокойство, что не заметит его силуэт? Две соседние квартиры, которые они долго строили, переживая, что все

их накопления будут зарыты в котлован незавершенного строительства, а они окажутся в роли обманутых дольщиков, были в итоге оформлены на каждого из них в отдельности – для надёжности – решили они. Эти квартиры были для них почти жизненной целью. Новое жильё предназначалась их мальчишкам, которые должны были иметь базу, чтобы учиться, работать и не зависеть от бытовых проблем, как когда-то были зависимы они. Сегодня она вернется сюда, но позже, после работы, когда вокруг будет меньше чужих глаз.

Сзади коротко посигналили, и NN, вздрогнув, притопила педаль газа – машина, дернувшись, резко остановилась перед бампером стоящего впереди Forda. Надо быть внимательнее, но серебристая светящаяся воронка втягивала лучом проектора, показывая клипы из её жизни. NN, не сопротивляясь, нырнула в омут памяти.

***

Вот она – уже студентка, стоит у стенда с расписанием и пытается разобраться, что значат буквы рядом с номером аудитории. Завтра первое сентября, и она хочет быть в нужном месте в нужное время. Что надеть, было уже решено, теперь надо определить, куда идти. Движение в вестибюле во всех направлениях: две лестницы слева и справа – вверх к вершинам знаний и вниз на цокольный этаж; коридор, разлившись в вестибюле, снова вошёл на другой стороне в свои берега и понёс людской поток в тёмный туннель. Прошло напряжение вступительных экзаменов и тягостное ожидание зачисления – хотя отличная учёба в школе давала ей не столько уверенность, сколько надежду. Какое счастье, счастье, если она увидит свою фамилию в списках зачисленных на самый престижный факультет, куда рисковали поступать только отличники – областной вуз собирал лучших выпускников. Когда N нашла свою фамилию в списках на зачисление, то не поняла: где же оно, счастье, и как его распознать?

Она будет программистом. Слово “компьютер” тогда еще не было в ходу, и “ЭВМ”, или коротко “машина”, было привычным термином в профессиональной среде. Уже появились кинофильмы, где молодые люди в роговых очках, вытянутых свитерах и распхнутых белых халатах вели, стоя у шкафов с магнитными лентами, понятные только избранным, разговоры. Это позже, в 90-е, когда в страну хлынули списанные на западе или собранные здесь из ком-

плектующих персональные компьютеры, “computer” заменил не только привычное «ЭВМ», но и вытеснил программное обеспечение, над которым с гордостью корпели советские программисты.

NN – тогда еще просто N – изучает расписание. Рядом группа, нет, скорее, команда парней, которые выделялись в вестибюле среди разновозрастной толчеи растерянных первокурсников, еще не определившихся, как себя вести, уверенных в выбранном маршруте людей среднего возраста и редких важных персон, с уверенностью ледоколов прокладывавших себе путь. Все факторы литературной романтики у группы commandos присутствовали: загорелы, плечисты, с небрежной щетиной, но, правда, без гитар за плечами. Картину дополняли стройотрядовские куртки и шляпы за спиной на шейных шнурках. Без сомнения, и она была замечена commandos. N знала, что заметна, но также хорошо знала, что первым делом, первым делом... – учёба. Она была почти идеальной героиней: умница – грамоты с олимпиад разного уровня бережно хранились дома, красавица – папа всегда ей говорил об этом, (правда, мама осуждала такую характеристику), спортсменка – значок ГТО можно было отыскать в ящиках письменного стола. N задерживалась у расписания, рассчитывая всё-таки выяснить значение литеры в строчках расписания. Наконец она оглянулась и спросила сразу у всех из группы commandos, что значат эти буквы. Двое сделали несколько шагов к ней, а остальные хором, перебивая друг друга, стали громко рассказывать о разных корпусах института, в которых проходят занятия. Литеры – это как раз про корпуса. N удивилась, поняв, что в течение одного дня занятия могут проходить в разных институтских корпусах. Где и как добратся, было разъяснено, и можно было уже уходить, но еще несколько минут заняли взгляды, улыбки, вопросы, на которые пришлось отвечать – ведь они ей помогли. Да, она первокурсница, её зовут N, а их было много, и всех она не запомнила. Не запомнила всех, но запомнила некоторых.

***

Светящиеся окна дома остались позади, и NN пришлось оглянуться, чтобы снова искать в окне Ника. Еще несколько метров проехала вперед, опасаясь приблизиться к «Форду».

Проектор памяти не пришлось включать – экран ждал, когда она нажмёт клавишу «Enter».

***

Не успели первокурсники запомнить нахождение всех институ-
тских корпусов, как их отправили на картошку. Трудовой десант
студентов в течение двух дней перевозили как товар автолавки из
одной деревни в другую на дряхлом автобусе, который, заметно
накренившись, надрывно кашлял и рычал, отравляя всё живое не
только вокруг, но и внутри. Но студенты выжили, и к концу второго
дня их все же приняли и разместили на матрацах с характерными
разводами в одном из пустых отсеков зернохранилища. Дощатое
сооружение без окон под шиферной крышей, покрашенное в серо-
зеленый цвет, зерном было заполнено наполовину, и когда новые
трофеи битвы за урожай ссыпались в зернохранилище, их отсек на-
полнялся густой пылью. NN не роптала, считая, что так и надо, что
не она одна и т.д. Среди них были не только неискушенные новички,
но и первокурсники, в анкете которых были указаны армия, рабфак,
а у некоторых и семейная жизнь. Они брали на себя инициативу по
сбору денег для неформального вечернего общения, когда, хоть и
усталые, многие из них соглашались на продолжение, где гитара
была вовсе не обязательным атрибутом посиделок, а покупаемое в
складчину спиртное – необходимым. NN помнит уже выбранного к
тому времени комсорга – Галку, которая, боясь быть обвиненной в
том, что отбивается от коллектива, всегда сдавала требуемый рубль,
но ни разу не попробовала разливаемой вечером разноцветной жид-
кости. Кто-то на предложение собраться в складчину, неуверенно
отвечал, что нет денег. У NN тоже поначалу спрашивали:

– На благотворительность деньги есть?

– Есть, – отвечала она с некоторым вызовом, – но творить это
благо не буду, – и не поддавалась легкому шантажу при сборе денег.

Несколько человек эвакуировали с поля боя за урожай: кого-то с
паратитом, кого-то с ангиной, а одного бойца женского пола забрала
делегация родственников, подтвердив справкой из ЗАГСа, что боец
на днях выходит замуж.

В Куйбышев вернулись с первыми морозами.

В первый же день учёбы, она, выходя из аудитории после заня-
тий, увидела его и не удивилась. Он пришёл к ней, и они пошли
навстречу друг другу. Это не был тот стремительный всепоглоща-
ющий роман, о которых пишут – движение было осторожным, по-

знавательным, расширяющим и закрепляющим знание о взрослой жизни. Непорочность юности и чистота помыслов спасала и останавливала, когда останавливаться уже не хотели.

А там, у аудитории, он сказал, шагнув к ней навстречу:

– Привет, ты меня помнишь?

– Не-ет, – она хотела схитрить, но, смутившись, кивнула головой и продолжила вопросительно – утвердительно:

– Николай?

Было заметно, что Николай приятно удивился – N его запомнила, а запомнила-то еще и потому, что Николаевна она, и всех Николаев запоминает сразу и навсегда, ассоциативно – как папу.

NN хорошо помнит, что это был день, когда сообщили о смерти Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, и все обсуждали эту новость.

Они пересекались почти каждый день в коридорах института, в студенческой столовой, а если не встречались, то N была почти уверена, что встретятся – ведь она этого очень хотела. Новые чувства нарастали, развивались и захватывали в ней всё новые участки.

132

Николай учился на том же факультете и был старше всего на два года, но там, в вестибюле у расписания, казался взрослым, brutальным – тогда это слово она еще не знала.

NN долго не могла определиться, как называть Николая. “Коля” было просто и пресно, “Николай” – длинно и лишено доверительности, и постепенно Николай стал Ником. В конце 90-х, когда радиус включения в Интернет увеличился до бытовых компьютеров, знакомые, слыша от неё “Ник”, думали, что это связано с “никнеймом”.

Первый же букет, принесённый Ником на свидание, она приняла, как и положено, с признательностью, но заметила, что цветы ей нравятся только на клумбе, да и для букета нужна третья рука.

– Считаю это формой фетишизма.

– Какой, какой формой? – Ник растерянно и вопросительно смотрел на неё.

– Не люблю сюрпризов, а особенно букеты цветов, – ответила она

– А что же любишь? Chanel №5?

– Не напрягайся – Chanel №5 я тоже не люблю – слишком резкие. «Люблю грозу в начале мая./ Когда весенний первый гром...».

– До весны далеко. «Есть в осени первоначальной / Короткая, но дивная пора...», – продолжил он известной всем строчкой.

– Ну, какая же первоначальная? «Нивы сжаты, рощи голы.»
– Да, согласен: «Унылая пора!», но ведь «Очей очарование!»
– «В тот год осенняя погода / Стояла долго на дворе...» – про-
должила она состязание.

– «Зимы ждала, ждала природа», – подхватил он. – Тебе легче –
ты экзамены сдавала недавно.

– Но победил ты, – она торжественно протянула букет.

– Нет! Победила дружба! Ну что, цветы в урну? – Перехватил он
букет из её рук.

– Нет, жалко, ведь кого-то можно порадовать.

– Например?

– Вон, кажется, пирожки продают...

– Понято, – и Ник с букетом направился к тётеньке в белом об-
лачении, при большом термосе на ящике.

NN не слышала, что говорил Ник усталой продавщице, но ви-
дела, как та, держа букет, улыбалась, когда он расплачивался за два
пирожка.

Букетов больше не было, за исключением знакового события –
свадьбы.

Не было и традиционного предложения руки и сердца, а было
убеждение, что они будут вместе.

Ник жил в студенческом общежитии, она – на квартире, которая
не стала местом свиданий, а границей, за которой в глубине всегда
был виден силуэт хозяйки. Но в конце лета, после первого курса,
Ник вернулся с практики, и она приехала к нему в общежитие, что-
бы вместе войти в рай, из которого за те же деяния были изгнаны
библейские прародители.

Ник закончил институт в 1985 году, когда провозгласили “новое
мышление”, объявлена “перестройка” и обещан “социализм с чело-
веческим лицом”. Ему предложили работать на космос. Это было
круто и престижно – хотя тогда подобных характеристик не было.

Свадьба стала плановым событием, а когда NN предложила по-
дождать, чтобы и она закончила вуз, Ник спросил:

– Зачем? Семейным сотрудникам дают служебное жильё.

Так на четвертом курсе она стала замужней дамой.

В 1987 году, когда и она закончила институт, время романтиче-
ского демократизма еще не прошло, но уже было понятно, что что-
то идёт не так.

Не успев сдать свою первую компьютерную программу, но успев поучаствовать в каких-то выборах кого-то в отделе АСУ, NN ушла в первый декретный отпуск. Когда на короткое время она вышла на работу, то ИВЦ (*информационно-вычислительный центр*) находился в состоянии полного зависания. После второго декрета выходить на работу было уже некуда – ИВЦ самоликвидировался.

В годы перестройки, ваучерной рулетки и финансовых пирамид, когда заводы растаскивались по винтикам, тоннам и цехам, чтобы из этих цехов отправить на металлолом уникальное оборудование, Ник оказался в одном из многочисленных то ли кооперативов, то ли малых предприятий, где пытались продолжать производство, которое новые владельцы выдавливали со своих площадей. В челночный бизнес уходили неохотно, понимая, что инженерные навыки будут утеряны. Энтропия государства нарастала.

Сначала казалось, что это происходит по незнанию тех главных лиц, которые определяют и направляют, что вот-вот происходящее станет известно, экстренные меры будут предприняты, а виновные – наказаны, но разрушение переросло в индустриальную катастрофу с перестрелками, жертвами и героями нового времени. Осколки от снарядов, бивших прямой наводкой по Белому дому, разлетелись по всей стране. Наступило время “Ч”.

NN осмысливала свои трудовые перспективы и, советуясь с Ником, спросила:

– А я куда?

– Рядом с детьми, – не задумываясь, ответил он.

NN пошла работать в родной институт, когда оттуда многие уходили из-за невыплаты зарплат и ощущения надвигающейся катастрофы. Новая кафедра “Информационные технологии в экономике” обещала экономике новые эффективные решения, но новые технологии не только не сняли старые проблемы, но породили новые. Экономические кафедры открывались повсюду. Чем больше становилось экономистов, тем хуже шли дела в экономике.

Ник старался зарабатывать деньги, а NN занималась их мальчишками: образование, спорт, отдых за границей – ничего избыточного, всё на пределе возможностей. Когда NN заводила разговор о том, что автомобиль нужен и ей, Ник резко прерывал её:

– Я отвезу тебя, куда скажешь.

– Но ты можешь быть занят, – пыталась она найти аргументы.

– Для вас я всегда найду время.

Она просила хоть за городом сесть за руль их машины, но Ник каждый раз находил отговорку, а то и дерзил, обижая её.

– А как же каблукки, от которых ты не можешь отказаться?

– В машине у меня будет запасная обувь.

Переобуться придётся на ходу. Колесо пробитое как будешь менять?

– Как все.

– Я не хочу как все, я вообще не хочу, чтобы ты его меняла.

Когда NN приводила в пример своих коллег, которые одна за другой садились за руль автомобиля, Ник отшучивался, что у них нет своего водителя, а у тебя есть.

Автомобильные права, которые она каждый раз обновляла, в соответствии с новыми требованиями, так и лежали в резной ореховой шкатулке.

Сыновья учились хорошо – вложенные деньги, время и, уверена была NN, наследственность дали свои плоды – один за другим они поступили в МГУ, и две квартиры, которые они строили для мальчишек, стали, скорее, обременением.

Работая в институте, уже к тому времени университете, NN защитила кандидатскую диссертацию и стала к.э.н., убедив Учёный совет в важности информационного моделирования экономических процессов.

Иногда кафедральные споры NN приносила домой, продолжая разговоры об образовательных технологиях, болонской системе, компетентности, давая характеристику старым процессам нового времени. Слушая её пространное изложение, Ник своей редукцией:

– «Роза пахнет розой, хоть розой назови её, хоть нет», – обнаруживал истину.

– Не каждый факт искусства, становится артефактом культуры, – горячилась она, критикуя те или иные события культурной жизни.

– А что такое культура? – прерывал он её своими доводами. – Культура – это возделывание, сохранение, развитие, а то, о чём они говорят, надо не возделывать, а уничтожать, как сорняк, – и выключал телевизор.

Ник, возглавляя инжиниринговый центр, часто пропадал на работе: то новое оборудование, то сбои, то заказчики, то сотрудники... NN наставляла своего мужа:

– Ты не можешь отвечать за всё. Ну, неужели нет других специалистов?

– Менеджеров много, но их количество не перешло в качество, – отвечал насмешливо Ник, а потом серьезно продолжал, – нельзя работу заменить разговорами о работе. Хорошо управлять можно только тогда, когда хорошо знаешь предметную область и объект управления.

Его сентенции NN часто включала в свои научные публикации.

Несмотря на зрелость и возраст, который принято называть балль-заковским, NN не потеряла ту привлекательность, которая может поддерживаться только хорошим собственным вкусом.

Мужчины, проявляя к ней интерес, скоро понимали, что у неё или слишком завышенные требования или они чего-то о ней не знают. С ними у NN устанавливался хороший деловой контакт, которому не мешали гендерные стереотипы.

– Красавица, – улыбаясь, говорил Ник, глядя на свою жену.

– Я знаю, – с деланным кокетством, внешней небрежностью и внутренней радостью отвечала она.

136

Когда Андрей Николаевич Чернов – отставной полковник, со степенью доктора экономических наук – появился на кафедре, преподаватели не могли понять: откуда он эмигрировал. Но вскоре выяснилось: оставив всё и всех в Питере, он после смерти жены вернулся на родину к своей пожилой маме.

Пороха не нюхал, в окопах не сидел, в руках ничего тяжелее ручки не держал, но форму с погонами носил. Вся его карьера развивалась в родном военном училище, которое он когда-то с отличием окончил.

NN забеспокоилась: Николаевич, да к тому же Чернов – сама-то она давно была Беловой – добавило символизма в палитру оценок Андрея Николаевича. Но дело было не только в эзотерических символах: А.Н. стал практически одним из коллег, кого она слушала, с кем обсуждала, чье мнение было для неё интересно. Его седые волнистые волосы открывали лоб, на котором было написано о трёх colleges.

NN волновал, беспокоил и пугал нарастающий интерес к А.Н.. Сам он не приближался, но с удовлетворением закреплял новую дистанцию для общения. Несколько раз он подвозил NN после заня-

тий до дома. А однажды она даже сидела за рулём его Volkswagena, газуя, когда А.Н. толкал автомобиль на занёсённой снегом университетской стоянке.

Как-то на его машине преподаватели добирались на конференцию в соседний город, планируя тем же составом вернуться. Но Андрею Николаевичу по просьбе организаторов конференции пришлось задержаться. Коллеги зароптали, на что А.Н. спокойно сказал:

– Ничего страшного, вас довезет Наталья Николаевна. Я знаю, что документы у вас всегда с собой. Так?

– Я? Нет, нет, да и страховка, страховка... должна быть автогражданка.

– Ничего страшного: время позднее, дорога свободная, все риски я беру на себя, а сейчас на дорогу я вас провожу.

И они поехали. Пассажиры не знали, что испытывала NN, и почти сразу заснули. Движение по трассе было рваным: то уверенно набирающее скорость, то торможение на ровной пустой дороге. Она цеплялась взглядом за вспыхивающие катафоты отбойника, а в местах разрыва редкие встречные автомобили, казалось, неслись на неё с неизбежностью столкновения, но в последний момент мелькали рядом и уносили с собой нарастающую волну страха. Несколько раз NN в панике останавливалась, решив, что дальше не поедет, но, сделав несколько глубоких вдохов и не отвечая на вопросы коллег “что” и “почему”, снова нажимала педаль газа.

137

Когда въехали в Самару, было уже поздно. Придорожные фонари, наклонившись, с любопытством рассматривали пугливо приседающий автомобиль, бегущий к спасительным огням большого города.

По домам NN никого не развозила, а машину А.Н. оставила в своём дворе, около дома, напротив которого она сейчас стоит в бесконечной пробке. У себя в квартире NN появилась в состоянии горячки, которую Ник принял за усталость, не зная, причины этой усталости. Ванна и чай, тот самый неповторимый чай, который умел заваривать только Ник, не помог, и она, раздосадованная тем, что Ник не справился, пошла спать.

Машина А.Н. всё еще стояла во дворе, когда назавтра NN пошла в университет.

Несколько дней NN пыталась справиться с непроходящим напряжением и, наконец определив, как ей казалось, источник волнения, сказала Нику:

– Мне нужна машина, – сказала она раздражённо.

– Мы это уже много раз обсуждали, – ответил он, внутренне напрягаясь.

– Но консенсуса не нашли.

– Мне казалось, что соглашение достигнуто.

– Но не подписано, – вспыхнула NN. – Так у меня будет машина?

– Нет, – жестко ответил Ник.

– Тогда я сама всё решу без тебя, без твоей помощи, без твоего инструктажа и наставничества, – говорила NN то ли себе, то ли Нику, надевая куртку.

– Наташа, Наташа, остановись! Ну, куда ты, Наташа?

– Покупать машину! – хлопнула она дверью, не зная еще, куда бежит, но, зная, что в эту вечернюю пору ни автосалоны, ни банки уже не работают.

Когда NN, шла и шла быстрым шагом по улице, то понимала, кому она сейчас позвонит. И позвонила.

– Да, Наталья Николаевна, слушаю вас, – ответил тут же А.Н.

138 – Андрей Николаевич, а вы не можете побыть в роли моего инструктора – наставника, – NN не ожидала от себя такой прямолинейности.

– Когда начнем учёбу? – бодро спросил А.Н.

– Прямо сейчас, – выдохнула NN.

– Где вы? У главного корпуса? Ждите, я быстро.

– Куда сядете? – спросил он, подъехав не так быстро, как обещал.

– Автогражданка всё-таки нужна, – с укором произнесла NN.

– А я вас вписал, тогда еще, после вашего экстремального ралли, – опустив голову, говорил А.Н. – Вдруг понадобится еще.

Они долго молча ездил по пустующим улицам, и только изредка А.Н. делал предупреждение о скором дорожном знаке.

Несколько раз звонил Ник, и каждый раз она отвечала, что у неё всё в порядке.

– Ну, всё, спасибо, на сегодня хватит, – NN понимала, что нельзя кататься всю ночь.

– Куда едем?

– Не знаю.

– Тогда, может быть, ко мне? Мама будет рада гостям.

– Хорошо, – NN остановила машину, и они поменялись местами.

Дверь квартиры открыла совсем не та женщина, которую ожидала увидеть NN, – это была скорее старшая сестра А.Н., которая совершенно не нуждалась, пока во всяком случае, в постоянной заботе.

– Мама, это..., – начал было А.Н., проводя свою спутницу в глубь квартиры.

– Знаю, знаю, моя тёзка Наталья Николаевна, твоя коллега, а я тоже Наталья, только Васильевна, – сказала та, протягивая обе руки для рукопожатия. – Мама этого отставного полковника, врач, пока служу. Ужинать будем?

– Если только чай, – сказала NN, фокусируя какие-то обрывочные мысли. – Зачем, зачем я здесь?

– Ну и правильно, я тоже не ужинаю, но Андрюшу не могу не накормить.

Чай был не тот, но отставить чашку она не решилась. Наталья Васильевна проводила NN в комнату, где стояла красивая двуспальная деревянная кровать. Новое постельное бельё в любимую клеточку удивило – как будто её ждали. На тумбочке в синей хрустальной вазе стоял большой букет.

– Люблю цветы, мне пациенты их часто дарят. Вам нравится? – спросила Наталья Васильевна, указывая на букет.

– Да, красиво, – вынужденно согласилась NN, кивнув головой.

– Ну, отдыхайте. Если что – спрашивайте. – Наталья Васильевна вышла из комнаты.

NN несколько раз сбрасывала звонки от Ника. На его SMS: «Где ты? Я сейчас подъеду» – набрала текст: «У меня всё в порядке, я сплю».

Но спать она не могла: даже короткие провалы в сон не останавливали крутящийся спиннер, который она никак не могла зафиксировать. Мальчишки, а если её мальчишки узнают, что она им скажет и будут ли они её слушать?

Утром шаги, дверь – Наталья Васильевна что-то кладёт на стул, кажется халат, который NN чуть позже надела и вышла из комнаты.

– Чай, кофе? – спросил А.Н., увидев NN, когда она в чужом халате появилась в проеме двери.

– Доброе утро, кофе, да кофе, – она боялась проговориться, что чай вчера был неправильный.

– Располагайтесь, Наталья Николаевна. Мы одни, мама ушла в свою поликлинику. Не знаю, что вы едите на завтрак, – А.Н. старался быть непринуждённым.

– Да я всякая, к сожалению, поесть люблю, но мне нужно домой, – пристальный взгляд А.Н. заставил Наталью Николаевну выложить свои планы.

– Во-первых, нужно переодеться, во-вторых, я хочу купить машину. Вы мне поможете, Андрей Николаевич?

– А мы успеем за день?

– Должны успеть. У вас сегодня как?

– Две пары.

– Тогда успеем! – NN резко встала со стула, намереваясь действовать прямо сейчас.

– Наталья Николаевна, ну дайте мне накормить вас. Каша, омлет, творог, гренки? – А.Н. подошёл к ней и, взяв за плечи, опустил на стул, – ну, пожалуйста.

– Тогда кофе и гренки, – сказала NN, и с беспокойством поняла, что нет чашки, из которой пьёт только она, заранее понимая, что и кофе, как и чай, не может быть вкусным из другой чашки.

– Кофе со сливками? Сахара сколько?

– Нет, нет, ни сливок, ни сахара, только черный, горький кофе.

140

– А как же с тем, что кофе должен быть горячим и сладким, как поцелуй девушки.

– Я с девушками не целовалась, поэтому про поцелуй ничего не знаю.

– Теперь я кофе вам буду подавать только горьким, но всё-таки горячим. Идёт?

А.Н. не собирался ей перечить – он хотел, чтобы она расслабилась. NN улыбнулась – ну зачем она ему дерзит?

– Хотите за руль? – спросил А.Н., когда они вышли во двор.

– Нет, нет, днём боюсь.

– Ну, это сначала. Освойтесь.

Ехали молча, только несколько уточняющих вопросов: она боялась сократить, а он увеличить дистанцию между ними. А.Н. остановил машину возле её дома:

– Мне вас подождать? – спросил он, сжав левую руку NN.

– Нет, я долго. Я позвоню, – хлопнула она дверцей.

– Планы не изменились? – громко спросил А.Н., открыв свою дверь.

– Мне нужно будет оформить кредит – денег может не хватить.

– Наталья Николаевна, давайте так: я вам выдам ссуду, если что-то не получится.

– Исключено. Нет, не предлагайте, – и она решительно направилась к подъезду.

Ника дома не было. Может быть, он и не на работе, а разыскивает меня. NN достала из кладовки чемодан и стала, не расправляя, кидать в него вещи, которые обычно брала с собой в командировки: маникюрные принадлежности, бельё, блузки, жилетки, джинсы. Но потом, передумав, стала всё перекладывать в большую дорожную сумку.

Сегодня у неё нет занятий. Она не могла себе сказать хорошо это или плохо: если бы сегодня был плотный рабочий график, она вряд ли делала то, что делает сейчас.

На телефоне лента неотвеченных звонков и SMS от Ника. Подошла к принтеру и взяла листок из стопки черновиков, чтобы написать записку Нику. Форма обращения сразу ввела её в смятение – “Ник” было родное, почти интимное, “Николаем” она его никогда не называла. Ну, не по имени-отчеству обращаться в конце концов. В памяти всплыло “Николя”, и это её развеселило. Она писала длинные предложения, слова её не слушались, она их перечёркивала, брала новый листок и снова писала, пытаясь объяснить что-то необъяснимое и непонятное даже ей самой. Наконец она набрала на компьютере короткий текст:

– Ник, я приняла решение. Позвоню сама.

Как подписаться? “Твоя” уже не годилось. А кто? “Чужая?” или “не твоя”, и, помедлив, она нажала на клавиатуре красную букву “Я”. Распечатав записку, NN широко и, как ей показалось, красиво расписалась рядом с буквой “Я”. В студенческих зачётках, где ей приходилось часто расписываться, места было мало, и подпись получалась куцая, невыразительная. Она удовлетворенно смотрела на вязь букв, понятных только ей.

Надо проверить документы, зайти в банк, в бухгалтерию... Много “надо” крутились у неё в голове, как у подпольщика, который идёт на задание и прокручивает в голове все риски – что-то может пойти не так. Времени оставалось в обрез, и, не закончив сбор вещей, NN заторопилась в ближайшее отделение Сбербанка. Надо выяснить: какой всё-таки суммой она располагает, как оформлять кредит, задать ряд уточняющих вопросов.

В банке, взглянув на часы, позвонила А.Н.. Он ответил сразу, как будто телефон уже был на связи.

- К моему дому можете подъехать?
- Я рядом, жду.
- Андрей Николаевич, не подъезжайте, пожалуйста, к подъезду.
- Меня там нет.

NN возвращалась стремительно, то ли догоняя убегающие мысли, то ли убегая от них. Машину А.Н. она не увидела, а может быть, просто не могла сфокусировать взгляд ни на одном предмете.

В квартире долго искала место, куда можно положить напечатанную на принтере записку, в которой большую часть занимала её размашистая подпись, и, наконец, положила её на плиту под чайник, подумав, что уж чайник то Ник обязательно поставит. Надо взять свою чайную чашку. Изящную орхидею на тонкой стенке костяного фарфора NN всегда поворачивала к себе, даже когда чашка была уже пуста. Протянув руку за чашкой, которая висела на подвесном крючке на сушилке, NN подтолкнула её, чтобы перехватить другой рукой, и чашка, подпрыгнув, нырнула в раковину, разлетевшись на кусочки в разные стороны. NN перебирала в раковине черепки, пытаясь сложить в цветок осколки, но цветок распадается на бутон, листья, стебель. Такой чашки она нигде не купит, таких больше нет.

142

Прижав вещи в сумке, несколько раз протащила туда-сюда бегунок молнии, который каждый раз что-то цеплял и застревал посередине. Так с не застегнутой до конца молнией она и вошла в лифт, где с ней поздоровалась Раиса Петровна – женщина, добровольно взявшая на себя обязанности старшей по дому и со всей ответственностью эти обязанности выполнявшая.

– Наталья Николаевна, я вам звонила и писала. Вы видели SMSку от меня? У Маргариты Николаевны из семьдесят шестой муж погиб – авария. Вот собираю деньги. Сдавать будете?

– Да, да, конечно, – NN на ощупь нашла кошелёк в сумке, висевшей на плече, лифт остановился, и, засуетившись, она бросила кошелёк назад в дамскую сумку, чтобы подхватить дорожную.

У подъезда они остановились. NN протянула тыщу.

- Наталья Николаевна, сдачу нужно?
- Нет, нет, не надо.
- А вы далеко? В командировку?
- Да, на конференцию, такси уже ждёт.
- А когда возвращаетесь? – спросила Раиса Петровна не столько из любопытства, сколько для порядка.

– Не знаю, Раиса Петровна, не знаю, – NN, накинув капюшон, покатила сумку, разноцветное содержимое которой просматривалось снаружи.

NN обогнула дом, посмотрела в одну-другую сторону и, не найдя машины А.Н., направилась к дороге. Еще не дойдя до перекрестка, она увидела белый Volkswagen, который остановился, пропуская её через пешеходный переход. Быстро протаскив через зебру сумку, NN повернула налево и пошла вдоль дороги. Volkswagen остановился возле неё, пассажирская дверь открылась:

– Располагайтесь, Наталья Николаевна, – и, выйдя со своей стороны, А.Н. быстро обогнул машину, чтобы поставить в багажник дорожную сумку.

– Всё в порядке?

– Не знаю, – ответила она, как преступник, не уверенный в том, что не оставил следов.

– Ну что? За покупками в магазин? – А.Н. попытался снять напряжение.

– Да, в автосалон, – сказала она решительно.

По дороге она всё время оценивала обстановку вокруг и вынужденно признавалась себе, что вот здесь она бы не справилась с поворотом, а здесь не смогла перестроиться.

Автосалоны были в основном за городом – туда и спешили они вместе с потоком машин, который не давал стремительно разогнаться.

В первом же салоне на них набросился молодой человек с вопросами: “Что вас интересует?” и ”Чем я вам могу помочь?”

– Если вы скажете еще хоть слово – мы уйдём, – NN, не останавливаясь, обошла его.

– Спасибо, мы спросим, а пока осмотримся, – А.Н. попытался снять резкость её слов.

Они переезжали из одного салона в другой и снова возвращались, интересуясь ценой, спрашивая про цвет, уточняя проценты кредита.

– Наташа, что мы ищем? – наконец спросил А.Н.

– Мы ищем «Киа Рио», – убежденно ответила NN, заметив сканное “Наташа”.

– Почему «Киа Рио»?

– Оптимальное соотношение цены и качества, – NN с усмешкой озвучила рекламный штамп. Она не хотела признаваться, что слышала от Ника что-то хорошее об этой машине.

– Едем! – А.Н. решительно взял NN под руку и повёл к выходу.

В салоне, куда приехали, он задал несколько вопросов одному из встречавших посетителей менеджеров, тот, указав рукой направление, повел их через боковую раздвижную дверь на площадку, где в два ряда стояли разноцветные автомобили. NN медленно пошла вдоль рядов, задерживаясь около некоторых машин, оценивая “нравится – не нравится”. А.Н., взяв её за руку, быстро повёл к известному ему месту. Когда они остановились, слева и справа от них стояли автомобили «Киа Рио».

– Цвет важен? – спросил А.Н.

– Только цвет и важен, – засмеялась NN.

– Розовой нет, – поддержал иронию А.Н.

– Но есть темно-вишневый, – остановилась NN, сделав свой выбор.

– Этот цвет называется Багровый Красный жемчуг, – подсказал молодой человек, который всё это время не досаждал комментариями, но поздравил, ожидаемо, с хорошим выбором, предложив посидеть в салоне автомобиля. NN осторожно села в салон хэтчбека, несколько раз доверительно провела сверху вниз по окружности руля и тихо спросила:

– Дружить будем?

Вернувшись в здание автосалона, долго оформляли покупку. Девушка, непрестанно поправляя зелёный с белыми разводами шейный платок, предлагала внимательно читать договор на кредит, чего NN никак не могла сделать, и задавала уточняющие вопросы. А.Н. настаивал обойтись без кредита.

– Андрей Николаевич, мы это уже обсуждали – не предлагайте!

Онлайн-банк оказался не так скор, как ожидалось, и всё требовал и требовал подтверждения, что она – это она. NN нервничала, боясь, что что-то пойдёт не так.

Дама, оформлявшая автострахование, что-то говорила и говорила об ОСАГО, КАСКО, называла другие буквы и предлагала для надёжности и уверенности выбрать какой-то вид страхования, при котором страховка спасёт от всего.

– Insurance... Sure? Нет, я ни в чём не уверена, – NN посмотрела на страхового агента, и та, запнувшись на полуслове, замолчала в растерянности. На выручку ей поспешил А.Н.

– Наталья Николаевна шутит. Страхование по-английски “insurance” от “sure”, что значит “уверенный”.

По мере оформления покупки волнение переросло в беспокойство, а беспокойство в тревогу – правильно ли она делает. Несколько раз хотела позвонить Нику и спросить совет, но, возвращаясь к происходящему, вспоминала, что даже телефон отключила, чтобы не отвечать на его звонки.

Когда ей вручили с поздравлениями ключи, она так устала от происходящего, что хотела было сказать, что приедет завтра.

– Стикер «Начинающий водитель» наклеить? – спросил услужливый менеджер.

– Водительские права у меня лет двадцать, – парировала она.

– Наталья Николаевна, я впереди, вы – за мной. Хорошо? – А.Н. выкатил багровую «Киа Рио» со двора. – Еще заправиться надо.

Volkswagen плавно тронулся с места и медленно покатил к трассе, за ним, дернувшись, рывком прыгнула «Киа Рио».

Они медленно ехали по направлению к городу, вызывая раздражение подпирających сзади машин, которые одна за другой, обгоняя, въезжали в красный зев заката.

Отклонение на заправку – и вся операция прошла штатно, хотя при выезде на трассу NN долго не решалась повернуть. А.Н. остановился на обочине и терпеливо ждал, когда она вырулит на пустую дорогу.

Так ведомая, «Volkswagenом», «Киа Рио» оказалась во дворе дома А.Н. Самостоятельно припарковаться NN не решилась и остановилась посреди двора. А.Н. поставил «Киа Рио» рядом с «Volkswagenом».

Достав сумку из багажника и взяв NN за локоть, А.Н. твердо повёл её к подъезду.

– Наталья Васильевна не будет возражать? – она хотела подготовиться к новой встрече.

– Мамы нет дома – она на дежурстве.

– Мы будем одни?

– Бойтесь?

– А вы? – парировала она.

– Я очень боюсь.

– Чего?

– Вдруг вы передумаете.

Войдя в квартиру, NN с удовлетворением отметила, что многое в ней она уже знает, а что-то угадывает.

– Обмывать покупку будем? – А.Н. достал из навесного шкафа четырехгранную бутылку с медного цвета жидкостью. – Виски. Шотландский. Они любят в клеточку, – зачем-то добавил он.

“Как моча, – подумала она, удивившись натуралистичности сравнения. – А Ник считает, что ирландский лучше, мягче, говорит”.

– Может быть, сначала ужин приготовить? Вы со мной целый день не ели.

– Ужин готов. Всё на плите и, наверное, в холодильнике.

И, увидев прямой вопрос в глазах NN, продолжил:

– Мама приготовила. Она не на дежурстве – к подруге пошла – не хочет мне... нам мешать.

– Чему мешать? – спросила она, избегая его взгляда.

Глупость вопроса можно было списать только на волнение, похожее на нервное оживление.

– Нам, Наташа, нам, – в голосе А.Н. чувствовалась твердость и нарастающая резкость.

Он поднял её за руки со стула и уткнулся лбом в её лоб, скользя своей шершавой щекой по её пылающей щеке, прижимая её тело к себе, захватывая всю её в своё пространство.

146

– Наташа, как сладко ты пахнешь, – выдохнул он, проводя носом у неё за ухом.

– Это духи, но я не люблю сладкие запахи, – она всё еще пыталась вести предметные разговоры.

– Нет, это не духи, это ты, твой аромат, твой манящий букет, который преследует меня, даже когда тебя нет рядом. – А.Н. повел её в ту комнату, где на красивой деревянной кровати было постельное бельё в клетку.

На тумбочке по-прежнему стоял букет.

– А ужин, ужин остынет, – она всё еще карабкалась по ступенькам эскалатора, который с нарастающей скоростью катил её в лоно греха.

– Разогреем, – сказал он и закрыл дверь в её прошлое.

Ночью NN, взяв с собой телефон, пошла в ванную комнату: неотвеченные входящие звонки от Ника она ожесточённо и методично удаляла из журнала звонков.

Спала ли в эту ночь NN, она и сама не знала. Незнакомые звуки рядом выводили её из себя. Она прижала ладонь к уху, но звуки от этого становились только громче.

– Доброе утро. Как спалось, Наташа? – А.Н. провел по её руке, плечу, а дальше вниз под одеяло в клеточку, которое она торопливо натянула до подбородка.

– Мне нравится клеточка, – сказала она, чтобы не отвечать на вопрос, на который ей не хотелось отвечать.

– Я знаю. – А.Н. откинулся на спину.

– Откуда? – спросила искренне удивившись.

– Помнишь, вы на работе обсуждали подарок на свадьбу Татьяне Александровне, и ты тогда сказала, возражая против цветочков:

– Если постельное белье, то в клеточку.

– Не помню. – NN, надев халат, который ей заботливо вчера утром положили на стул, резко встала. – У меня сегодня первые пары.

Вдруг вспомнила: «Одно из свойств модели – потенциальность как предсказуемость модели и её свойств. А есть еще и управляемость...».

– Я провожу тебя, – А.Н. сделал попытку подняться.

– Нет, я сама. Надо приобретать новые компетенции.

– Да, «...опыт, сын ошибок трудных...»

– «И случай, бог...», – перескочила она через строчку.

Ночная пороша выкрасила все машины в один цвет, и NN с беспокойством осматривала ряд белых холмиков. Найдя свою «Киа», достала из сумки носовой платочек и с усердием начала было сметать снег со стекла, но на нем оставалась молочная ледяная корка, соскоблить которую было нечем. В салоне было холодно и неудобно. «Почему так зябко? У Ника в машине всегда теплое сиденье», – думала она, запуская двигатель. Выезжала со стоянки решительно, с некоторой дерзостью – пусть всё будет так, как будет.

«Зачем поехала на машине? Вполне можно было добраться пешком», – заключила она, наконец поворачивая на стоянку университета. Повернув ключ зажигания и старательно переведя рычаг автомата в стояночное положение, она взялась за ручку двери, подняла голову и увидела Ника, который стоял перед капотом. Помедлив несколько секунд, она собралась с силами и открыла дверь.

– Ты забыла про ручник, – он подошёл к открытой двери. – Твоя?

– Моя!

– Денег хватило?

– Нет – пришлось оформить кредит.

– Довольна?

- Пока не знаю.
- Когда узнаешь?
- Может быть, никогда.
- Машину, вижу, еще не регистрировала. Тебе помочь?
- Мне помогут.
- У тебя есть помощники? – лицо его мгновенно изменилось, став жестким. – И давно помогают?

NN вцепилась в руль, надеясь найти в нём поддержку.

- Наташа, что происходит? – холодно спросил Ник.
- Я всё тебе написала.
- Когда и где? В записке под чайником? – произнес он с усмешкой.
- Я приняла решение, – NN подбирала слова, чтобы уйти от состояния паники и ужаса, накрывавших её.
- Какое решение ты приняла?
- Ник, я ушла от тебя, – вяло произнесла NN.
- Ты ушла от меня или ты ушла к кому-то? – продолжил спрашивать он, не решившись произнести «к другому».

– И то и другое.

148

- Значит, ты ночевала не у подруг, а у друзей.
- Да, Ник, это так.
- И кто этот друг, который утешает чужих жён? – поморщился Ник.
- Ты его не знаешь, – устало ответила она.
- Думаю, что знаю. Это не тот паркетный полковник, хозяин белого Volkswagena, который любезно подвозит своих коллег? – с дерзкой небрежностью спросил Ник и продолжил, – готовый свою машину предоставить в качестве учебного авто, чтобы позабавить даму. “Ничто не ново в этом мире”, только лошадиные силы изменились. Кстати, у Volkswagena есть дублирующие педали?

NN растерянно, с недоумением посмотрела на него.

– Я знаю, что ты сама вела Volkswagen, возвращаясь с конференции – я видел тебя в окно, я видел машину во дворе. Наташа, это случайность, что всё обошлось.

– Но ведь обошлось, – она замкнулась, не желая вспоминать ужас той поездки.

– Я думаю, что ты знаешь, что делаешь, – NN почувствовала апатию в его словах. – Что скажем нашим мальчишкам?

– Ник, пожалуйста, не говори пока ничего, – она просяще посмотрела на него снизу вверх.

– Не буду! Они сами у тебя спросят. Знаешь, Наташа, больше всего человек стремится к тому, без чего легко может обойтись.

– Ник, мне надо на работу – у меня первая пара.

– Да и мне давно пора. Когда встретимся и где? – он снова деланно усмехнулся. – В суде?

– Почему в суде? Я буду приходить за вещами. Иногда. Ты будешь проверять мою квартиру?

– А какую из двух ты выбираешь?

– Ту, что выходит во двор – в ней виден красивый восход.

– Тогда я буду смотреть на закат, – и он пошёл, как показалось NN, ссутулившись к своей машине.

«Ты давление сегодня измерял?» – задавала она вслед ему немой вопрос.

«Если бы это была не она, – думала NN, – то горячо осудила бы ту, которая разрушила всё и предала всех. Как много слов порицания она бы нашла, какие веские аргументы предъявила для обвинения».

Её накрыла тяжёлая пустота, которую надо было нести.

День состоял из незаконченных мыслей, метаний по аудиториям, боязни зайти в преподавательскую и непонимания: куда она поедет вечером? Хорошо, что позвонил А.Н. и сказал, что заедет за ней после последней пары. Осторожно вырулив со стоянки, она поехала, за его машиной, боясь потерять её из виду.

– Андрей, машину надо зарегистрировать, – NN указала на пустую номерную площадку, когда одновременно они вышли из своих машин.

– Да, да, ты завтра сможешь?

– Наверное, смогу.

– Тогда попробуй, – удивил он её своим ответом.

Наталья Васильевна встретила их приветливо и сразу же завела разговор об ужине, спросив, кому что к чаю.

«Ах, да, чай, – подумала NN, – как хочется чаю.» И когда она отказалась от ужина, Наталья Васильевна, указав на плиту, сказала:

– Ну, тогда покормите Андрюшу.

По тому молчанию, которое возникало при её появлении, она поняла, что её новое положение стало известно коллегам. Вопросов не задавали, но без неё оживлённо обсуждали новость. Новую машину определили как подарок от А.Н. Самую убедительную версию вы-

двинула та самая Татьяна Александровна, которой к свадьбе был подарен комплект постельного белья в клеточку:

– Будет защищать докторскую. В Питере.

Как ни странно, скоро отношение к NN на кафедре стало даже лучше, как-то проще: её присутствие никого не напрягало и даже располагало. В ней куда-то ушло чувство оживления – появилось напряжение, твердость взгляда сменились сосредоточенностью, а уверенность в себе – тревожностью.

Вечером, когда спадал поток машин, она колесила по городу.

– Практикуюсь, – объясняла она А.Н. свои поздние возвращения.

Часто, уходя в свой кабинет, А.Н. разговаривал со своими детьми. Это были короткие телефонные звонки или длинные беседы по Skype.

– Они знают про меня? – спросила как-то NN.

– А твои ребята про меня? – ответил он вопросом на вопрос.

На новый год А.Н. засобирился в Питер:

– Соскучился, а их не дожدهшься.

– Может быть, чуть позже поедем: в конце января у меня конференция в Москве, – NN забеспокоилась: новогодние каникулы ей придётся провести вдвоём с Натальей Васильевной.

150

– Думаю, не получится: дети заняты, не хотелось бы их дополнительно напрягать своим приездом, – было понятно, что решение им принято давно, и свои планы он не изменит.

На праздники NN засела за работу. Казалось, она никогда прежде не проверяла так тщательно курсовые работы, не писала такие пространственные комментарии к контрольным, не вела столь долгую уточняющую переписку со студентами и наконец-то закончила статью в сборник, что принесло ей некоторое удовлетворение.

По возвращении из Питера А.Н. вел нескончаемые разговоры с Натальей Васильевной о её внуках, по многу раз обсуждая то, о чём уже говорили.

На конференцию в Москву NN поехала чуть раньше, чем планировала, объясняя это горячим желанием повидаться с младшим сыном. Он уже на последнем курсе. Вот уедет, как старший, работать за границу, только и останутся звонки.

«Как давно я не видела своих мальчишек, какие короткие стали телефонные разговоры с ними, как боюсь я этих разговоров», – думала она, отыскивая взглядом на платформе Казанского вокзала сына.

Они весь день провели вместе. NN больше молчала, слушая взрослые суждения сына. Вечером в гостинице пили чай – заваривали, конечно, сами.

– Мам, у вас с папой всё в порядке? – всё-таки спросил он.

– А почему ты спрашиваешь?

– Мне, да и не только мне, показалось,.. – не стал он заканчивать фразу.

– Мы с папой разберемся, – голос у неё был извиняющийся, как в детском саду, когда она приходила за ним позже, чем обещала.

Новый семестр захватил работой. NN, независимо от расписания, приходила на кафедру первая и уходила последняя.

– Наташа, ты можешь работать и дома, – выражал не столько недовольство, сколько пожелание А.Н.

«Дома как раз и не могу», – думала она про себя, а вслух, стараясь отшутиться:

– Материалы придётся возить машиной.

Фуршет на работе – чей-то очередной день рождения, отяжелённый юбилеем, поэтому и подарок для юбилярки весомее: торжественно вручают духи, которые должны быть ею оценены – Chanel.

– Это любимые духи моей жены, – говорит невпопад А.Н. и после наступившей паузы добавляет, – были.

Традиционные поклоны в сторону мужчин 23 Февраля дополнены словами благодарности А.Н. – единственному военному, хоть и бывшему, на кафедре.

– Да, есть такая профессия – Родину защищать, – кивнул он согласно.

Дома на праздник NN видя, что А.Н. предпочитает деловой стиль, подарила ему галстук из коллекции Brioni.

– Наша главная образовательная задача, – тщательно завязывая перед зеркалом галстук, А.Н. продолжил начатый профессиональный разговор, – подготовка эффективных менеджеров. – NN не стала возражать.

На 8 Марта ей со значительностью были презентованы большой букет и духи. Конечно, это был прямоугольник Chanel с известным номером. Вылить их в унитаз она не решилась, а цветы еще долго умिरали в синей хрустальной вазе.

***

– Что еще? – спрашивает она себя, стоя всё в той же пробке, – не заметила, как продвинулась почти до светофора.

Утром, что было сегодня утром? Ах, да, всё очень хорошо получилось, почти так, как она хотела. Она искала ответы на свои вопросы, и ей ответили.

Выйдя на кухню, Наталья Васильевна завела разговор о том, что у неё скоро день рождения.

– Да, да, Наталья Васильевна, знаю и думаю, что вам подарить.

– Наташа, я вот о чём... – помедлив немного, Наталья Васильевна продолжила. – Машенька, дочка Андрюши, приезжает ко мне на день рождения. Она ведь о вас не знает. Как быть?

NN замерла, не решаясь предложить свои варианты.

– Наталья Николаевна, Машенька, всего несколько дней побудет.

До NN, наконец, дошло, что от неё хотят – она неожиданно уверенно и спокойно сказала, что, конечно же, ей на время нужно уехать. Ясность озарения открыло ей смысл всего происходящего с ней за последние полгода.

152 – Наталья Николаевна, всего несколько дней, пока Машенька здесь. Может быть, к моей знакомой, она уже в курсе? Согласны?

– Не волнуйтесь, Наталья Васильевна, я найду пристанище, – NN пошла складывать свою дорожную сумку.

А.Н. вышел к завтраку.

– Наташа, ну что за сборы... на два-три дня, – он пытался шутить.

– Это как получится, – знает, он знает, о чём они говорили – ей стало всё ясно и как-то сразу просто.

Решение было принято, она успокоилась и даже что-то говорила за завтраком.

– Наташа, я вечером тебя провожу, – А.Н. с Натальей Васильевой стояли у двери. – Договорились? – возможно, он что-то почувствовал.

– Да, конечно, вечером, вечером, – она согласно кивнула, равнодушная ко всему происходящему здесь. Кто эти люди, и как я попала сюда? Почему они не вызвали полицию, когда она пересекла порог чужого дома? Смятение последних месяцев куда-то ушло, освободило от необходимости что-то объяснять, но появилось возбуждение следующего шага: она еще не ушла, но уже вырвалась.

Дверь за мамой с сыном закрылась.

Вещей оказалось неожиданно много, и они не помещались в ту дорожную сумку, которую внес сюда А.Н. «Не возвращаться, только не возвращаться!» – стучало в голове. Она заталкивала что-то еще в большой пластиковый пакет и покидала мелочи в дамскую сумку.

Не веря, что не оставила отпечатков пальцев, вымыла чашку, из которой только что пила кофе и открыла форточку на кухне: чтобы духу твоего здесь не было.

NN, нагруженная вещами, но без усилия шла к своей машине. Весна растопила снег на дорожках, ветер высушил асфальт, солнце, сияясь, не могло пробиться сквозь серое обложное небо, но чувствовалось, что все живое откликается на его тепло.

Куда? В свой дом? Где он? Туда она поедет вечером, когда Ник будет дома, чтобы он всё слышал, а возможно, и видел, когда она вернётся в квартиру с окнами на восход. А сейчас бежать куда-нибудь подальше от этого дома и этих людей, в жизнь которых она вторглась. Куда? На набережную, где они подолгу гуляли с Ником.

NN кружила по городу, возвращаясь по несколько раз к знаковым для неё местам, пока не свернула с Ново-Садовой по давным-давно известному ей маршруту на ул. Осипенко. Справа мозаичные торцы панельных девятиэтажек языком соцреализма говорили о его успехах. Съехав вниз мимо высотки Роснефти из сине-зеленого стекла в стиле high-tech, она повернула на улицу Лесную, на которой лес, если и был, то во времена воеводы Григория Засекина. Где-то подальше – где? она никогда не знала – Лесная переходит в Волжский проспект, который с востока на юго-запад подпирал Волгу. Без труда нашла место для парковки и пошла навстречу ветру. Набережная еще не была оккупирована отдыхающими, но они уже гуляли, бегали, катались и катились, любители шведской ходьбы энергично отталкивались палками. Облокотившись на ограждение, она рассматривала уже лишенный зимней чистоты противоположный берег Волги с тёмными весенними проталинами, с голым лесом, похожим на коралловые рифы со множеством оттенков серого. Эти места она хорошо знала по лыжным прогулкам еще со студенческих лет, когда Ник, оглядываясь, вел её по проложенной им лыжне.

Весенний лед откалывался, как разбитое стекло, большими кусками и, не сопротивляясь превосходящей его силе, дрейфовал, подчиняясь движению реки. NN медленно шла по набережной, вбирая кру-

пицы ощущений, кратчайших мгновений жизни, которые проникали, пропитывали и заполняли её ощущением свободы и ясности, которые она не решалась назвать счастьем. Впереди чудная парочка – наверняка студенты – заняты собой и миром – один планшет и одни наушники на двоих – культурный код совпадает. Дойдя до здания бассейна, с вышки которого они когда-то прыгали, преодолевая страх и ведомые страстью преодоления, поднялась на несколько ступенек к поющему фонтану, который был еще не в голосе, и повернула назад. Она шла против течения Волги, помня, что в одну воду нельзя войти дважды.

***

Наконец «Ford», за которым непрерывно следовала «Киа Рио», нетерпеливо рванул на зелёный свет и стремительно унесся куда-то до следующего светофора. За ним и NN уверенно выехала на перекресток, притормозив перед потоком встречных машин. Вот уже зелёный глаз светофора стал подмигивать.

– Куда, куда вы несетесь? Мне нужно завершить поворот, – осуждала она желающих проскочить на последних секундах зелёной волны.

154

Яркий желтый свет светофора наконец остановил дерзких водителей, мешавших ей повернуть налево, и она резко нажала на педаль газа, стремясь выскочить из перекрестка. Слева мощный чёрный «Volkswagen Touareg» с уверенностью полного привода прокладывал себе путь, и, обогнув колонну терпеливо ожидавших попутных машин, на последней секунде жёлтого, вылетел на перекресток. Тёмное пятно как цунами обрушилось на NN, вызвав удивление и вопрос, который она не успела до конца сформулировать:

– Почему? Всё правильно! Я правильно совершала левый поворот...

Экипаж ДПС, оперативно прибывший на происшествие, решительно оттеснил многочисленных зевак от машины «Киа Рио» тёмно-красного цвета, которая в своем сложном и непонятном движении практически перекрыла проезд.

– Что за перекрёсток? На нём всегда что-то происходит, но чтобы так... – поморщился капитан, глядя через пустой проём лобового стекла на женщину, которая зафиксированная ремнём безопасности и покорёженным металлом застыла в обречённом безмолвии в осколках разбитого бокового стекла.

– Скорая, скорая едет, – слышались голоса.

– Не поздно ли, – оглянувшись, сказал про себя офицер.

Неожиданно в салоне «Киа Рио» зазвонил телефон, и капитан, осмотревшись, обошёл машину, легко открыл дверь и, мгновение помедлив, взял смартфон, лежавший на пассажирском сидении. Значок телефонной трубки на экране настойчиво распространял волны от Ника.

– Капитан... – собирался он представиться, но на другом конце уже говорили.

– Ваш муж доставлен по скорой. Инфаркт, наверное, инфаркт. Вы скоро будете?

Екатерина Яшина

БОЛЬШОЙ КОВШ

А впереди розовели поля гречихи и разливались солнцем по склонам рапсовые бутоны. Безмолвными призраками в лесах, словно мачты утонувших в траве кораблей, стояли электрические столбы, тянувшие свои провода-сети далеко за горизонт.

Под старым мостом убегал в заросли плакучих ив шустрый ручей, унося с собой в плавание тёплые дожди и чей-то веночек из полевых цветов.

— Это кто, мам? - почти прислонившись носом к коричневому жуку с огромными ресницами, спросил маленький Лёня.

— Майский жук, дружок.

— В городе таких нет?

— Почему нет? Есть, только почему-то не видно.

— Может, прячутся от машин? - удивлённо пожал плечами мальчишка.

— Может и так, - согласилась мама.

На пригорке, над руслом деревенской речушки, возвышался остов древнего храма. В пустой полуразрушенной колокольне таинственными голосами завывали тихие ветры. Мхи и лишайники укрыли своим мягким одеялом ступени паперти и поблекшие образа на стенках.

— Замок, - мечтательно подпер загорелую щеку рукой Лёнька.

Мама засмеялась и погладила фантазёра по светлой макушке.

— Почти. Это храм был когда-то.

— И что с ним стало?

— Разрушился от времени. Ему уже много лет.

— Больше, чем дедушке? - не поверил мальчик.

— Больше! Гораздо больше.

— Сто миллионов? - развёл Лёня руки широко в стороны.

— Вроде того! Идём?

Лёнька, не отряхивая колен от сельской пыли, побежал вперёд быстрее матери, то весело подпрыгивая, то вырисовывая в воздухе палкой какие-то, известные только ему одному, волшебные знаки.

— Я сражаюсь, мам!

— С кем, интересно знать?

– С невидимыми великанами!

Мама достала из холщовой сумки кособокую темно-зеленую грушу.

– А подружиться с ними нельзя? На, вот, угости их. Может тогда они пропустят нас в развалины своего замка?

Мальчишка засмеялся, выхватил грушу из мамкиных рук, надкусил верхушку и, слизывая липкий сок с ладошек, стал кричать: «Только половину! Вторая - моя!»

– Ох, хитрец! - покачала головой мама.

– Слышишь? - замер вдруг Лёня.

И мама услышала. Глухое эхо где-то в сосняке растянуло: «Половину-вину-вину!»

– Великаны тебе ответили!

– Правда? - хлопал большими карими глазами мальчишка.

– Конечно! Ну же, смелее! Догоняй!

Лёнька дивился арочным сводам, которые он тут же окрестил туннелями, чудным колоннам и куполу, в котором поселился кусочек облачного неба.

– Это будет наш секрет, - решил мальчик, - только наш!

– Ладно.

– Никому не скажешь?

– Нет.

– Даже папе?

– Даже папе.

– Правильно, - свёл Лёнька брови, - я ему сам расскажу!

Мама незаметно хихикнула.

– Ну что, путешественник, куда дальше? В яблоневоый сад? Или до мельницы?

– Туда! - отрапортовал Лёня, завидев вдалеке тихую гладь синего пруда, с островком кувшинок.

На дачу вернулись в сумерках, повстречав по пути двух ежей, сову и соседскую кошку Ньюру, высматривавшую что-то в зарослях камыша.

– Как темно!

– Только окошко наше светится. Папа работает, заждался, небось, - поторапливала мама сына.

– Звёзд много, - оттягивал Лёнька время сна, - я таких никогда не видел! Только здесь.

– Твоя правда, в городе смог, там сияние редко просачивается. Не отставай.

– А это что висит над нашей крышей?

– Большая Медведица - созвездие.

– Какая же это медведица? Это же ковшик! Как наш, где мы кашу варим! Вот ручка, - очертил мальчик пальцем фигуру, - длинная!

– Ручка длинная, и день был длинный. А у кого-то уже живот урчит.

– Это лягушки поют! - залился звонким смехом Лёнька.

Папа вышел на веранду, высматривать своих лесников, с маленькой алюминиевой чашкой в руке, от которой тянулся вверх белой полоской дымок, с запахом сосновых почек и мяты.

– Находились? - помахал отец рукой приближающимся путником. - Не страшно в потёмках?

– Нет! - ответил Лёня. - У нас фонарь! И мы были у великанов в замке!

– Прямо у великанов?

– Да! И аиста видели, далеко-далеко! В роще муравейник выше меня. А мама крапивой обожглась, но я её пожалел.

– Молодцом! - похвалил папа.

– Пап, - поднялся мальчик по дачным ступеням, - мне тут больше нравится. Можно еще остаться? И каша из ковша вкуснее. Который над крышей висит.

– Из какого ковша, над какой крышей? - выгнул папа шею в поисках летающей посудыны.

– Это большой медведицы ковш, она его потеряла, а мы нашли.

– Ну, сказочник, - шепнула мама папе.

Отец почесал бороду, поставил чай на перила и мечтательно уставился на звёзды.

– Ну раз ковш нашли, придётся остаться. Будем в нём щи варить. Вон, тётя Шура вам вилок капусты передала.

– Ура! - обрадовался Лёнька и сладко зевнул, все еще думая, почему ковш - это медведица.

ПОТОП

Вода прибывала со скоростью света. Как в древних сказаниях Месопотамии. Точно небеса снова разгневались и обрушили на сельский народ все мировые воды.

Кубань бурлила и шипела, словно Анхель, снося все на своём пути. Вдоль разрушенной трассы, в грязных глинистых потоках, плыли заборы, машины, угодивший в ловушку стихии скот и мотильные кресты.

Путь к станции отрезало со всех сторон. Линии электропередач оборвало. Для сельчан наступил настоящий конец света.

– Анька, своих всех нашла? - спрашивал соседку местный фельдшер.

– Стёп, всех, вроде. Мать здесь, отец, Володька за песком с мужиками поплыл.

– Собака ваша где?

– У мамки за пазухой. Испужалась шибко.

– Никому помощь не нужна, значит?

– Получается, никому! Слава Богу!

Степан пробирался, по пояс в воде, к чётным, вверх по Фрунзенской. Дома там пострадали сильнее остальных. Когда поток хлынул, хаты, что стояли ближе к берегу, смыло первыми.

– Степан, ты куда?

– Баб Рая где?

– Не видал! У Минько сарай уплыл.

– Да знаю. Как коробку картонную подхватило.

– Агась! МЧС все звонят, телефоны обрывают. Пока ничего что-то.

– Связь, мать её, не ловил! Столбы завалило.

Дядя Миша на это выругался трёхэтажным, смачно плюнул и стал дальше вещи на крышу перетаскивать. А фельдшер уже на брас перешёл.

– Кто баб Раю видел?

Сельчане в ответ лишь руками разводили, да обеспокоено шептались.

Степан набрал побольше воздуха в легкие и нырнул. Вода была мутной, илистой, не видать ни зги.

– Слышь, Ихтиандр Кузьмич! Ищешь чего?
– Не чего, а кого. Ленка плачет, баб Раи нет.
– А она сама где?
– У нас, на чердаке сидит, с женой моей. Её балкой огрело, к изгороди нашей прибило, без сознания.

– Откачал?
– Откачал. Где же бабка...

Женщины охали и ахали, прижимая ладони к губам. Кто-то оплакивал утонувших коз, кроликов и прочую домашнюю живность. Кто-то пытался спасти хоть какую утварь. Со всех сторон доносились крики, шум, гам. Вдалеке слышался гул чьей-то моторки, вдоль по улице, вместо старых шестёрок и тракторов, качались на волнах, привязанные к верхушкам оград, надувные лодки.

– Баб Рая! - позвал что есть мочи Степан.

Ни ответа, ни привета. Местные уже подключились. По домам спрашивали, кто старушку последний раз видел.

– Стёпа! Нашёл?
– Да не нашёл ни фига! Нет её!
– Ох, горе то какое.

– Рано причитать, Матвеевна! - злился на сельчанку Степан.

Прочесал фельдшер все возможные подвалы, первые этажи ближайших к бабе Рае домов. Ничего, только столы со стульями повсюду плавают, да газеты размокшие.

– Вылезай, Кузьмич. Нет больше смысла. Унесло бабку, - снимая с головы сальную кепку, прошептал дед Андрей.

Стёпа убрал прилипшие волосы со лба. Он уже мысленно смирился, да готовил в уме скорбную речь для внучки бабкиной.

– Ты как-то помягче, у ней никого не осталось. Сирота, девка. Теперь совсем сирота.

– Не дави, дед. И без того тошно.

– Ну ты это, врач, какой-никакой, вас там учат ведь, чего да как говорить...

– Этому не учат, - вздохнул Степан.

Соседский паренёк довёз озябшего фельдшера на отцовской вёсельной прям к воротам, чтоб пневмонию не подхватил.

– Папке скажи, у меня от времянки недостроенной кирпичи с блоками остались, пусть заберут.

– Не жалко, Кузьмич? Они ж денег стоят.

– Да на кой они мне теперь. Спасатели выехали?

– Выехали, говорят. БТРы с части городской пригонят, чтоб забрать тех, кто без крова остался. Иначе к нам не прорвёшься. Река магистрали к чертям затопила.

Степан, в знак благодарности, махнул парню рукой и стал забираться по приставной лестнице на чердак, перебирая в голове слова, с которых следовало начать плохую новость. Да только забрался до середины, как с соседней улицы вопли послышались.

– Фельдшер где? Зови фельдшера.

«Что за?!»- подумал Степан и стал спускаться обратно в холодную воду.

– Кузьмич! Ку-узьмич!

– Слышу! Плыву уже, чтостряслось? - торопился Степан на лоса соседей.

В затопленном огороде, на дровяных заготовках, лежало бездыханное тело бабки Раисы. Вокруг неё собралась целая толпа плакальщиц. Одни молитвы читали, другие пытались сотовую связь поймать, чтоб главврачу столичному дозвониться.

– Не успеет Дмитрий Саныч. Помогите. Да хватит рыдать, помогите перенести.

– Куда?

– На кудыкину гору! Хоть в кузов Камаза Витькиного. Быстрее, твою ж налево! Быстрее!

Три пары рук подхватили старушку и перетащили на первую попавшуюся возвышенность.

– Одеяла несите, какие остались! Несите! Давай, баб Рай, не подведи. Раз, два, три. Раз, два, три. Ещё! Раз, два, три.

– Слышь, фельдшер. Она уже всё, - пытались остановить Степана мужики после очередной попытки завести сердце старушки.

– Руки убрали! Раз, два, три! Раз, два, три! Раз, два...

– Померла Райка.

– Раз, два, три!

– Померла. Пусть земля ей пухом.

– Раз, два, три! Раз, два, три!

– Кузьмич! Кончай. Отдала бабка богу душу.

– Раз, два, три! -еще громче закричал Степан, вытирая и без того мокрым рукавом шерстяного свитера заслезившиеся от отчаяния глаза.

Баба Рая не дышала. Подол её кухонного передника прилип к животу, лицо было белое-белое, а губы посинели.

– Раз, два, три! -сдался фельдшер.

– Всё, Стёп. Ты сделал, что мог, - похлопал Степана по спине тучный сосед, - отдохни иди. Не ровен час, сам сляжешь, с воспалением или ещё какой дрянью.

Фельдшер стоял на коленях, перед телом старухи. Он поднял глаза ввысь, туда, где на горизонте виднелась часовня на том берегу кургана. Да всё хотел понять, видно ли оно, когда душа на тот свет уходит.

– Не видно! Значит, не ушла, - сказал, как отрезал.

– Что это он? - ошалели сельчане.

– Раз, два, три! Раз, два, три! Раз, два, три! Я Гиппократу клятву давал! Раз, два, три!

И тогда, когда уже казалось, что здравый смысл фельдшера уступил место безумию, руки бабы Раи вздрогнули, и изо рта с громким бульканьем вылилась рвота пополам с водой.

– Жива-а-а-а! Ёлки палки! Жива!

162

Баба Рая, поддерживаемая заботливыми руками фельдшера, слегка привстала. Она внимательно вглядывалась во все лица, мелькавшие вокруг неё, но так и не поняла, что произошло.

– Стёпка, - хриплым голосом произнесла старуха, - а ты чего это ругаешься? Тебе по статусу не положено!

– Не положено, Раиса Яковлевна, не положено! - засмеялся уставший Степан.

СЕЛЬСКИЙ БЛОГЕР

– Татка, чего за блохер такой, слышь, Тат? Это хто вообще?

– Это тот, кто блох гоняет, - злобно стукнула полотенцем по пролетающей мухе потная от летнего зноя женщина. - Ты его ещё послушай, ага, послушай! Они же сейчас все блогеры эти. Смотри-ка! Мода, значит, пошла. Как матери копать помочь, так он занят, лодырь. Зову по два часа. А он мне знаешь чего?

– Чего?

– Я, говорит, видосик пилю, не мешай! Мамке родной! Слыхала.

– Ой, - прикрыла рот руками баба Поля.

– Вот тебе и ой. Пилит он. Лучше бы дрова попилил. Зимой как припрет, так он первый бежит зад свой у печки погреть. Что отец, что сын. А, - плюнула Татка, - яблоко от яблони.

Стёпа прибавил громкость в наушниках и стал дёргаться в такт битам.

– Делает вид, что не слышит.

– Может выпороть? - схватилась бабка за сердце.

– Да куда, тётъ Поль, куда его пороть? Уже вон детина какая. Сам кого хочешь выпорет. Ты телевизор смотришь? Сегодня я его выпорю, а он назавтра грех на душу возьмет, - громко всхлипнула женщина. - С психикой у них у всех того-сяго. Не знаю, ничего не знаю. Степа-а-а!

В серванте от Таткиного контрольно зазвенел советский хрусталь - подарок дорогих свёкров на ситцевую свадьбу.

– Степан! Твою дивизию!

– Чего ты орешь, слышу я, слышу, - парень выдернул из ушей провода и погасил экран мобильника.

– Орешь! А! Да как ты со мной разговариваешь! С девками своими так разговаривай! Ты список на лето прочитал?

Подросток схватил со стола ещё не мытый огурец с грядки, откусил хвостик, плюнул в мусорное ведро и промахнулся.

– Какой список?

– Пушкина! - кинула в сына кусочек сырого теста Тата.

– Саша Пушкин поехал кукушкой, - перевернув кепку козырьком назад, загнусавил речитативом Стёпка.

– Это стих такой? - округлила глаза бабка Полина.

– Ну ты - тундра, баб Поль! Это, типа, рэп, - встал в позу подросток.

– Репа? - не расслышала старуха.

Парень засмеялся и в очередной раз отхватил за это от матери.

– Да не репа, Полина Захаровна, а рэп! Рэп! Рэп, - повторила для закрепления материала Татка.

– Чего такое?

– Типа, музыка такая, - доел Стёпа огурец и принялся за помидор, приготовленный на засолку.

– Типа! Вот именно, что типа! Никакая эта не музыка. Дрянь, ей богу! Ни уму, ни сердцу.

– Я крутым хип-хопером стану, увидишь, - непоколебимо ответил подросток. - Соберу подписчиков!

– Хлам свой лучше в комнате собери!

– Не хлам! Типа творческий беспорядок. Он помогает мне творить.

– Ну что с ним делать, тётъ Поль? - вытерла мучной рукой лоб Татка.

– Замесить, - вздрогнула приснувшая в духоте бабка.

– Кого? - мысленно представила себе кулачные бои с сыном Тата.

– Так тесто, чего на него смотреть!

***

– Начинаем, типа?

164

Заброшенный коровник в километре от сельского кладбища пестрел свежими граффити руки неумелого мастера. Который сам себя, меж тем, считал королем уличного искусства. Спорить с ним никто не решался. Ведь у горе-художника, кроме баллончика с краской, был ещё и перцовый, на раз-два превращающий обидчиков в орущих красноглазых бесов.

– Чичика нет, слышь. Подождём, короче?

– На фига?

– Так он помочь обещал. У него чел есть в городе.

– Чё за чел?

– Он, короче, в накрутках шарит нормально.

– А нам, типа, зачем?

– Чтобы сразу круче стать. Не сечёшь?

– Чего почём?

– Да вон он! Прикатит, спросим, короче.

По пыльной просёлочной дороге гнал, изрыгая чёрные бензиновые клубы, собранный из разных деталей малиново-желтый мотоцикл. На дерматиновом сиденье, снятом со старого велосипеда,

гордо восседал долговязый Чичик с сигаркой в зубах. Курить пацан умел так же красиво, как и вешать лапшу на уши.

– Здоров, братаны! - резко притормозил у разрушенной стены долговязый.

– Эй! Сам чего, как там?

– Нормально сам. Вы чё?

– Тоже норма, короче. Это - Степуха, - представил Чичику своего друга парень со шрамом на лбу.

– Приветствую, - протянул Чичик заляпанную мазутом руку. - Это тебе накрутки нужны?

Степан от чего-то сильно покраснел и начал теревить кончик носа указательным пальцем.

– Типа да. Не знаю, - сомневался Стёпа.

– А чё не знаешь, ты же крутым стать хочешь? Бабки, тёлочки, да?

– Ну, - закивал Степан.

– Баранки гну, - заржал Чичик. - Пять косарей есть?

– Пять? - Стёпа посмотрел на друзей.

Все молчали. Таких денег никто из старшеклассников и в руках не держал.

– Не, откуда? - растерялся Стёпка. - Как матушкины ползарплаты.

– А ты как хотел? - заглушил Чичик мотор. - Хочешь же своё дело в массы двигать?

– Типа хочу.

– Вот, другой разговор, - хлопнул долговязый Степана по плечу.

- Значит, найдёшь пятёру. Принесёшь, я тебе помогу страницу раскрутить. Лады?

Стёпа искал поддержки у пацанов, но они опустили глаза в пол и старались не поднимать их до тех пор, пока Чичик, вставив в дырку между зубов очередную сигарету, не умчался на своём железном коне.

Выдержав долгую паузу, растерянный Степан вдруг заговорил.

– Типа же вместе хотели рэп писать для блога? Может, скинемся?

– Это, Степуха, короче, туда-сюда, я прям голяк. Без обид, да?

– Колян, а ты? - обратился Стёпка к однокласснику с козлиной бородкой, которая торчала во все стороны, как молодые побеги кактуса.

– А? - прикинулся глухим Кузя.

– Блин, мужики! Ну может типа сами попробуем чего намотить?

– Вряд ли, Степуха. В топчик просто так не пролезешь. Там, короче, связи нужны. Смысла нет рыпаться. Если бы бабло было.

- Типа, думаешь, все за лаве вылезают? Это ж искусство.
- Так оно ж, короче, требует жертв.
- А талант? Типа, его же не купишь?
- Да не, наоборот, короче...

***

- Стёп, ты чего там заперся у себя? Выйди хоть, дядь Миша приехал. Поглядеть на тебя хочет! Оденься только поприличнее.

- Иду.

За дверью послышались недовольные вздохи и скрип половиц. Степан, приглаживая взъерошенные от кепки волосы, появился перед гостями в помятой цветастой майке, поверх которой он надел школьную рубашку в голубую клетку.

- Хоспади, - закатила глаза мать, - хоть бы позорище это застегнул.

- Чего? Я, типа, прилично же вышел. Рубашка там, короче, - не понял мамкиных наездов Стёпа.

- Татка, да ладно тебе, - обнял племянника Михаил Сергеевич. - Здорова, Стёпка. Как ты вырос! Мужик совсем стал. Совсем! Выше бати уже. Да, Тат? Ещё чуть-чуть, отучишься, будешь семье по хозяйству помогать! Вымахал, помощник, на матушкиных-то борщах. Красавец! Ну, садись. Чего будешь?

- Да я поел, короче. Не хочу пока ничего.

- Татка, попить сыну налей. Жарко.

- Не семимесячный, сам к себе графин подвинуть может, - отмахивалась кухонным полотенцем от садовых мух Тата.

- Рассказывай, Стёп, - плеснул себе и племяннику полный стакан кваса дядя Миша. - В школе как? Хорошо все?

- Нормально, короче. Ну, по-разному.

- По-разному, - гавкнула на Стёпу Татка. - Слыхал, как у них это теперь называется. В наше время это лодыри были и бездельники. А у них - по-разному!

- Ой, можно подумать! - улыбался Михаил Сергеевич. - Пацаны - они и в Африке пацаны. Чего говорить. И побаловаться тоже надо. Хочется же!

- А в колледж за него я поступать буду? - отвернулась мать к окну и обиженно засопела.

- Брось, сам он все сделает. Правильно, Стёпка?

- Типа да, - пожал Степан плечами. - Сейчас, короче, даже образование не так важно.

- Почему? - вытер потный нос бумажной салфеткой дядя Миша.
- Он у нас блогер! И этот ещё, - била себя ладошкой по лбу Татка.
- Репа!
- О! Рэпер, точно, тётъ Поль!
- Это видео, что ли, всякие? - спросил Михаил Сергеевич Степана.
- Типа и видео, и хип-хоп.
- Два в одном? Как шампунь и гель для душа? - захохотал дядя Миша.

Родня, собравшаяся за огромным столом под берёзой в огороде, дружно загоготала в ответ.

- Ага, - не обиделся Степан.

- А в чем же приколы? Зачем в одной кастрюле и харчи варить, и белье кипятить? Я ещё понимаю слесарь-автомеханик или маляр-штукатур. А блогер-рэпер что за птица? Это профессия? - вполне серьезно задал вопрос племяннику Михаил Сергеевич.

- Типа уже да. Короче, как профессия. Ну можно чего там нравиться в блог запихивать.

- И чего же тебе нравится в этот блог запихивать, как ты говоришь? Я же тугой уже, не разбираюсь в штучках молодежных.

- Я с пацанами рэп читаю. Типа рифма такая под классные биты. Потом Восик все это пишет, монтирует, короче. И в сеть, йо!

Дядя Миша долго чесал густые чёрные усы с проседью, потом подложил себе ещё чутка винегрета с картофельным пюре и закивал головой.

- А ты ноты знаешь хоть? Музыканты все ноты знать должны, - задумался вдруг Михаил Сергеевич.

- Типа знаю: до, ре, ми, фа, соль, ля, си!

- Кошка села на такси, - подытожила Татка.

- Да чё, мам?

- Да ничего! Рэпер! Блогер! На заводах работать некому. Некому, Мишка. Веришь?

- Верю, конечно. Ну что, прошло то время, когда молодежи в колхозах мёдом было помазано. Сейчас все другое.

- Да какое другое? Сплошные эти блогеры, рэперы-фигеперы! Не пойми чем занимаются.

- Это нам не пойми. А им, видишь, пойми, - потрепал Стёпку за ухо дядя Миша. - Тебе самому-то нравится?

- Наверное, короче.

– Короче, короче! Длиннее! - рассержено перебила сына мать.

Стёпа пожал плечами, как ни в чем не бывало, и допил остатки ледяного кваса.

– Ну а что тебе ещё нравится, Стёпик, - сгладил острые углы Михаил Сергеевич, - чем ты увлекаешься, кроме этого своего блогерэпа?

– Не знаю, - оглядел все присутствующих Степан. - Типа вот ещё! Рисовать там люблю всякое.

– А как он рисует, Мишаня, - смягчилась Тата, и глаза у неё заблестели, как намытые до скрипа фужеры под шампанское. - Он Лидке Дронкиной такие хризантемы нарисовал, такие хризантемы!

– Надо же! Это когда?

– Типа на днюху, матушка попросила.

***

Михаил Сергеевич внимательно рассматривал карандашные наброски в линованной тетради. В современной живописи он ни понимал ни черта, но работы племянника определенно вызывали у дяди особый интерес.

– А вот здесь что?

168

– Это, типа, страдания героя в образе чудищ.

– Жуть какая. Но красиво, - подчеркнул дядя Миша. - Талант есть. У нас, знаешь, баб Валя рисовала. Не рассказывала мать?

– Неа, - протянул другую тетрадь Стёпка.

– У ней даже грамота какая-то была, она в районном центре, в ТюЗе, декорации к спектаклю расписывала. Вот. Значит, оно по крови передаётся тудым-сюдым, наверное. Теперь ты всякие картинки умеешь изображать. Как они называются эти книжки твои?

– Типа, комиксы!

– Ага, комиксы. Красиво, да, красиво. Мне нравится. Ну ты бы развивал. А? - пристально смотрел на Степана Михаил Сергеевич. - Не хочешь, что ль?

– Короче, непонятки.

– Или тебе этот блогер-рэпер больше нравится? Откуда ты его выдрал вообще?

– Типа, сейчас все пацаны в теме. Если ты крутые ролики мутишь - это прям анриал.

– Ан чего?

– Ништяк, короче. Заработать можно.

– И что, правда так это интересно?

Стёпа почесал затылок и развёл руками. В этот момент в дверном проёме показалось остроносое личико белокурой девушки с крупными веснушками на лбу и щеках.

– Тук-тук!

– Ох ты, ёшкин кот! - удивился Михаил Сергеевич. - Анютка! Это ты? Я же и не узнал тебя! Какая невеста! Гляньте!

Стёпка собрал все свои творческие порывы в охапку и начал быстро распахивать по книжным полкам.

– Заходи, заходи, хорошая! А мамка с папкой где? - выглянул в приоткрытое окно дядя Миша.

– От машины чешут. Стёп, привет! - опустила глаза Анюта.

– Здоров, - задёргался Степан и случайно смахнул с письменного стола деревянную карандашницу.

Дядя Миша помог собрать с пола всю Степановскую канцелярию и вернуть её на место.

– Ну вы болтайте тут, я к взрослым пойду, - подмигнул Михаил Сергеевич племяннику.

Стёпа схватился одной рукой за комод, другую упёр в бок и взволнованно вздохнул. С тех пор, как Аня - дочка родительских друзей, последний раз приезжала в гости к Перепёлкиным, прошло уже года четыре. Детская угловатость её сменилась девичьими округлостями, а волосы отросли до середины спины. Девчонка неожиданно похорошела.

Степану же похвастаться было особо нечем. Разве что первыми сбритыми усиками, позорно торчавшими в разные стороны над верхней губой, как сорняки в мамкином огороде.

– Что прячешь? - смеясь, заглянула Аня к Стёпе за спину.

– Типа ничего, - затаил пацан дыхание.

– А-а-а! - протянула Анька и хитростью выхватила с полки самую толстую тетрадь. - А это что?

– Блин, Ань. Отдай, короче, - зарделся Стёпка.

– Класс, - не слушая Степана, начала листать тетрадь Анька, - это ты сам?

– Типа да.

– Это манга или что? Не сильно разбираюсь.

– Это, короче, микс.

– Ясно. Мне нравится. Ты хочешь стать художником? - плюхнулась Аня на Стёпину диван-кровать. - У меня в классе все хотят

быть блогерами. Чокнулись совсем. Как под копирку стали. Повторяют друг за дружкой. Фотки обрабатывают, ролики снимают одинаковые, не отличишь. Лузеры!

– Типа, почему лузеры?

Аня водила пальцем по тонким карандашным узорам.

– Что? А, ну а разве клёво? Что-то из себя выдавливают несуществующее. Как стадо баранов.

Степан суетливо стал рыскать глазами по комнате в поисках са- модельного штатива для телефона.

– Всё нормально? - проследила за его взглядом подруга детства.

– Ну да, типа, - хотелось Стёпке побыстрее скрыть улики, указывающие и на его стадный образ жизни. - А ты, короче, чем занимаешься? Чё, типа, нравится?

– Хочу геологом стать.

– Прикольно! Это, типа, кто динозавров откапывает?

– Аха-ха, - залилась Анька. - Нет! Динозавров палеонтологи ищут, а геологи изучают строение Земли.

170 Парень от стыда готов был сквозь эту самую землю провалиться здесь и сейчас. Но было нельзя. Прямо под ним, в погребе, остывали свеженькие закатки, за целостность которых Степан отвечал головой и всеми другими частями своего тела.

– Типа, понятно, - хотя на деле ничего Стёпе было не понятно.

– Знаешь, - прижала Анька к груди тетрадь с рисунками, - было бы круто!

– Я, короче, тебя не понял. Круто что?

– Я бы сделала какое-нибудь невероятное геологическое открытие, а ты бы нарисовал обо мне комикс, - Аня мечтательно уставилась в потолок, словно на вздутых трещинах старой штукатурки проявилась история их со Стёпой удивительного будущего.

***

– Тяните билет. Называйте имя, фамилию и геометрические тела. Что у вас?

– Куб и пирамида. Степан Перепёлкин

– Берите ватман на столе и простой карандаш, Степан. Удачи!

– Спасибо...

Литературный
переводъ

Елена Назарева

ПРИТЧА АДЕЛЬБЕРТА

Перевод «Притчи Адельберта» авторства Адельберта де Шамиссо

Адельберт понял, лишь только проснулся, он спал долго; он потер глаза, что никак не хотели открываться навстречу свету, и голову, что была совершенно пуста; наконец он вспомнил возникший у него прежде замысел: отправиться в дальнее изнурительное странствие, чтобы увидеть мир, себя в нем, затем обдумывать, и постигать, если он это сумеет; ибо эти вещи его волновали. Он увидел белый посох, лежащий близ него, хотел схватить его, подняться и неутомимо следовать дальше, но вокруг царил зима и было холодно; все промерзло за время его сна, и он вдруг обнаружил, что его посох и его платье и он сам накрепко примерзли к земле, так что он не мог пошевелиться; лишь руки, что покоились на его груди, остались у него свободными. Сквозь ветви дерева, под которым он лежал, обнаженного и утратившего свой зеленый наряд, ветер гнал мрачный туман, и крона шумела с демоническими звуками; — это так странно, подумал Адельберт; и он продолжил дремать дальше.

173

Адельберт дремал, и просыпался, и дремал дальше, и снова призывал себя подняться; позади него (он лежал лицом к северу) вставало солнце, и садилось, и сменялись луны, и проходили годы: но он все лежал, накрепко прикованный к земле, и над его головой шумели обнаженные, высушенные ветром ветви дерева. — А вокруг него, насколько он мог это видеть, громоздились стены льда, со всех сторон надвигаясь на него и теснясь все плотнее и плотнее, подобно стенам темницы, или гробницы. Это так странно, думал Адельберт, и это тяготы пути, и он думал о многих глупостях, и немного о том, чего вообще не было; как это происходит с некоторыми в их путешествии.

Он думал: следует мужественно сносить неизбежность, и роптать на предначертанное, это глупо. Даст Бог, когда-нибудь наступит оттепель, тогда я, возможно, снова обрету мою свободу, и после этого продолжу мой путь, и мудро использую все, что увижу; и под эти думы он всякий раз снова засыпал.

В ходе тщательного исследования, времени для коего он имел в избытке, до него дошло, что сущность зимы весьма коварна, и он взлелеял непримиримую ненависть к морозу. Единственной радостью, случайным образом его услаждавшей, было, сквозь корку льда, сковывавшего его, смотреть на звезды, когда те сияли на ночном небе, и по неспешному обороту небесной колесницы вокруг Полярной звезды учиться определять время, когда истекал очередной год.

Так в один из полдней он сомкнул веки для спокойного размышления, и потом уснул, а лишь только он снова открыл глаза, произошло удивительное событие. Перед ним стояла в великолепный рост высокая женская фигура, несравнимая ни с одной из земных женщин. Она казалась погруженной в страдание; на ней были длинные траурные одежды, и ее черные волосы струились подобно ночным волнам с ее сияющего чела вниз по ее лицу к волнующимся лилиям ее груди, изливаясь к ее прекрасным членам. Она отвела рукой локоны от своих глаз, и он посмотрел ей в лицо; его сердце затрепетало в груди. Она шагнула к нему ближе и склонилась над ним, и устремила в него серьезный взор своих мрачно пламенеющих глаз: она произносила таинственные могучие звуки своего неземного имени, их звучание не в состоянии повторить ни один из человеческих языков; потом она срезала и взяла с собой прядь волос с его головы, и бросила на него сверху локон собственных волос, продев их сквозь кольцо, снятое ею с пальца; потом ее некой грозной властью отдалили от него, и набросили на нее покров молчания, и она укуталась в то покрывало, и, часто оборачиваясь назад, на него, быстро пошла в сторону севера.

Напрасно силился Адельберт, лежавший без чувств и оцепеневший, сам как лед, что его сковал, быстрее собраться с духом, и кричал ей вослед, моля о сострадании, и громко рыдал, и протягивал к ней руки — она была отрешена, и перед ним снова стояли лишь мрачные, застывшие ледяные стены, окружавшие его. — Он пролил много слез, надел кольцо на свой палец, укрыл локон на груди, и после этого, насытив свое сердце слезами, он снова уснул. Но и в видениях его снов возникал дивный образ женщины, и мучил Адельберта взглядами, молчанием и бегством; он просыпался и вновь обдумывал странное событие, и продолжал дремать дальше, дабы мечтать о женщине. — Его сердце пылало к ней любовью, и он чувствовал,

что она все для него и его судьбы. Он с жаром молил ее, и верил и надеялся лишь на нее в спасении от мучений и своего бесчестья. – Однако спасения не было – так он пережил еще много лун. –

Наконец он извлек большую пользу. Он начал с напряженным усердием всматриваться в кольцо, до этого лишь неустанно целуя и прижимая его к своему сердцу, он полагал найти на этом талисмане какие-либо знаки, и он действительно заметил начертанные внутри кольца знаки – однако прочесть их он не смог, это было выше его понимания.

Пытаясь толковать знаки, он подключил к тому все душевные силы, и он напряженно и неустанно пробовал постичь их любыми путями, и стало не до сна; при этом, казалось, ему самому хотелось, чтобы работа не удалась; но он не отчаивался, он плакал лишь из страха.

И однажды ночью, когда ему снова привиделась дивная картина, и он разом взглянул на нее, словно вспышка молнии мелькнула в его душе; он быстро вытащил кольцо, и в мерцании Полярной звезды, сиявшей ярче обычного, он легко и быстро прочел могущественное слово: THELEIN*.

Θελεῖν**! Желать, так?

«Да будет так! Я желаю этого!» – крикнул он изо всех сил и вскопчил в гневе, и оковы льда, державшие его, разлетелись, легко и быстро, подобно мелькнувшей мысли. – Он схватил свой посох: его лед столь же охотно отпустил. Как раз в этот миг на востоке поднялось солнце и залило кровавым мерцанием стены ледяного замка, в котором он, оглянувшись по сторонам, увидел себя. Он надел кольцо на указательный палец своей правой руки и сжал кулак, и шагнул к восточной стене, и нанес мощный удар, и с грохотом обрушилось и сложилось неподвижное здание, и лежало в руинах вокруг него. И вот он стоял в этом месте, и созерцал лишь следы своего долгого бесчестия, и не плакал, и не смеялся над этим; напротив, он был спокойно серьезным, готовым, с любовью в груди, мощью в теле, к предстоящему странствию.

И поднялось пламенеющее солнце к своему полудню, и под его лучами внезапно растаяли разбросанные обломки ледяного замка. Тут стремительно возник вокруг Адельберга поток живой воды, обступил его диким, бурлящим водоворотом, и тот развернулся вдаль бескрайним морем, что бушевало и вскипало с угрожающим воем, и

волны, что закручивались кольцом, казалось, были на него в гнев, желая сразиться друг с другом, прежде чем поглотить его. — И поднялась на море буря со встречными ветрами, что громоздили все облака над его головой. Он стоял совершенно один посреди ужаса.

И шквал ветра набросился на него, чтобы сбить его — он стоял твердо — лишь с его одеждами резвилась буря, но таинственный локон, хранимый на груди, был у него вырван, и ветер гнал его над потоком. Тогда он бросился в подступающий поток, и — смотри! — все стихло и волны ласково понесли его, пред ним становилось ровным море, и ложились бушующие валы, ураганы смолкали с его приближением, и лишь мягкое дуновение ветров гнало его вслед за гонимым ветром локоном, который он преследовал неутомимым глазом, стремясь дотянуться. Тогда из темного локона перед его взором расцвел подобный амброзии образ таинственной, укутанной покровом женщины, что летящими шагами, не касаясь потока, неслась там, впереди Стремящегося, направляя его ревностную погоню то на север, то на юг, то на запад.

176 Так проделал он большую часть пути, но времени не стало, солнце стояло на южном склоне неба; на севере строго и ярко сверкала Полярная звезда; Утренняя звезда Авроры сияла на востоке, и на западе полыхали самые богатые огни вечера. Звезды выстраивались на небосводе в дивные фигуры судьбы; лазурью был воздух, и лазурью были воды, их пеной были розы и страстоцветы.

И после неизмеримо долгих, настойчивых усилий он увидел, как стремительная парящая фигура направляет свой полет к земле, обозначившейся между севером и югом высокими горами, и она оглядывается все чаще и бросает на него странные взгляды. И он удвоил старания, с мощью рассекал воду и плыл, и теперь образ витал над берегом, и поднимался к горе; и Адельберт достиг земли, и его нога почувствовала под собой твердь; он начал бег в сторону гор, продолжая преследовать. Позади него бушевал прибой, и надвигающиеся валы продолжали преследовать его на суше; бурные волны неслись за ним по пятам и взывали к нему то с угрозами, то с жалобами. Он смотрел только перед собой на стремительно убегающую цель. Это привело его в горную долину, что сужалась перед ним все больше и больше, и нависающие стены скал с грохотом вторили рокоту подступающего прибоя: и фигура вдруг исчезла перед ним. Долина, где он находился, обрывалась узкой расселиной в скалах, у входа в ко-

торую он теперь стоял. Преследуемый морем, он протиснулся в этот проем, и оказался в беспросветном мраке подземного коридора, и ни единого звука больше не достигало его слуха: сердце в его груди наполнилось ужасом.

Он с упорством долго следовал этой тропой, и ждал, погруженный во тьму, смело продвигаясь вперед, скорого выхода. И все глубже вниз шел коридор, и все дальше в глубину вел его, и он, казалось, погружался в необъятную бездну.

Он спускался этим путем долго, когда во тьме возникло далекое свечение; там расступились скалистые стены, и коридор образовал над его головой высокий свод; далекие гармоничные звуки сообщали легкие колебания воздуху, он задышал свободнее, и ускорил шаг, неизменно следуя вперед; и становилось светлее и светлее перед ним и нарастали звуки; но до истока, к центру которого он приближался, он должен был спускаться еще долго и на безмерную глубину.

Там он увидел дивные лики! В необъятном подземном ярусе без числа стояли ткацкие станки, за каждым из них сплетались в противоборстве две одинаковые фигуры. Лишь особые знаки позволяли их различить: одни носили на своих головах карбункулы, а противостоящие им – железные короны, и когда власть первых преобладала, усиливалась яркость камней, которые они несли, и только камни источали легчайший воздух этого сказочного царства, колыаемый мощными гармониями.

Ткачих за станком, что стоял ближе всего к нему, он узнал сразу, едва их увидел, и каждая из них была той дивной женщиной, погруженной в страдание, одетой в длинные траурные одежды, и черные волосы струились с сияющего чела каждой вниз по лицу, к волнующимся лилиям груди и прекрасным членам. Одна несла карбункул, железную корону – другая; обе подняли на него серьезные глаза, сверкнув одна светом, и другая тьмой, и они напряженно боролись и ткали: и он подошел к ткацкому станку и посмотрел, и то полотно, что они ткали, было – его собственной жизнью.

«Я узнал вас, вы гении моей судьбы», вскричал Адельберт; «Карбункул – ты моя внутренняя сила, и ты, мрачное противодействие внешних сил мира; но власть и свет получишь ты, ты, драгоценный Карбункул!»

И прозвучал ответ: «Смотри вверх!» и Смотрящему вверх открылось иное лицо.

Он увидел в центре пространства старца, исполненного величия, сидящего на высоком троне; тот нес на своем челе имя, и это имя было (даже произнесенное иначе на тысячу голосов): АΝΑΓΚΗ***. Его просторные одежды были усыпанной звездами лазурью, в его левой руке покоилась арфа, а правой рукой он касался струн, из которых проистекали гармонии. И когда он перебирал струны, приходили в движение звезды его одеяния, и выстраивались под его аккордами, и когда выстаивались звезды, и были властны извлекаемые аккорды, менялась также борьба ткущих фигур. И их движения, их падения, их подъемы, и все их ткачество, и весь блеск сверкающих карбункулов, были звуками, которые он извлекал. А общее многоцветное полотно было пред ним единым полотном, единым аккордом.

И на алтаре пред троном старца Адельберт увидел локон собственных волос, соединенный с тем другим локоном; он снял кольцо со своего пальца, прочел слово, но теперь прочел: ΣΥΝΤΗΛΕΙΝ****. Он пал ниц в преклонении перед троном. Тут он проснулся; и он обратил лицо навстречу поднимающемуся на востоке солнцу.

---

*Воля (греч.);

**Велеть, желать (греч.);

***Судьба, необходимость (греч.);

****Воля в необходимости (греч.).

Николай Пепелищев

МАТЬ И ДИТЯ

Перевод стихотворения Луизы Глюк

Мечтаем, не ведая, кто мы такие.

Сотворены механизм, машиной мира, сжимающейся семьей.
Потом обратно в мир, отполированные
легкой поркой.

Мечтаем, о чем не помня.

Семейство: терни, чащобы материнского тела.
Мать: белокаменный город внутри.

Но сначала: земля и вода.
Мох, травинки, листва среди камней.

Прежде еще – клетки в великой тьме.
Еще раньше – мир под покровом.

Итак, ты рожден для спокойствия.
Клетки матери и отца родных, ваша очередь
быть судьбоносными, ваша очередь стать венцом.

По наитию живем, ничего не памятуя.
Ваша очередь быть погоняемым,
важно лишь знать ответ:

«Почему я страдаю? Почему невежествен?»
Клетки в великой тьме. Некий нас сотворил механизм.
Ваша очередь этим заняться, вернуться к вопросу:
«Для чего я здесь? Для чего?»

Маша Гатто

В ЭТОМ СУМЕРЕЧНОМ СОЛНЦЕ

(In der abendlichen Sonne)

Переводы стихотворений Франца Кафки

В этом сумеречном солнце Мы сидим, сутуля спины,
Среди зелени на лавках, Опустив понуро руки,
С очень грустными глазами.

А народ шагает в платьях Неуверенно по гальке,
Под огромным небом, тем что Начинается далеко у холмов
И исчезает где-то там в холмах далеких.

СУРОВЫЙ И ПРОХЛАДНЫЙ

(Kühl und hart)

Суровый прохладный сегодняшний день, и тучи стынут.
Ветра как дрожащие росы, и люди стынут.
На рудных камнях металлом шаги раздаются.
Глаза обнимают
бескрайние белые воды.

Вьётся в старых городишках
цепь рождественских домишек, на замёрзшие дорожки
свет струят цветные крыши,
по тропинке снежной лунной человек идёт бесшумно,
ветер тень его большую
надевает на домишки.

Мимо святых
по темным мостам проходят люди.
Люди проходят
с мутными фонарями.

Серое небо пронизано облаками,
теми, что мне медленно тянутся вдоль церквушек
с полупогасшими башнями-куполами.

Кто-то глядит, прильнув к парапету, в ночную воду,
руки кладет на старые камни.

СУД

(Vor Gericht)

Перевод Иоганна Вольфганга Гёте

Я не признаюсь Вам от кого Под сердцем ношу дитя.
Вы скажете -шлюха! Вы скажете - дрянь! Но лишь оскорбите меня. 181

С кем согрешила - Вам не скажу, Мой милый добр и хорош,
Будь златом увешан он -
Будь у него в кармане последний грош.

И пусть только я, только я одна Насмешек услышу глас.
Я знаю его, он знает меня, А Бог знает все о нас.

Отец преподобный, Ваша честь, Прошу Вас, мне нужен покой.
Под сердцем ношу я ребенка, и Этот ребенок мой.

ВЕЧЕРУ

Alla Sera

Перевод Уго Фосколо

Быть может роковая тишина
твой образ начертала мне. О Вечер!
Приди же! И взлелеют облака тебя, молодой зефир увековечит,

когда от стужи ледяного дня
к творцу вселенной движешься навстречу.
Земные тайны сладостно храня,
придешь ты вновь и душу мне излечишь.

И с думами скитаться у тропы
извечной бездны обрекаешь.
Время уходит прочь, и больше нет толпы,

182

что норовит успеть за ним.
Но немля твоей пьянящей благостной тиши,
воинственный мой дух беспечно дремлет.

В ПОЛДЕНЬ СЛАДКИЙ И ЗИМНИЙ

Un dolce pomeriggio d'inverno

Перевод Карло Бетокки

В полдень сладкий и зимний, сладкий,
Потому что был свет постоянным:
Не закатом был, не рассветом. Мои мысли терялись где-то,
Будто бабочки в розах пряных На другом берегу планеты.

Словно бедные бабочки, словно Те, что вечно в саду весною
Вьются стаями желто – белыми,
Улетали легко и ровно,
Беспрестанно следили за мною, Уносились все выше смелые.

Превратилось все в бабочек скоро, И ничто не осталось на месте.
Свет мерцающий брезжил извне, Обнимал ту долину, в которой
Я укрылся, и Ангела песня
Приведет меня прямо к тебе.

Анна Павлова

СНЕЖНЫЙ ВЕЧЕР

Переводы стихотворений Роберта Фроста

Чей этот лес – я догадался.
Под снежной мглой я пробирался
И, обойдя огни селенья,
Никем не признанный остался.

Моя лошадка в удивленьи:
Зачем же ехал целый день я
Туда, где даже дома нету,
А только холод и забвеньё?

И звякнет сбруей, ждёт ответа,
Но ей ответом – посвист ветра
По глади озера лесного,
Да снега тихая беседа.

Лес тёмный и глядит сурово,
Но я с ним связан давним словом,
Пора мне в путь пускаться снова,
Пора мне в путь пускаться снова.

Изящная

СЛОВЕЧНОСТЬ

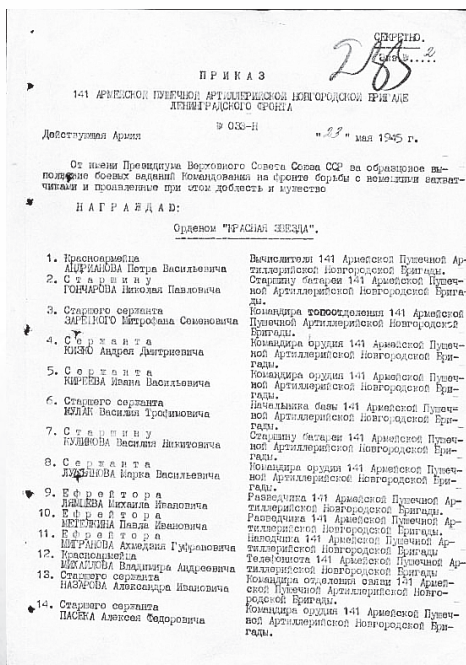
Сергей Петриденко

Я НЕ НАШЕЛ ЕГО ПОРТРЕТА

Я не нашёл его портрета
Но глаз прищуря не забыть
Когда уж баня разогрета
А после есть чего налить.

Сметаной грузди подзаправить
И трубку табачком набить.

Пришло всё позже, откровеньем
Далёких пламенных годов,
Архивных данных разьяснением
Из наградных его листов.

В деревне Ключевой под Тверью
После войны, построив дом
С резными окнами и дверью,
Мой свёкр работал лесником.

Любил лесной народ жужжащий,
Поющий, ухающий в нём.

В январском наступлении первом
В сорок втором осколок злой
Его прошил. Он стать резервом
Не захотел и рвался в бой.

Сказал врачам: - Долг - не повинность!»
Вдохнув из самокрутки дым:
- Не я, так кто? Мы инвалидность
После войны возобновим.
Качая головой в сомненьи
Врачи всё ж согласились с ним.

В болото под Яянислинна(*)
Он прыгал с нар, чтоб наблюдать
Перемещенье немцев, финнов,
Врагов, пришедших убивать

Его страну, его деревню,
Его друзей, отца и мать.

По пояс в ледянящей стуже
Часами, зорок, недвижим.
Он крест бойца нёс. Выжил, сдюжил
Вернулся к матери живым.

Раздал медали он мальчишкам
- Пусть носят! Им так веселей
В войну играть. А мне уж слишком ...
Наград досталось от властей.

- Я аргразведчик, я – ефрейтор»
Ватаге отвечал детей.

Но наступало время грусти,
Затяжки долгой и немой
И оправдания: - Щ-щас отпустит,
Ты не волнуйся, я живой!

Жи-вой и целый, повезло мне.
Ответь, ты слышишь голос мой?

- Ты не курил бы. Сердце это.
Когда к врачу? - Недавно был.
Мой доктор – лес. Лекарство – лето,
От них дано набраться сил.
Минутой редкою в застолье
Рвалась завесы плотной нить
Наружу вырывалось с болью:
- На фронте так хотелось жить!

А вера – фитильком надежды
У всех. Как это мне забыть?

- В аду с врагом пройдя разборы,
Мы в жизнь вернулись майским днём
Казалось, опрокинем горы
Не опрокинем, так свернём.

Мы по-бе-ди-тели! Герои!
И что сегодня? Как живём?

Со мной делился переходом
Той боли, что была внутри
В отчаяния мрак перед восходом
Коммунистической зари

- Гора надежд непроходима?
Он в бане задавал вопрос
И отвечал: - Прицелил мимо,
Тот, с мавзолея в полный рост

На праздник, день победы нашей
Речь кто от власти произнёс.

- Что с победителей мечтами
О «светлом будущем» для нас,
Мильёнов с веры фитильками,
Сваливших зверя в бойни час?

Свечи огонь в паникандиле(**)
Как веры фитилёк угас.

Лишь вовремя, от первой, тонкой
Другая свечка зажжена
Рукою женщины, ребёнка.
Мощнее пламенем она.

И с каждой новой свечою,
Цель наша ближе, мы-народ
С тяжёлой, гордою судьбою
И тот нас к счастью приведёт,

Пред кем свечами бьётся память
Надежд бурлит водоворот.

Я не нашёл его портрета
Чтобы в строю с собой носить.
Он научил меня в газетах
Читать меж строчек, лес любить ...

На позвоночнике двух вмятин
И глаз прищура – не забыть!

---

* - Такое название дали городу Петрозаводску захватившие его финны.

** - Место перед иконой для установки поминальных свечей.

Серафима Иванова

КОНЧИТА

Брет Гард Concepcion De Arguello. 1875, Сан-Франциско

┆

Смотрит в сторону моря, вдоль песчаных холмов,
Крепость старая, солнца подруга.
Францисканских монахов молитвы покров
Унесло – это ветра заслуга.
Было время, торжественно флаг простирал
Гордый герб свой над городом этим,
Но шли годы, всё времени вал отстирал,
Даже шрамы от битв не заметим.
С моря, с воздуха, даже с холмов не видать
Битв, осад, гарнизона дыханье,
Но не может народная память предать,
Даже тихое песни касанье.
Вечно юной останется эта Любовь,
Что сплела свой венок в этом месте,
Тихим шепотом крепость поведает вновь
Нам преданье о верной невесте.

193

||

Граф Резанов, российский посланник царя,
У бойниц, возле чаек кричащих,
Был с хозяином прям, про союз говоря,
Что скрепит подпись пушек молчащих.
Много дел государевых, долго решал,
Команданте его не торопит.
Дочке видеться с графом отец не мешал,
Но визит как вино уже допит.
Обрученьем скрепили союз двух сердец,
Двух держав подписали бумаги,
Возле пушек простились и дочь и отец
С русским рыцарем, полным отваги.
Поднят трап, дым развеял прощальный салют,

В север дальний орлы полетели,
Плыть полгода придется туда, где поют,
В трубах злые ветра и метели.

Нагло пушки глядят из глубоких бойниц,
Длинным рядом пугая пучину,
Но не выдавит ветер из этих глазниц
Слез ни капли, хоть знает причину.
Яркий свет улыбается глади морей,
Уступая плащу из созвездий,
День сменяет дежурство ночных фонарей,
Ожидая гостей и известий.
Побелели от пыли и зноя холмы,
Много дней без воды изнывая,
А потом от дождей потемнели дубы
И задули, шторма напевая.
Год за годом, сезон за сезоном идут,
По полгода цветов и пустыни,
Воды плещут о берег, но весть не несут,
Только брызги и запах полыни.
Что случилось с послами, где царский ответ?
Где любимый? Тревожно невесте.
«Он в пути» - прошептал весь в пыли сухоцвет,
«Он спешит, скоро будете вместе».
Наступала весна и надежда росла,
Вновь загар покрывал её щеки,
Но порой вдруг срывалась с ресницы слеза,
И смежало отчаянье веки.
Мрачный быстро шагал на стене Командор,
Вспоминая слова утешенья,
Плел пословиц старинных несложный узор,
День за днем вел с бедою сраженья.
«Вдвое дольше дорога для тех, кто нас ждет»,
«Хочешь мёда – терпи мух жужжанье»,
«В темноте не глаза, а надежда ведет»,
«Масло сбить – нужен труд и вниманье».
«Время все перемелет в своих жерновах»,

«Будь бесстрашна и праздник родится,
 Честь и чувство я видел у графа в глазах,
 Он сумеет с тобой объясниться».

Только голос запнулся и ласковый свет
 Глаз отцовских на дочку полился.
 Мягкий, нежный и теплый как в детстве совет
 В это тяжкое время родился:
 «Кончичита, Кончита, малышка моя,
 Нужно верить и ждать, моя Конча».

Каждый день их встречала на башне заря,
 Чтобы снова обнять завтра молча.

IV

Ежегодно с холмов кавалькада течет,
 То ковбои как ветер несутся,
 В каждой горничной снова надежда растет,
 Снова в верности мачо клянутся.
 Пастухи в конном спорте, конечно сильны,
 С ними в ловкости кто же поспорит,
 И торчат, словно копыя, ножи из спины
 У быков, что тореро затравит.

Дни любви и кровавого спорта азарт,
 Заседаний в суде справедливых,
 Но кончается праздник, прощается март,
 Время теплых ручьев говорливых.
 Нежный профиль Кончиты за узким окном,
 Образ розы, увитой шипами,
 Тонкий стан, драпированный темным сукном,
 Кружев пена вдоль тела волнами.
 Кабальеро фиалки ей рвали с седла,
 Пел идальго всю ночь под балконом,
 Все напрасно. Она их любить не могла,
 Есть лишь граф в этом мире бездонном.
 Пыль осела, что подняли сотни копыт,
 Лето прочно в холмах утвердилось,
 Барабан замолчал, форд надежно закрыт,
 А веселье прошло и забылось.
 Командор обнял нежно любимую дочь.

«Будем жить в ожидании чуда.
Будем верить. Когда-нибудь кончится ночь,
Посмотри, он вернется оттуда».
И опять каждый взял серых будней мешок,
Где лежали дела в ожиданье,
Стало время стирать их в муки порошок,
Монотонно, уныло, в молчанье.

V

Сорок лет, словно сорок безлунных ночей.
Дули ветры у стен бастиона,
Вновь Георгия крест увидал Монтерей,
Что хранил честь седин Посейдона.
В честь гостей цитадель нарядилась слегка,
Вновь огнями в ней зал освещают,
Речь веселого сэра легка и мягка,
Взгляды дам баронета ласкают.
Офицеры ослабили разум вином,
Среди общего смеха хмельного,
Кто-то вскользь помянул за богатым столом,
Графа бегство от слова святого.
Быстро в гневе к нему подскочил баронет:
«Как Ты не смеешь порочить беднягу!
В этот день ровно сорок уж минуло лет,
Он погиб, не нарушив присягу.
В скачке бешеной лошадь упала его,
Он не смог пережить то паденье,
Ну а как же невеста жила без него?
Тишина разлилась в то мгновение.
«Кто здесь знает, жива ли Кончита еще?»
Лишь монахиня Конча сказала:
«Нет, сеньор, в мире этом не стало её,
В тот момент, когда лошадь упала».

Андрей Гулидов

ДУРА

Под дождем танцует,
Назло всем поет,
У порога ждет,
Вдруг настоящий придет?
Ночью любовь плачет...
Прыг по ступенькам –
Соседка в спину орет:
«Дура»!
А ей все равно,
Ей по ночам лишь грустно.

Наблюдать смешно,
Как смазливые шлюхи
Мужьям своим лгут,
Посмеется и дальше пойдет;
Она другая... видимо, дура!

197

С детьми на площадке играет,
Пока их мамашки друг на друга залипают,
Обсуждают... Кто кого как одевает...
А она с детьми всё играет...
Детство вспоминает...
Дура!

К животным подойдет,
В глаза их посмотрит...
Вот оно... настоящее...
Люди ее обойдут...
Про себя в нее словами плюнут...
Сумасшедшая... грязную псину гладит...
Дура...

КОЧЕРГИНА ЗИНАИДА КОНСТАНТИНОВНА

Добрых суток, горожане,
Меня зовут Альберт.
Родом с Ленинграда,
Папа – парижанин,
Мама коренная –
История умалчивает, какая.

Живу я в коммуналке,
В которой частенько проходят пьянки.
Телосложение – атлет,
Равных мне по району нет!
Мне на сегодня
Неполных тридцать лет.
Одет, как надо!

На мне кепка хулигана,
На лице три шрама;
В зубах дымится папироса,
Как у матерого матроса.

Гуляю как-то по бульвару –
Навстречу мне плывет
Очаровательная дама
С прической пуделя,
В красивом платье
И с телом, затянутым в корсет.

О-па! "Мадемуазель,
Моё почтение!
Зовут меня Альберт!
Как Вас зовут?"

Она ответила:
"Зовут меня Абелия,
Моя мама – парижанка,
А папа мой – герой!
Не помню только, страны какой.
Мне полных сорок девять лет!
А Вы нахал! Еще какой!"

Ого! Вот это да!
"Мадемуазель!
Наверно, необычайно Вы богаты.
Имя Ваше сверкает, словно бриллианты.
Давайте я нарву для Вас цветов!
Под Ваше платье очень подойдут они!"

"Какой же ты нахал!
Не скрою,
Мне так приятно... столько внимания...
Мой ты хулиган!
Конечно, я богата!
И бриллианты не только в имени моем!"

"Мадемуазель!
Чего мы ждем?
Может, в кафешечке чайку попьем?
Или к Вам домой рванем?
Чего покрепче долбанем?"

"Дом мой далеко!
Долгими ночами
Плыть придётся,
Большими кораблями!
Давай пойдём к тебе!"

"Мадемуазель!
Я так польщен,
Что доверяете Вы мне!"

В итоге приехали ко мне!

Мадемуазель вела себя
Довольно странно –
Жрала, как бегемот!
И то и дело
В себя вливала самогон!

Из сумки пьяной мадемуазель
Порхнуло на пол удостоверение –
Меня точно не подводит зрение! –
Удостоверение водителя трамвая!

Вот те на!
Какая там Абелия!
Предо мной сидела,
Вдрабадан набухана,
Зинаида Константиновна.

200

"Тётя, успокойтесь Вы уже!
Не лапайте руками
Подаренные папой
Фаберже!"

ПЕРЕШАГНУТЬ СОМНЕНИЯ

Перешагнуть сомнения –
Новое может стать постоянным,
Приятным увлечением.
Крошки со стола улетели,
Мошки в помидорах, как в своей постели,
Мои мысли вспотели...
Голова в раздумьях:
Туда или сюда...
Или лучше остаться здесь навсегда?

Перешагнуть сомнения –
Кривое отражение, будущее вызывает сомнение.
Пепел в пепельнице,
Стакан для храбрости,
Что станет с теми, кто останется здесь?
Как они будут без меня?
А я буду там, вероятно, что забуду их навсегда!

201

Перешагнуть сомнения –
Забыть свою улицу, консержку-умницу,
Дом и все, что стояло в нем.
Повернуть в последний раз ключом,
Переступить порог.

Перешагнуть сомнения –
Забыть о чужом мнении.
Впереди новая земля,
Новый город,
Но все по-прежнему такой же я.

Мысли затеяли спор...
Нужно опять перешагнуть сомнения.

КОЛЯ

В хорошей семье
Живет мальчик Коленька,
В красивеньком домике
С уютным двориком.
Няня следит,
Чтобы умным был Коленька!

Во двор – только с мамой!
Чуть-чуть погуляли –
И бегом в дом обратно!

Коля, как в клетке,
Смотрит во двор,
Где играют детки.

Коля решил поиграть
Во взрослого дяденьку.
Ночью пошел погулять
Втайне от маменьки.

Коленька словно попал
В мир фейерверков и радости –
Столько людей улыбаются,
Будто у всех какие-то праздники.

Коля услышал, как красиво поют
В баре малолетние пьяницы.
И кучка пьяных матросов
В засосы сосет
Развратных барышень.

Коля, увидев все это,
Захотел в теплый дом,
Обратно к маменьке.
Не понравилась Коленьке жизнь

Взрослого дяденьки.
Коля на утро сказал
Любимой
Няне и маменьке:
– Уж лучше я в клетке буду учиться,
Чем стану свободным пьяницей!

БЕГУНЫ

Бежать быстрее –
Вперед, за Родину!
Бежать быстрее –
Вперед, к мечте!
Бежать, бежать, бежать!
А вдруг мы не успеем?
Проснулись утром – и бежать!
На работе и в других делах
Ни в коем случае
Не отставать!
Бежать домой, быстрее к детям!
Учить уроки,
Читать, писать.
Давайте ужинать быстрее!

203

Потом скорей в кровать, всем спать!
А утром рано нам вставать
И снова в школу, на работу...
Поели быстро! И бежать!

А вот в церквях попы стоят,
Читают что-то
И непонятное чего-то
Кому-то говорят,
Поют еще и не спешат!

Не забивайте головы вы этим!
Нам нужно зарабатывать,
Нам нужно что-то передать

Поколениям и нашим детям!
Нам запретили умирать!
Бежать быстрее!
Главное – не опоздать!

МОИ ДРУЗЬЯ

Друзья мои, друзья,
Мимо моей двери проходя,
Все шепчутся и шепчутся.
Будь проклята ты, дверь моя!
Искренне любя,
Я верю вам,
Мои друзья!

БАЛЕРИНА

Танцуй, балерина, танцуй!
Ты летаешь по залу,
Наслаждаешься славой.
Аплодисменты
Ты заслужила по праву!

Не знала, что станет
Однажды наградой
Свинцовая дробь,
Что летит сквозь тебя
Из самого ада!

Белое платье
Становится красным.
Так и страну мою
Демон
Перекрасил напрасно!

Елена ДАНЬЕВА

СОБЕРИ СВОЙ ГОРОД

Собери свой город мозаикой чужбин.
Из осколков, падающих водопадом.
Из высот-глубин Твоих образов,
освещающих блистающие
покровы и взгляды.

Собери свой город берёзками у ручья,
писем из дома и ностальгии.
Из куполов соборов золотых небес,
осколков льдинок –
росчерками хмельными.

Собери свой город
из переливов волшебных нот,
голосов, дыханием ведущих тему,
города-лабиринты,
а мы живём, продолжая чью-то
оборвавшуюся дилемму.

ЗДРАВСТВУЙТЕ

Здравствуйте – исцеления слово!
Вброшу, как мяч его снова.
в зал, где вокруг картины, не яма и темень,
а мимо снуют тени прошлых свиданий:
Караваджо, Моне, Ренуара...
А теперь собрались мы с вами.

Из жизни беру энергию. Магии силу и ветра.
Здравствуйте! Радости слово!
Вброшу одиннадцатиметровым.
Слово – на вес золота. Грани – бриллианты
и олово солдатиков бравых, отважных
вброшу в зал талантов не однажды.
Слово - каррарским мрамором,
философским камнем и пламенем,
абракадаброй, арепо,
где пахарь рыхлит строки лета.
Сама, как на амбразуру,
словом – мерить натуру,
цензуру отбросить, наказания –
только за расстояния до долга, чести и смысла,
праведности жизни.
Вбросить «Здравствуйте!» «Здорово!»
Собрались все вместе снова мы!
Жизнь, данную однажды,
словом оставить важным!

АКРОСТИХ

Еду, кричит ящик,
Луки коню подтяну,
Если успеешь вскочить,
Надо – вдвоём на Луну.
А впереди – пустырь.
А впереди – пурга.
На самый край земли
Афродита зовёт тебя.
Новый островов взгляд,
Если в движении, как миф,
Вместе в Эдемов сад –
Адама без Евы нет.

Едем, кричит огонь,
Любим, кричит звезда,
Если с тобой она,
На-пере-кор всему –
Ангел поддержит тебя.

БАЛЛАДА ВЛАДИМИРУ ВЫСОЦКОМУ

Он кричит им: стойте! – привередливые!..
Вы несетесь квадригой тяжелой.
Перекатывают слова – камня,
Своей силой поднимая и голосом...

И сейчас: движет колоссы мирской основы.
Без промедленья..
Чувства раздирают на части..
В каждой заповеди – птицей Гамаюн:
Будто гнезда, кладка: кладезь, мысль
И раскаяния за того, с кем бы то ни было –
делил жизнь.

Сколько раз надрывался над пропастью..
Не во ржи, после маковцвета,
В голове стопудово, но крик его
Над ущельями, где бурлят потоки лет.
Он вобрал из слов-слоев всех общества,
Не жалея себя и аорту,
Он кричал, он взывал к справедливости,
Гнал коней, свою взмыленную кагорту.

Не хотели слушать и слышать,
Кто в верхах, не гнушался скабрёзности,
А его, глашатая, пророка, отгоняли в стан
Безызвестности.
Эй, вы, кони его, вороные, или в яблоках, иль каурые..
Все равно... не столь резво!..
Несетесь бешено к пропасти новой.
К барьеру!!..
Где застыли те башни террора, заказав урок и тризну,
Но как прежде взрывают, взрывают,
Не жалеют людей и отчизну.
Вот туда бы неслись его кони, туда,

В придорожную слякоть и пыль,
Перекатывая валунами судьбы,
Привередливо, но не приуныв...
Попоив и погладив,
Дав заряд своей мощности, жизни —
Со всего маху, да не глядя, он бы пеллл,
Чтоб терроррр прекратить! Как умеллл!
Не смирить его пыллл!..
Он бы пел, чтобы успеть остановить взрыв гашеток,
Мальчишек бездушных – из лап смерти освободить...
Уничтожить саму эту мысль – терроризмом
нас всех покорить,
эту мысль, этот страх безвоздушный!
Нас для счастья в себе – возродить!..

Свежий бриз налетает от моря,
Захватив все страдания и горе,
отчего, отчего рвется нить.
Нить накала, нить жути, нить сути... Спасти!..

209

Он бы руки сейчас подставлял,
Он бежал бы, бежал и спасал,
В воду прямо с утеса сигал,
В горы шел и в связке страдал.
И вперед – нам навстречу, на поворот...
До чудесных, невинных высот,
До альпийских чистейших лугов.
Только вперед. Чтоб успеть...
Только вперед. Ему верю...
Сейчас рвется нить. Его крик...
за барьер заскочить.
На коне, без узды, без нагайки,
от слов... рвутся кони в простор!!!
Я хочу с ними тоже туда,
где праматерь наша жила...

Бродячий музыкант – сюжет бродячий.
Кого застанет вскачь, кого иначе.
Кому придет в ночи, кому в томленье,
Пусть забредет к тебе в благодаренье.
В благовещанье строк – в пургу мгновений.
Расставит знаки смыслу и терпенью.
Нет, нет, пометит чувств касания живые,
От них воспрянет дух – прольется ныне.
И если не сполна зашлось, от сердца даже,
Водоворот эмоций вскружит голову отважно,
И водопад – по мукам и унынию, —
Пройдется, как аккорды гимна, сильно.
И пусть до рая далека дорога, ненадежна,
Погибнуть можно запросто, неосторожно.
Попросим ласково, добавим птицам корма,
Сюжет бродячий нам свиданьем добрым!

Анастасия Аршанова

ТУМАН

Над пожелтевшей травкой лег густой туман,
Дома так сухо и тепло, но я хватаю с полки шапку,
Плетусь к двери, ключи кладу в карман,
«Еще вернусь сюда?» - ответ останется загадкой.
Туман, какой густой туман,
Осадок в кислом молоке,
Вода, разбавленная белой краской,
Ступаю тихо, зная, нежность облака – обман,
Жестокость кроется под милой, дружелюбной маской,
Собою прячет для меня заряженный капкан.
Туман, какой густой, бесчувственный туман.
Возможно, собираясь на прогулку в этот раз,
Меня уже тогда сковал убийственный металл.
Должно быть, под привычный звонкий ключей лязг,
Я полагалась на трагический финал.

Кира Хотина

БАЛЛАДА

Во тьме твоих нездешних глаз я потерял себя
Благословляя и кляня тот час, когда любя
Я слово клятвы произнёс, забыв про свой обет
С тех пор в обитель снов и грёз проник твой тайный свет

Ты чародейкой рождена, отринувшей добро
В ту ночь кровавая луна чернила серебро
Хранит поныне старый дуб безмолвия печать
Как я любил горячих губ надменную печаль

И даже если свора псов уже взяла мой след
За каждый миг твоей любви я дать готов ответ
Ещё не завтра свод небес обрушит на меня
Весь гнев завистливых божеств лавиной огня

212

Рука в руке, глаза в глаза, и пусть нелёгок путь
Но нет пути назад! Забудь
О прошлом! Я слепой судьбе
Смогу переломить хребет
С усмешкой подмигнуть

РАВНОДЕСТВИЕ

Как же так получилось, что снова сентябрь на дворе?
И такая царит тишина, что нарушить ее мне и боязно было б, и больно
Я однажды проснусь на холодной и ясной заре
И услышу, как северный ветер поёт, пролетая окрест над седой колокольней

Как же это случилось, что лето опять позади?
Пролетело стозвонною россыпью дней золотых, беспечальных
Потому-то так сердце щемит, замирая, как птица в груди
Что закатное солнце меня навсегда с сентябрем повенчало

И качалась звезда голубая в кленовых ветвях, как дитя в колыбели времен
Я смотрела за ней, растворяясь в прозрачной и искренней грусти
Ты прошло, мое лето, и день мой клонится к закату, судьбой вдохновенной
подарен и Божьим огнём озарен
Миг – и крылья расправит душа, покидая пределы земных захолустий

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Осень прячется в жёлтых листьях покамест
Скоро август. Но ты не грусти понапрасну, лето
Я теплу и солнцу читаю акафист -
Рыжий отблеск скачет с ветки на ветку

Свет небес встречаю, подставив ладони
Беззаботен шаг череды рассветов
Хороно печали на дне затонов
Сны мои в изумруд и нефрит одеты

И пока ещё вкрадчив шаг неизбежной стыни
И дымок вечерних костров пока не горек
И сердец еще не коснулся иней
И мой разум с извечным законом спорит

Но уже ветер перемен лоб горячий студит
И моя душа от любви на волю стремится
Прочь от шор и оков, которым подвластны люди
Расправляя крылья, ночной перелётной птицей

Прости меня, мой кроткий ангел! Я
Призыву муз внимавшая с земли
Мечтала, чтоб из терний бытия
Они меня любовью вознесли.

Как манит свет блуждающих огней!
Но выбирать душа обречена
Скитания меж света и теней,
Любови, сны, дороги, времена.
Я называла Лучиком его,
Его желала больше всех мужчин,
Слепою быть хотела – ничего!
Ведь для любви не названо причин.

Казалось мне, что он – мой мир чудес...
Прозренья горек вкус, как шаг во тьму.
Он – лестница, ведущая с небес
Я песни посвящала не тому.

Я на Дядя

Я не хочу Вас огорчать,
Но я любила Вас когда-то.
Вы не пытались замечать,
Не поднимали даже взгляда.

Вы были холодны со мной
В каждом движеньи, каждом жесте.
И от любви осталась боль,
А сердце словно не на месте.

Сводил с ума серьёзный вид,
И образ снился Ваш ночами.
Теперь же образ тот убит;
Затоплен он, увы, слезами.

216

Я повзрослела с того дня
И отпустила Вас, живите!
А если помните меня,
То лучше в памяти сотрите.

Не стойте, милый, предо мной,
Да поднимитесь же с колена!
И я не та, и Вы другой...
Нам разойтись бы по вселенной!

Нам разбежаться б по углам,
А вы стоите полный чувства!
Руки своей я не подам,
А сердце отдано искусству.

Вы вдохновляли на стихи:
Я их писала каждый вечер.
И вот, Вы слышите впервые
Последний стих последней встречи.

Валентина Астапенко

Безумне, окаянне человеце,

помысли житие твое...

Канон покаянный

ко Господу нашему Иисусу Христу

Гляжу со стороны, как мы живём:
Как мало света в нас, тепла и ласки!
Грызём друг друга и едим живьём...
И так грешим от Пасхи и до Пасхи.

Возможно ли мне главный мой порок
Надёжно вычеркнуть из брэнной жизни?!
Но всё ж молюсь, чтобы Господь помог:
Ведь я больна гордынею капризной.
Попробуй-ка хребет её сломать,
Когда она в оковах держит крепко,
Когда баюкает тебя, как мать...
И спит порою совесть-детка.

217

Да, видно, близок Вечности порог:
Летать нет сил, надломленные крылья.
Благодарю, что в сей последний срок
Господь незрячие глаза открыл мне.
Душа трепещет, что сухой листок,
Представив жизни правленную строчку.
Господь рассудит, подведёт итог
И Сам решит, когда поставить точку.

У речки студёной, где хвои настой,
На танец тебя приглашаю.
Ты думаешь, что я танцую с тобой,
А я ведь стихи сочиняю.

Воды зачерпну - и в полнеба зарю
Несу в котелочке для чая.
Ты думаешь, просто на воду смотрю,
А я ведь стихи сочиняю.

Вон спрятался кто-то в морщину-межу,
Чуть слышно свистит, замирая...
Ты думаешь - сплю. А я в небо гляжу,
Украдкой стихи сочиняю.

НОЧНОЙ СОБЕСЕДНИК

218

Телефон зазвонил среди ночи.
- Говорите. Я слушаю вас!
Неприлично молчать, между прочим...

Вдруг знакомый послышался бас:
- До тебя все дороги размыло,
Мы чужие теперь навсегда.
Что же я в переулке унылом
То стою, то бреду в никуда?
Может быть, не ушло ещё лето?..
Может, боль-то – одна на двоих?..
Может, встречу глаза твои где-то,
Голубые - два солнца живых...

В тихом голосе – нежность и сила.
Сердце замерло, сжалось в комок.
И я, кажется, снова простила.
Только был ли средь ночи звонок?

Чуть слышится скрип ставен.
Калитка нет-нет хлопнет.
Посыплется снег-хлопок...
И тихо опять станет.

Отпело своё – лето.
Покоя земля ищет.
Как хочется стать чище,
Похожим на снег этот.

Сергей Е. Стехов

БАЛЛАДА О РЮДЕЛЕ

Не числил никаких грехов,
Сэр Рюдель Славный за собой,
Грешить был сроду не готов,
И всё же – обделён судьбой.
Не плёл врагам своим тенёт,
Как благородный господин,
И верил – счастье обретёт,
Но годы шли, а он один.

Триполитанская графиня,
Живя за тридевять земель,
Его надеждой поманила,
И Рюдель устремился к ней.
Воспел стихами добродетель;
Паломники его Страны –
Как был он нравом благодетель –
С благоговением снесли.

Из Антиохии обратно
Пришёл заветный знак Судьбы,
И стало Рюделю понятно,
Что дни безбрачья сочтены.
Желая славу преумножить,
В крестовый мчится он поход,
Решив, что меч ему поможет
Умножить благородства счёт.

Триполитанская графиня,
В разлуке выплавав глаза,
В нём видела не Властелина,
К стихам его соотнеся.
А время шло – его всё нет,
Она кручиниться устала.
Вдруг пыльный залюбился след,
Гонца встречает вскоре зала.

«Сэр Рюдель ждёт на берегу,
С одной единственной мечтой:
Назло коварному врагу
Вступить в законный брак с тобой.»
Убрав волнение с лица,
А сердце так тревожно бьётся,
Спешит в обратный путь гонца,
Презрев манеры благородства...

«Я столько лет тебя любила,
Читая письма и стихи;
Они души твоей мерило,
А не в доспехах женихи.
В тебе воспето благородство,
Души твоей особый дар,
И в этом между нами сходство,
А меч подняв, всё потерял»

Высокий берег и шатер,
Сэр Рюдель Славный без доспех,
Израненный, в крови ковёр –
В итоге весь его успех.
Приняв в объятия свои,
Слёз не жалеет для него,
А он молчит, не говорит,
Как Смерть бело его чело.

Он вдруг открыл глаза с улыбкой,
Её немного заробел,
И зарыдала душа скрипкой
За то, что раньше не посмел.
«Прости, меня вела любовь,
А не беспутная судьба,
Не ради дорогих даров
Вела военная тропа.»

«Да, смерть зовёт, но в свой черёд
Прошу тебя супругой быть,
Мой край бесславно пропадёт,
Коль не тебе начнет служить.»
Едва союз был перед Богом
Запечатлен, как умер он
И похоронен на высоком
Скалистом берегу простом...

Геннадий Горовой

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

В солнечное затмение
Желание загадать,
И попросить прощения
У всех, кого надо прощать;

Святою водой окропиться
И по росе походить,
А лучше всего- влюбиться
И себя полюбить.

В каждом из нас- потенциал,
Каждого ждет свой идеал,
Надо стремиться его достичь;
Это так важно- себя полюбить!!!

223

Звезда полярная, звезда кремлевская,
Сияет миру звезда московская,
А может, звезда Голливуда твоя?
Как это важно- найти себя!!!

Кто-то любит грибы собирать,
Другой обожает лечить, исцелять,
Третий может водить поезда...
Миру все нужно? Конечно же, да!!!

Столько возможностей- не сосчитать,
Если, конечно, любить и мечтать;
Где ты видишь себя через год?
Желаю всем отступить от невзгод,

К небу стремиться, его достичь,
И продолжать свою жизнь любить;
Не нравится место, где ты? Меняй!!!
И побыстрее к небу взмывай!!!

Чтобы потомкам своим рассказать,
Как это важно- всегда побеждать,
И достигать- вопреки всему,
Жить чтоб по совести и по уму.

Не забывай свой тяжелый путь,
Старых друзей не позабудь;
Верю, приятель, в тебя всегда,
Пусть не погаснет твоя звезда!!!

Счастья тебе пожелать хочу,
Пусть тебе будет все по плечу,
Радости, мира в душе для всех,
Горечь уныния- это грех.

Пусть лестница в небо тебя ведет,
Хочешь богатым быть через год?
Или сегодня счастливым будь!!!
Мира желаю тебе, в добрый путь!!!

ОБРАЩЕНИЕ К БОГУ

Как красиво цветут цветы,
Опадают желтые листья,
Я в восторге от красоты,
Хорошо в этот мир родиться.

Солнце светит и греет нас,
Восхищают собой рассветы...
Я хочу взлететь, как Пегас,
И увидеть все сверху это.

Пролететь над землей, травой,
Над горами и над лесами,
Чтоб увидеть тот мир- другой-
Не такой, как мы видим с вами.

Где гуляют дети всегда,
Где никто никогда не болеет,
Где живут в мире-дружбе всегда
Мусульмане, христиане, евреи...

225

Где нет войн, и диктаторов нет,
И растаяли ссоры людские;
Люди любят, любимы все-
Пожилые и молодые.

Я хочу добра пожелать,
Умоляю- любите друг друга,
Пусть у каждого будет все-
Статус, деньги, жена, подруга...

И исчезнут войны тогда,
Ведь нет поводов драться-ругаться;
Я желаю вам всем добра,
Позитивными оставаться.

За добро оплатят добром,
Мир улучшится, станет светлее,
Умоляю я, Бог, тебя,
Помоги сделать это скорее.

ЧЕРЕЗ 35 ЛЕТ. ЕМУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

35 лет прошло,
А как будто вчера.
Пятилетним ребенком
Я помню, что было.

Ты ушел далеко,
Ты ушел в небеса;
Но мы часто приходим
К тебе на могилу.

На Ваганьково ходим,
И песни поем;
И стихи там читаем,
И водку мы пьем.

Вспоминаем тебя,
И букетов там море,
Настроенье тяжелое,
Плачем от горя.

Почему ты ушел?
Ты нам нужен сейчас,
Твои песни нас держат
И жить помогают.

Столько света в душе,
Столько боли за всех,
Как мы любим тебя,
Без тебя мы страдаем.
Волки кружат с волчицей,
А там- вертолет,
За флажки наш Володя
Нас выйти зовет.

Чтобы жить и гореть,
Чтобы мир изменить,
Чтобы было чудесно
В этом мире нам жить.

Мы клянемся тебе,
Что сейчас мы начнем
С уваженьем друг к другу
Всегда относиться...

Я вчера на могилу
К тебе не пришел.
Как обидно, что нас
Разделяют границы.

Но клянусь я тебе,
Да и людям клянусь,
Что с любовью в Москву
Очень скоро вернусь.

И тогда будем вместе
Читать мы стихи,
И не буду тогда
Я страдать от тоски.

Каждый должен дойти
До своей высоты,
И открыть этот мир,
И пройти перевалы.
Но пока мы идем,
И проходим свой Путь,
По дороге всегда
Разгребаем завалы.

Я желаю тебе
Быть хранителем там,
Как Сережа,
Который поднялся
Чуть выше.

Помоги разгрести
Этот вечный бедлам,
Чтобы на высоте
Не сносило нам крышу.

Мы тебя обожаем
И память храним,
Постоянно мы слушаем
Хриплые песни.

А в Свердловске- Ебурге
Есть ТВОЙ небоскреб,
Я поеду туда,
Посижу в "Мерседесе".

На котором ты гнал 220 всегда,
Потому что спешил,
Обгонял свое время...

Ты всегда помогаешь
Фанатам своим
Хоть немножко уменьшить
Тяжелое бремя.

Обожаю, Володя,
Я с детства тебя.
Так давай по рюмашке,
Чтобы весело было.

Будем пить мы за мир,
Доброту и Любовь,
Чтобы Солнце всегда
Всей планете светило.

Ты ушел далеко,
Но в сердцах ты живешь,
И слова твоих песен
Мы слышим в эфире.

Никита С. Митрохин

БУДНЕС

Вставай-вставай, мой милый друг,
Бутылка на двоих,
Нас в баре ждёт, мой милый друг,
На этих выходных.

Я буду вновь читать стихи,
Ты будешь одобрять,
Пускай, плохи мои стихи,
Я буду их читать.

Потом, накатим по одной,
А может пополам,
Потом, закурим по одной,
Нам это по зубам.

И ты расскажешь, милый друг,
Что трудно пройден день.
И я вздохну лишь, милый друг,
Как стало нынче лень.

Потом, мы будем рассуждать,
О всякой ерунде,
С тобой мы любим рассуждать,
Что в счастье, что в беде.

Забрезжит из окна рассвет,
Нам солнце подмигнет,
Ты скажешь, что уже рассвет,
И новый день идёт.

Тогда, поедем по домам,
Повызывав такси.
Мы разбредемся по домам,
Сказав «Пока» с «Мерси».

Илья Сувернев

ВОЛЬНОЙ ПТИЦЕЙ

Мне некого больше любить,
Лаская, к груди прижимать
Так не хочется чувству в расцвете
Извиваться, страдать, увядать!

Бедное сердце, не плачь
Из груди не уйдёт печаль,
Вольной птицей пора улетать
За бескрайнюю чистую даль

Где ласкаются львы облаками
Я увидел тебя на закате,
В серебре твоих нежных губ
И как буйный несносный мальчишка
Стал настойчиво зол и груб

Жизнь земная-тяжёлое бремя
Понести – б его вместе с тобой,
Ведь других я любить не умею
Целовать не могу другой

Ты уходишь навстречу заботам,
Так на свете давно повелось,
Жаль, что в это печальное время
Нам увидиться довелось

Но других ведь времён не бывает,
Знаю только, в далёкой стране
Где ласкаются львы облаками
Есть место тебе и мне

На руках твоих
Навсегда я останусь с тобой,
Плачет сердце о чём-то скорбя
И холодной застывшей слезой,
Вдруг узнаю, что ты – не моя

Ночь пройдёт, свет войдёт чужаком,
Он не слышал про слово стон
И терзает меня всего
Этот жуткий пронзительный звон

Никогда никуда не уйду,
Я безмолвной печалью пьян,
На руках твоих тихо умру
От душевных глубоких ран

ПАМЯТЬ

232

Моё сердце тобой жить устало,
В тяжесть один простой день
Наблюдаю как заходит солнце,
За собою оставляя тень

Ветер сказал, ты вернёшься,
Тысячу дорог пройдя одна,
Не забуду ту, последнюю улыбку,
Что так больно нежность обожгла

Эта рана заживёт быть может,
Но глубокий шрам оставит мне,
И на утомлённой, бледной коже
Будет вечно память о тебе

ПРОЩАЙ

Скользят неслышно облака по небу,
И тенью просят за собой идти,
А прошлое мелькает тихо где-то,
И мне к нему дороги не найти

Глаза прекрасной светятся цветами,
От розы след остался на столе,
Тебя люблю, но ты не отвечаешь,
Объяла горечь тесно сердце мне

Сквозь тишину услышу звон бокала,
Последний поезд заберёт с собой,
И собирая грусть хрустальными горстями,
Найдёшь письмо: «Прощай, навеки твой.»

ТЫ ПОЗВОЛЬ ЗА ТОБОЮ ИДТИ

Ты позволь за тобою идти
Сквозь избитую в клочья судьбу,
Целовать позволь лишь одну
Ведь иначе я жить не могу

Тяжело на закат смотреть,
Плакать и ждать чудес,
Предо мною раскинулся тёмный

Глухой и пугающий лес.
Вырви-ж сердце моё из груди,
Утопи всю печаль в реке,
Может это всего лишь сон

Кошмарный явился мне?
Одиноко дышать на земле,
Я наверное скоро уйду,
Ведь кого-то любить, не тебя
Больше уже не могу

ЦВЕТЫ НАД ДОЖДЯМИ

Улетают цветы над дождями,
Мне наверное спать пора,
Ты сказала «Мы будем друзьями»
На плечи спустилась гора

Уходишь, как облако нежное,
Я громко кричу «Постой!»
Возможно ли жить на свете

Когда тяжело болен тобой?
Останься хоть на мгновение
Готов все печали снести,
Только-бы знать, что на свете,

Ты далеко, но есть
Ничего, что любовь прошла,
Сердце ведь помнит всегда,
Вижу твоё отражение,
Над которым бушует вода

Максим Букин

ЛЮДСКИЕ САДЫ

Где роздых изыскать, что захоронен белым поднебесьем?
Застать, изречь, изменживать, что корни мои угодили в ветошь.
Где никто не переберёт слепое обличье...
И никто не проронит: – Он был наверняка - Излишек...

Где бы урочище мне изыскать?
Что ухитит плюгавым холстом
Где раздольно можно шагать
И никто не наложит свой гонор.

Где бы смог разустаться, склониться
И ничто не проникнет в Сион.
Где пустынное марево катит
Жнивье отмерших хлебов.

236

Где покорно цепляют зажор
Тленный глаз – большинству новизна.
И не ведают больше ростков,
Ведь в уклад не пуцают лжеца.

Ранним утром за чашечкой чая
Вкусив тихий звон пустоты.
Утвердительно принимаю:
- Не вернусь я в людские сады!

ПОРОЮ АЖИТАЦИЯ...

Порою ажитация столь непомерна,
Что расплескав её бездонную купель,
И рваных сил старинную дилемму,
Смиренно угасает жизненная прель.

Порою ажитация тугой купели
Скитается с надеждой обрести
Засушливые земли Мариэли,
Где от протрации не видно и дуги.

Порою ажитация грехов зверее,
Что нацарапаны на манускрипте Антово...
А лицезрение такие грехов сроднее
Той муке, что лукает в ятовь.

ГОЛИАФ

Катарсис, боль и отречение...

Вчера зияла пустота.

Как голиаф бреду вдоль моря и жду, что вскоре голова моя окажется у ног Софии, которая давно ждала меня.

- Родная, я шагами землю мерял...

И вот явился пред тобой.

Прости, конечно, что не прежний, цельный, но по-другому я не смог.

Оставил душу я в пустыне,

Где Моисей бродил годами.

А тело брненное моё там, где воцаряет - Сатана...

Я предал родину и лица позабыл

Детей, и матери слова:

- Ты должен помнить любящих и то, что есть обратная дорога...

Но я забыл... Не без причины...

238

Вина - инверсия души.

Теперь для грусти места нет. Я выменял всё на надежду обрести...

Как голиаф, стою я на вершине...

Готов сражаться с тысячной ордой.

Но знаю: неизбежен тот, кто все мои мечты гранитным камнем обречёт...

Мария Шубина

ВОЖДЕЛЕНИЕ

Какова природа вожделения?
Всегда ли это тёмное, безвольное хотение?
А свет прольётся лишь в благообразной келье...
Свет можно добывать и в темном подземелье.
Не только лишь душой и плотью, глубже – Духом возжелать.

Желаю!
В бытийственной бездне, страдании –
Как в единственной причине сознания –
Тугою грудью налитой, обнаженной
К печи добела раскаленной – твоей груди,
Пылая, припадать.

На поле битвы дьявола и бога
Наложницей твоею стать в плену любви острога.
В дионисийском ритмическом танце
В поту, в наслоенье запахов в пространстве
Изнемогая, совпадать.

239

И на распятыях рук твоих – объятий,
Беспечно разжимая бдительности рукояти,
Чуть слышно шептать, блаженно молить о пощаде.
Угадать, отражать одинаковость наслажденья в твоём взгляде.
До дна всю себя отдавать.

В огненном движении в эти темные бездны
Мы провалимся уже бестелесны.
Но в исступленном экстазе не размоются грани личностей:
Человек до глубины неистребим в своей полярности и динамичности.
В катарсисе подлинный свет добывать.

Π ΟЭМЫ

Наталья Стрелитина-Шурина

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА

Симону Шурину посвящается

*«Лишь возвращение солнца утраченного,
но, вернувшегося, воспел человек...»*

Л. Фейербах

*«Как счастлив, кто любим! Но Боги,
как счастлив тот, кто любит сам!»*

И.В.Гёте

Когда поднимется душа
Вновь осознать свои мгновенья,
Я сяду молча, не спеша,
Наступит миг освобожденья,
Слова завяжутся. Поток
несёт, зовёт мои влеченья.
И на пороге мутных строк
Появится стихотворенье...

***

Поток возник тот не случайно
Подземные свои ключи
Хранит податливая тайна
И дарит изредка в тиши...
Но вдохновенье у порога,
А тема вечная – любовь,
И ускользает стройность слога,
Но главное – не прекословь.
Поток нас вынесет на берег
Волнения и мастерства.
И что нам шумная молва?

***

Как часто горе и разлад
Вели поэта к вдохновенью,
Но как, мой друг, сегодня рад
Воспеть любовь без сожаленья
И успокоить душу тех,
В ком нет надежды на успех,
Кто так устал от ожидания,
И ждёт заветного свиданья...

***

Совет так прост: в любые лета
Храни тот образ человека,
Что идеалом ты назвал...
И он когда-нибудь придет,
Он нежно за руку возьмёт
И душу вам беспокоит.
Земные радости откроет
и неземные. Тот пропал,
Кто идеал свой потерял.
Во тьму несется тень порока,
Душа томится одиноко...

***

Но у поэмы есть начало,
И есть начало у судьбы.
Как часто счастье ускользало
И уводило от мечты...
Но бросив юности затеи,
Найдя волнение в трудах,
Мы вышли на заветный берег...

И обрести мечтали мир...
Но наш восторг был обозначен
И жребий счастьем назначен...

***

Воспеть хочу я зрелый пир
Ума, восторгов, вдохновений –
Совсем немолод мой кумир.
Но что слова – скорее к делу,
Иду к заветному пределу,
Как он пришел... Открылась дверь
И гость сказал нам: «Добрый день!»

***

Огромный бородач вошел в тот дом,
В котором представление играла я:
И шум, и кутерьму дарила,
Как своё освобожденье
От долгих дней, что отданы уму.
Пытливо я за гостем наблюдала,
И вечным для себя считала правом
Не верить ни во что и ничему...

Однако разговор идёт лукавый
О том, о сём. Какого нрава
Никто не знает – лишь улыбка
Скользит застенчиво и зыбко.
Но вот коснулся, строг и прост
О Вечности его вопрос.
Но что еще? Пока не знаю.
Идет тем временем к роялю.
Стою поодаль, чуть дыша...
И что же? Вот и чудо!
Добрый гений
Мне душу близкую открыл -
Набат любви заговорил...

***

Почтительная робость в тех глазах
Меня заворожила. Мир качнулся.

И вдруг – добром и лаской обернулся...
А дальше всё не помню,-
Меня несло подобно кораблю
На остров сказочный «Люблю».

Свершилось всё по высшему велению,
Нашла слова, улыбки, все значенья...
Ты не противился. Ты знал,
что так и надо. Поверил и услышал,
И награда перешагнула смертных идеал –
Ты вдруг себя во мне узнал...

***

И всё же, кто он? Небожитель?
Искусств, науки покровитель?
Он просто в музыку влюблён
И признаёт лишь дерзкий поиск
Всех истин. Мировых проблем
потоком он обеспокоен.
И состраданья высший дар
Он людям щедро отдавал.
Его миры как Млечный путь.
Пространство, Время – это мало.
Он прилетел к нам с дальних звёзд.
И на пороге Идеала
Он слово Вечность произнёс...
О, как ему я доверяла,
В мечтах являлся он ко мне,
Его нашла я на Земле...

***

Вселенские прогулки – прочь!
Мечта устала в сновиденьях
Бродить в потёмках. Сгиньте тени
Непониманья, пустоты.
Моё призванье – это ты.

***

Слова таинственные смело
Ты произнёс. И вот любовь
Торопит дело – и вечный двигатель ума
И жадный проводник добра...
Я торжествующе спокойно принимала
Твою стремительную нежную тоску,

Но мне тогда казалось – это мало –
Принять любовь так страшно – подожду...

Любовь...
Её загадка нами правит,
И то алмаз нам вдруг подарит,
То жалкий камешек. И тьма
Ведет нас на исходе дня.
Проходят годы. Не летаем,
И равнодушие на порог,
Не знаем мы, куда бы скрыться,
Но держит нас семейный долг.
И нужно очень постараться
До сентябрей любви домчаться...

245

***

«...И первый луч блеснул, ликуя,-
Увы! То был разлуки час». Гёте.

Она решила – наважденье,
Скорей забыть! Из сердца вон!
И вновь вершить своё горенье:
Что я ему и что мне он?

Остановиться б, оглянуться,-
Мне сон не в сон, мне всюду он
Мерещится на вираже.
Зову, тоскую и молю
И писем лихорадку пью...
Но мой герой уже в дороге,

Разлука ждёт их на пороге
и машет грозною рукой...
Но здесь героя мы оставим,
Гонца любви назад отправим
И скажем дерзко: «Здесь живи
и ожиданью счет веди!»

Неистово, неодолимо
Душа к душе стремилась бег.
И все преграды мимо, мимо...

***

Мой светлый дом
Мне радость не сулит:
к чему ни прикоснусь
одна досада,
Всё валится из рук,
И мысль молчит.
Единственная верная награда -
Твоё письмо.
Куда бежать? Где спрятаться,
Скажи?
Чем успокоить новое волнение?
Глаза Ван-Гога пристальны в тиши,
Лишь он один всё знает...
Откровенье меня спасёт.

***

Начну. Вот лабиринт – разлука.
Я знаю, что тебя найду,
Но здесь бродить – такая мука.
Я вовсе не боюсь – мне так светло,
Я поднимаю руки – всё возможно,
И вижу: ты сидишь, склонив лицо.
И гладишь пальцы чьи-то осторожно.
Никто не видит, кроме нас двоих,
И наша нежность в мире безгранична,
И скорость света для неё привычна,
Действительность – её мираж и крик

Очнулся ты, и взгляд уныло бродит.
Куда запрятать стон: «Приди!»
И мысль опять по лабиринту бродит
Твоей любви...

***

Любовь, одну любовь –
Владычицу земных страданий,
И клятв, и грустных ожиданий
И многих заповедей смерть.
Какая это круговерть!
Как не попасть в её горнило,
Чтоб новизна не заманила.

Её предмет всё находить,
Всё что-то строить, возводить,
И новый уголок пространства
Поставить властной рукой.
Прийти с мечтой на водопой...
И дать нам факел постоянства.
Забуть про тяжкий груз обид
И будет всякий враг разбит
Одной улыбкой лучезарной...

247

***

Но про любовь никто не знает,
Она блуждает наугад,
Она кому-то козни правит,
Кого-то мчит всё невпопад.
Но так бывает – Откровенье,
И засияет Чистота,
И утверждает высший Гений.
Что без Любви – всё суета...

***

Мы встретились. Глаза в глаза.
На что лицо его похоже?
Я не забуду никогда -
Страданья маска, крик и боль -
Всё встретила моя ладонь.

Мы покачнулись, молча сели
и долго-долго всё смотрели,
не понимая ничего...
Мгновения прошли. Очнулись,
Бессвязны речи потянулись,
Улыбки свет и дрожь руки.
Мы вышли молча...

***

Всё было странною мечтой.
И воплощалось. Мы летели.
А может быть, мы просто пели?
Но с каждым часом не скудели
Реки заветной берега.
Дорога нас вела и била
И часто в дебри уводила...
Но спяны своей мечтой,
Мы устояли...
Звук родился,
В мелодию он обратился,
И зазвучал на много вёрст,
Но денег нам он не принес.
Явились радость и восторги,
Друзей, поклонников и толки,
И закружилась карусель,
На много лет, на много дней...
Работой трудной, но прекрасной
Мы были заняты всечасно...

Кто были мы? Наверно, Боги!
Друг другу слали монологи,
Познали радости, тревоги,
А нынче взялись за куплет,
И счастье длилось много лет...

На этот всѢ! Слѣдующій выпускъ
журнала ожидайте
20 февраля
в новотѢ году

249

Русский литературный центр

Русский литературный центр

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ

Литературно-художественное и публицистическое издание

Главный редактор: Никита С.Митрохин

Обложка: Никита С.Митрохин

Технический редактор: Виктор Богданов

Редактор-составитель: Виктор Богданов

Макетирование и дизайн: Алла Сороко

250

Произведения представлены в авторской редакции

Подписано в печать: 23.12.2020

Старт продаж: 25.12.2020

Лицензированный тираж: 2 500

Отпечатано:

НАП и СМИ «Русский литературный центр»

По вопросам распространения обращаться:

info@litagency.ru

Рекомендованная розничная цена: 350 Р

Привет!

Книги нашего издательства включены в международную сеть BookCrossing.

Что это значит?

3 экземпляра каждого издания, выпущенного под маркой "Русский литературный центр" отправляются в грандиозное путешествие из рук в руки по всему свету! Отследить их судьбу можно по BookCrossing ID (сокр. - BCID) на сайте Bookcrossing.com

А еще, ты можешь отправить экземпляр издания, что держишь в руках в путешествие. Нужно лишь зарегистрировать книгу и присвоить ей BCID

BCID:

Русский литературный

центр

лучшие, потому что можем!

